

МЕДВЕЖИЙ ДОЖДЬ

(Роман)



1.

В машбюро было как всегда оживленно. Наборщицы что-то бурно обсуждали между собой. Как только открылась дверь, и появился Азиз, все приумолкли и принялись деловито стучать на пишущих машинках.

- Девчата, есть срочный материал, кто со мной поработает? - спросил он.

Ответа не последовало. Он продолжил:

- Это задание редактора, материал должен выйти в сегодняшнем номере.

Девушки промолчали. Как обычно, начала ворчать худая коротышка Ваджиба:

- С утра печатала для пяти человек, с места не вставала. Теперь еще отдел искусства срочный материал решил заслать.

- Да, вижу, - кивнул Азиз на белые листы "халтуры" перед ней. Другие тоже знали, что редакционные материалы печатаются на серой бумаге, но сделали вид, будто ничего и не заметили. Ваджибы в редакции все остерегались, попробуй ей что-то сказать, десять раз пожалеешь.

Азиз так и застыл у приоткрытой двери, хлопая мелкими карими глазками, не зная, как ему быть. Диктовать свою писанину машинистке Севиль не хотелось, столько ошибок наделает, что сам же потом пожалеешь.

Тамилла улыбнулась, угадав его мысли. Она вынула из машинки начатую страницу и заправила чистую бумагу. Азиз обрадованно подсел к ней.

В дверях появился уважаемый всеми Самед:

- Севиль, почему у тебя всюду напечатано "сев" вместо "посев"?

- Я печатала под вашу диктовку, - ответила раздраженно Севиль.

- А почему вместо "план" у тебя "палан"*? - Все так же спокойно спросил Самед.

- Я же не от себя... - разозлилась Севиль.

- Значит, и это я надиктовал. - Он оставил машинопись работы перед девушкой и вышел.

Прочитав подчеркнутое слово, Севиль покраснела до ушей. Ваджиба при этом вскочила с места, быстро пробежалась по тексту глазами и залилась звонким смехом. Тамилла выхватила у нее лист, подчеркнутое слово бросилось в глаза и Азизу.

- Пойди это в номер, опозорились бы точно, - сказал он, утирая проступившие от смеха слезы.

Вскоре про злосчастную ошибку знала вся редакция. Кто и когда успел разнести о ней слух, было непонятно.

- Что слаще всего на свете? - Все оживились, когда вошел Тахмаз.

- Халтура! - хором ответили трое девчат.

- Так оно и есть! - поддел он их. - Вам ведь в отличие от нас не приходится целый месяц орудовать пером, чтобы в итоге расписаться всего за двести манатов.

- Будь у тебя мозги, не заканчивал бы университет, а пошел бы на курсы машинисток, как мы, - не осталась в долгу Тамилла.

- Мне уже поздно для этого. Кто в сорок научится играть на зурне, тот, знаешь, где сыграет?

- Знаю, знаю.

Тахмаз загреб в охапку Азиза и пересадил на стул рядом с Ваджибой, а сам сел на его место. Он это проделал так быстро и смешно, что девушек разразило смехом.

- Если все это так, то скажи, как у тебя с финансами? -

* *палан* - подстилка (аз.)

спросил он у Тамиллы.

- Как всегда, - улыбнулась она, - сколько тебе нужно?

- Пятьдесят манатов. Хорошую кофту принесли, хочу для Розы купить.

Роза была женой Тахмаза. Где бы чего он ни увидел, обязательно должен был купить своей женошке.

- Ну-ка, принеси сюда эту кофту, - Тамилла сказала приказным тоном.

Тахмаз вышел и сразу вернулся с кофтой. Девчата единодушно решили, что это будет отличным приобретением. Тахмаз победоносно сложил покупку и запаковал ее в оберточную бумагу. А Тамилла вынула из сумки хорошо знакомую всем в редакции черную тетрадь и, достав из нее две купюры по двадцать пять манатов, дала их Тахмазу.

Тамиллу в редакции все называли "скорой помощью". Не бывало такого, чтобы она отказалась одолжить кому-нибудь денег, или не имела их при себе.

- Верну в получку, - сказал Тахмаз и, выбежав из комнаты, чуть ли ни нос к носу столкнулся с Айдан, которой шутиливо бросил на бегу:

- Опять опоздала?

- Нет, задержалась, - Айдан вошла в машбюро, и по привычке шумно поздоровалась:

- Девчата, вам не свалиться с дерева халтуры!

- Какой приятный запах, - потянула носом Тамилла, а за ней и Севиль с Ваджибой. Айдан не стала испытывать их терпения и положила на стол перед каждой по три ландыша.

- На улице такая прекрасная погода, даже не хочется идти на работу. После того, как побывала на "объекте", я ровно два часа гуляла по городу, - она вышла так же шумно, как и вошла.

Айдан остановилась в дверях с табличкой "Отдел фельетонов":

- Салам, товарищи!

Заведующий отделом Эльман, корреспонденты Гусейн

муаллим и Самир сидели на своих местах. А кресло, как всегда, занимал Октай, заведующий отделом сельского хозяйства.

- Признайтесь, где вы были? - Октай попытался, как бы в шутку спросить про то, что занимало его всерьез. За три года после появления Айдан он полностью потерял покой.

- Была на объекте, - ответила Айдан, усаживаясь на свое место.

- Хорошая отговорка, - поддел ее Гусейн муаллим.

- Это не отговорка, Гусейн муаллим, - я действительно была на объекте, проверяла одно письмо с жалобой. Шестой раз уже побывала, но больше туда, ни ногой.

- Вот и нас не лишишь счастья тебя лицезреть, - произнес Октай таким страдальческим тоном, что все рассмеялись.

- Ребята, кто может одолжить мне заголовок? - вдруг обратился присутствующим Гусейн муаллим.

- Не говори хотя бы, что займы. Сколько лет уже я снабжаю тебя заголовками, но долга ты, так ни разу и не вернул. Лучше попроси, чтобы тебе помогли с заголовком, - слова Октая вызвали смех.

Увидев, как огорчился Гусейн муаллим, Октай решил отвлечь его:

- О чем статья?

- О виноградарстве.

- Тогда озаглавь материал "Медовые гроздья", - подмигнул Октай остальным в комнате.

- Отлично! - обрадовался Гусейн муаллим под общий смех.

- Что случилось, почему вы смеетесь?.. - обиделся он.

Самир утер прослезившиеся от смеха глаза:

- В сегодняшнем номере вышла публикация Октая под таким заголовком.

Гусейн муаллим бросил уничтожающий взгляд на Октая, но ничего не сказал. Когда Октай и Самир вышли из комнаты, Гусейн муаллим подошел к столу Айдан:

- Просмотри-ка этот материал.

- Просмотреть, или подправить?
- Сама знаешь, - улыбнулся он виновато.

Она начала вслух читать статью:

- "В экономике колхоза "Комсомол" виноградарство занимает основное место". Вам еще не надоели такие шаблонные предложения? - сказала она ворчливо. - А дальше, обратите внимание, в одном предложении ровно четыре раза повторяется слово "труд".

- Доченька, как в народе говорят, ушла моя прыть, остается лишь нить. Знай, что я пишу только ради гонорара. Не сравнивай меня с собой, ты еще молодая, у тебя голова еще не устала, - ответил Гусейн муаллим.

Айдан больше ничего не сказала и стала править материал.

Как-то Гусейн муаллим говорил ей:

- Я с интересом читаю все, что ты пишешь, у тебя прекрасно получаются зарисовки.

А через некоторое время он снова сидел перед ней уже списанной в руке:

- Просмотри, пожалуйста, и эту статью. Чувствую, что не хватает выразительности в начале. Может, что-то сделаешь? Она не сразу поняла, чего хочет этот степенных лет журналист. Когда, наконец, до нее дошло, она призадумалась и добавила в текст описание весеннего вечера. Гусейн остался чрезвычайно довольным.

В другой раз Гусейн попросил ее дописать концовку статьи. Она, молча, исполнила просьбу. Позже, такого рода обращения к ней стали обычным делом. То он просил помочь диалог построить, то зачин и концовку материалов. Айдан стеснялась отказать пожилому человеку в помощи, которая не очень-то ее и обременяла.

Вскоре об их "творческом союзе" прознала уже вся редакция. На одной из "летучек" Октай, коснувшись публикаций Гусейна, сказал, что расцвет в его творчестве странным образом совпал с появлением в отделе фельетонов Айдан. Неп-

рикрытая ирония вызвала дружный смех.

Зазвенел внутренний телефон. Айдан подняла трубку. Это был редактор:

- Зайди, пожалуйста, ко мне.

Тот был один, поздоровался и предложил присесть, справился о ее самочувствии. Затем сказал:

- Если у тебя нет срочной работы, то возьми это письмо, внимательно изучи и дай мне знать, что решишь.

Анонимка была написана аккуратным ученическим почерком. В ней сообщалось о том, что главврач районной больницы Мурад Алиев халатно относится к своим пациентам, самовольно захватил большой земельный участок, который использует для личной наживы. Отмечалось, что он из тщеславия занимается прокладкой дороги, установкой фонтанов, посадкой деревьев.

Анонимный автор сообщал, что М.Алиев тратит время впустую вместо того, чтобы интересоваться состоянием пациентов. Главный выпад заключался в том, что он без разрешения открыл кабинет психотерапии, ведет незаконный прием и самовольно лечит больных.

Айдан перечитала письмо несколько раз. Ей показалось странным, что автор пытался навести тень на авторитетного врача, тогда как приведенные факты, напротив, вызывали к нему симпатию.

У Айдан возникло желание познакомиться с этим человеком, лица которого она никогда не видела, голоса не слышала и о котором не имела ни малейшего представления. Решила зайти к редактору. Тот спросил:

- Ну, как, заинтересовало письмо?

- Да, если позволите, то я займусь этим вопросом.

* * *

Эльман справился с очередным заданием. Айдан это сразу определила по его приподнятому настроению и выдала шуточный репортаж:

- Эльман Мамедов сидел довольный собой, завершив очередной фельетон, который должен был взбудоражить всю республику, когда в комнату вошла сотрудница отдела Айдан Омарова.

Она встала перед его столом:

- Товарищ "зав", учитывая, что вы заняты сверх меры и не замечаете при этом своих сотрудников, мы удаляемся.

- Это правда? - удивился Эльман.

- Конечно, правда.

- А я-то думал, что мы сегодня вдоволь с тобой побеседуем, - огорчился Эльман.

- Оставим на следующий раз, - приняв серьезный вид, она подошла к своему столу и начала собирать вещи.

- Будешь проверять жалобу на главного врача?

- Да.

- Ровно день трястись в дороге. Тебе это надо? Это далекий район. Будет нелегко.

- Ничего, - Айдан перекинула сумку за спину и распустила на плечи темно-каштановые волосы.

- Будь осторожна, смотри, чтобы тебя не похитили, - подшутил Эльман.

- Большое спасибо за вашу заботу, пока! - бросила Айдан, выходя из комнаты.

Гусейн муаллим обеспокоился, когда придя после обеденного перерыва, не увидел Айдан:

- А где наша ханум?

- Уехала в командировку.

- Интересно, где она оставила мою статью? - Он стал искать на своем столе. Затем подошел к столу Айдан и оживился, увидев записку. "Гусейн муаллим, вашу статью трудно переделать. Поэтому мне пришлось написать ее заново. Бумаги в правом ящике моего стола. Можете озаглавить так: "Когда есть вера".

Гусейн муаллим обрадовался и, взяв рукопись, направился диктовать ее в машбюро.

2.

Айдан доехала до районного центра в семь часов вечера. Всю ночь она не сомкнула в поезде глаз под стук колес, а с раннего утра продолжила путь в небольшом тряском автобусе. Ее порядком утомили крутые повороты на горных дорогах.

Первый секретарь райкома партии, узнав о цели приезда Айдан, поспешил выразить свое недовольство:

- Говорят, от преследований и храбрец может обернуться трусом, - и добавил, - сами увидите, что это за человек. Это уже пятый донос на него. Недавно комиссия была.

- Проверки что-то выявили?

- Что вы говорите! Мурад порядочный человек.

- А что это за сад?

- Вокруг больницы пустовал примерно гектар земли. Мурад разбил на этом месте фруктовый сад. Со всех уголков республики привез саженцы и адаптировал под местные условия. Вместо того, чтобы приветствовать подобный пример, сказать спасибо за труд, неблагодарные люди преподносят это благовидное дело так, будто он делает все в корыстных целях.

Айдан встала:

- Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Пойду, посмотрю своими глазами.

- Правильно. Но, сегодня уже поздно. В гостинице для вас приготовили хорошую комнату. Обед подадут в номер. Отдохните хорошенько, завтра с утра я вас познакомлю с главным врачом, - он проводил ее до двери.

Айдан попрощалась и направилась в гостиницу. Умылась и передохнула. В номере оставаться не хотелось, и она вышла прогуляться. Вдоволь походив по улицам районного центра и дойдя до окраины города, она увидела фруктовый сад. Пройдясь вдоль него, вдруг подумала: "Может быть, это и есть больничный сад?"

Вскоре, завидев перед собой двухэтажное здание районной больницы, она убедилась в своей правоте.

Воздух вокруг был наполнен тонким ароматом нежно-розовых цветов черешни. В расположившемся напротив больницы бассейне с фонтаном плавали золотые рыбки. Айдан ступала по зеленой траве, бархатной, словно ворсистый ковер, любовалась красотой небольшого ботанического сада и наслаждалась тишиной, царившей вокруг.

* * *

- Знакомьтесь, это наш главный врач Мурад Алиев. - Мамед Гейдаров представил Айдан в приемной перед своим кабинетом смуглого мужчину с добрым взглядом. Затем он обернулся к ней:

- А это журналистка Айдан Омарова, я тебе говорил о ней, - познакомив их, он добавил, - у меня заседание, с вашего позволения я пойду. Мурад, нашу гостью я поручаю тебе.

Когда они остались вдвоем, врач заметил:

- Я никогда не общался с журналистами.

Потом добавил:

- Почему-то я всегда представлял себе журналистами мужчин. А теперь вижу перед собой красивую девушку.

- Я вас тоже представляла иначе, постарше, - призналась Айдан.

- И насколько "постарше"?

- Думала вам лет 50.

- Не очень-то вы и ошиблись.

- Как это?

- Отнимите с десятков лет, вот и все.

- Так вам сорок? - удивилась Айдан.

- Что, много? - удивился в свою очередь Мурад.

- Нет, не много, но я не дала бы вам и тридцати.

- Благодарю.

Когда они дошли до больницы, врача вызвали к телефону. Переговорив, он извинился перед журналисткой:

- Айдан ханум, не знаю, как и сказать, чтобы вы не обиделись, вышло срочное дело, и мне нужно выехать в одно село.

- Что произошло, если не секрет?

- Тяжелобольной. Звонили из села.

- А другого врача вы не можете направить?

- Больной попросил, чтобы приехал именно я.

- Тогда я тоже поеду с вами, если позволите.

- Путь не близок, может утомить вас.

- Ничего.

- Что я могу сказать...

Вскоре больничный УАЗ-ик уже вез их по горной дороге.

Айдан по пути не уставала любоваться извивающейся горной рекой, вдоль которой они следовали, крутыми скалами, зелеными лесами.

- Боже, какая красота!

- Это еще что?! Впереди есть такие места, которые вас точно поразят.

- В какое село, мы едем?

- В село Гарачы.

- Наверное, там живут или когда-то жили цыгане.

- Признаться, я и сам не знаю.

Больница помещалась в маленьком одноэтажном здании на окраине села. Здесь их поджидал пожилой врач.

- Айдан ханум, вы пока прогуляйтесь по саду больницы, а я обследую больного и вернусь.

- Не беспокойтесь, я пройду до конца села, оттуда меня и заберете, - ответила Айдан.

Когда она добралась до края села, небо затянуло тучами. "Дождь пойдет", - с грустью подумала Айдан. Перед ней светлым ковром расстился луг, усыпанный мелкими белыми ромашками. Девушка присела, вытянув ноги, начала плести веночек из цветов, как в детстве. Вскоре стало накрапывать, и Айдан побежала под высокий дуб неподалеку. Через несколько минут дождь стал лить как из ведра. Она промокла до нитки.

Прошло больше двух часов, а от главного врача не было ни слуху, ни духу. В таком виде она не могла пойти в больницу.

Вдруг раздался сигнал машины: "Наконец-то!" - обрадовалась Айдан и побежала к дороге.

- Ради Бога, извините! Как вы промокли, - заговорил виновато Мурад.

- Не беспокойтесь, - села в машину Айдан, - как чувствует себя ваш больной?

- Начался абсцесс, мы вынуждены были ампутировать ему палец.

- Жаль...

- В обуви не будет заметно, - сказал Мурад с хладнокровием врача и сменил тему. - Как бы не простудились.

- В гостинице переоденусь.

- Кажется, до гостиницы нам не доехать.

- Почему же?

- Не доверяю реке, которую мы перешли. Теперь воды в ней прибыло.

- Так скоро?

- На то она и горная река.

Его опасения оправдались. Вода в реке поднялась на полметра.

- Не пройдем, - заключил Мурад.

- Что же будем делать? - забеспокоилась Айдан.

- Такой дождь ненадолго, скоро закончится, - успокоил ее Мурад и остановил машину под сводом деревьев у реки. Он обернулся и взглянул на Айдан. Волосы у нее слиплись, а промокшее платье облепило тело.

- Будете так сидеть, заболаете.

- Что же мне делать?

- Высушите платье.

- Ничего, высохнет на мне... Вы лучше печку включите.

- Вы промокли из-за меня, если бы не наша поездка, отдыхали бы сейчас в гостинице.

- Журналист не должен отдыхать. Это девиз нашего редактора. К тому же, что бы я смогла увидеть, оставшись в гостинице? Здесь я убедилась в непредсказуемости природы. Может быть, что-то напишу и про это.

- Тогда припомните и про меня, ладно?

- Обещаю, что вы будете главным героем, - улыбнулась Айдан.

- Интересно, о чем вы расскажете?

- Это секрет, - ответила она.

Дождь прекратился так же внезапно, как и начался. Выглянуло солнце и рассыпало горячие лучи вокруг. Они сошли с машины. Мурад вынул сиденье и бросил на землю. Затем протянул Айдан свой пиджак:

- Я буду сидеть вон там, на пригорке. Снимите и высушите платье. Окликните меня, когда наденете. Время есть, в любом случае придется ждать, когда опадет вода в реке, иначе не проехать.

Он заложил руки в карманы и, насвистывая, отдалился от машины. Айдан, укрывшись за кустом шиповника в белом цвете, сняла и повесила платье на ветви и закуталась в пиджак Мурада.

Не чувствовавшая холода до этого, сейчас ее пробирала дрожь. Она села, прислонившись к спинке сиденья, чтобы отогреться. Приятно было чувствовать на коленях горячее прикосновение солнечных лучей, она зажмурилась от удовольствия. Тишину вокруг нарушали лишь трели невидимых глазу птиц и бесконечный звон кузнечиков.

- Можно подойти?

Айдан сидела, свернувшись в клубок под пиджаком, когда донесся голос Мурада.

- Я еще не одета, - ответила она умоляющим голосом.

- Сейчас отойду. Вы только гляньте, что я вам принес.

Айдан не поверила своим глазам. Мурад стоял перед ней с огромным букетом полевых цветов. Босоногий, с засученными рукавами, он был похож на озорного мальчишку. Как

только положил цветы у ног Айдан, отошел, ни слова не сказав.

Айдан торопливо оделась в подсохшее платье, расчесала волосы. Потом подняла букет и прижала к груди. Махнула рукой в сторону Мурада. Он стоял к ней спиной. Ей захотелось окликнуть его, но, как к нему обратиться? "Товарищ Алиев" - это очень официально. "Мурад бек, да, это ему подойдет", - пронеслось у нее в голове. Но, вспомнив, что "бек", "ханум" расцениваются как пережитки прошлого, замешкалась." Благо, что все же оставили "ханум".

- Что с вами? - очутился перед ней Мурад, - о чем вы призадумались?

- Я все думаю, как мне к вам обращаться?

- Зовите меня просто Мурад.

- Но, ведь неудобно как-то.

- Почему это неудобно? Если разрешите, я вас тоже буду звать Айдан.

- С удовольствием, - с ее плеч будто свалился ненужный груз.

- Воды стало меньше, но все же боюсь, что машина не проедет.

- А по-моему, проедет. Давайте проверим... - предложила Айдан.

- А если не проедет, что тогда?

- ...

- Будь по-вашему, залезайте в машину.

Айдан обрадовалась и забралась на свое место. Мурад завел машину и повел ее вниз к реке.

- Ну вот, что я вам говорила, - радостно захлопала она в ладоши, когда машина вошла в реку. Но, эта радость оказалась недолгой. Вода вымыла песок у противоположного берега. Теперь было не проехать.

- Хорошее место для ночевки, - расстроился Мурад. Рокот горного потока приводил их в ужас.

- Течение может унести машину, - взволнованно добавил

он, затем закатал штанины.

- Что вы собираетесь делать? - спросила она.

- Посмотрю, сумеем ли как-нибудь одолеть этот подъем? - Мурад вышел из машины. Он стал переносить камни к выходу на берег. Но их тут же уносило течением.

Изрядно повозившись, он снова залез в машину:

- Придется идти в соседнее село за трактором, вызволить машину.

- А как же я перейду реку? - будто поежившись от холода, пожал плечами Айдан. Тот ничего не ответил и, обойдя машину, открыл дверцу с ее стороны. Айдан, поняв его намерение, покраснела.

- Иного выхода нет, - сказал Мурад и, не мешкая, взял ее на руки.

- Ой, мама, теперь мы оба свалимся в воду, - запаниковала Айдан. Мурад крепко сжал ее в объятиях, как маленькую девочку. Она обняла его за шею, положив голову ему на плечо и, закрыла глаза. На миг ее покинуло чувство страха, не заботили опасность упасть в холодную воду и промокнуть, и тот факт, что она находится в объятиях чужого человека.

Выйдя на берег, Мурад отпустил девушку. Айдан испытывала чувство вины, что-то хотела сказать, но никак не могла понять, что же именно. Спас ее от этого конфуза Мурад:

- Если вы не устали, то пойдемте.

Они пробирались через лес. Мурад был босиком, часто занозил ноги и стучался о камни пальцами. Но виду, что ему больно, не подавал. Наконец, они дошли до села.

- Тракторист был моим пациентом, он нам не откажет.

Подойдя к калитке дома, Мурад окликнул хозяина:

- Али!

В отворившейся двери тут же появился рослый симпатичный молодой человек, а за ним женщина в годах. Увидев доктора в таком виде, они удивились:

- Здравствуйте, доктор, это что у вас за вид? Проходите, отогрейтесь, выпейте чаю.

- Большое спасибо, Али, мы торопимся. Если можешь, заведи свой трактор, в реке застряла наша машина.

- Как нехорошо получается. Вы прошли такой долгий путь и хотите уйти от ворот. Что же люди подумают? - все уговаривал Али. Не хотела отпускать гостей и мать. Только поняв, как сильно они торопятся, открыла ворота. Али завел трактор и усадил попутчиков рядом с собой.

Всю дорогу он оборачивался к Айдан, только заговорить с ней никак не решался. Айдан было неловко от взглядов незнакомца, она не знала, как себя вести. Мурад отвлекал его разговорами, чтобы хоть как то спасти положение.

Доехав до реки, они прицепили машину к трактору и с трудом выволокли ее на берег.

Вскоре Мурад и Айдан попрощались с Али, уселись на своих местах в машине. Он слегка коснулся ее руки:

- Посмотрите туда!

Айдан оглянулась и покраснела, увидев, что Али стоит и смотрит на нее, не отрывая глаз.

- Кажется, он влюбился в вас, - хотел в шутку сказать Мурад, но в голосе у него просквозила ревность.

- Вам показалось, - в его ревности ей почудилось что-то родное.

Али провожал их взглядом, пока машина не скрылась из виду.

Всю дорогу до районного центра ни Мурад, ни Айдан не обмолвились ни словом, каждый пребывал наедине со своими мыслями.

Перед гостиницей Мурад притормозил и помог Айдан сойти. Проводив ее до номера, он сказал:

- Вы отдыхайте, а я организую легкий ужин.

...Айдан быстро переоделась, привела себя в порядок. Она еще была под впечатлением о происшедшем. В ее воображении то и дело оживали черты лица Мурада, странное подергивание плечом время от времени, когда он говорил, его манера разговора и другие мелочи.

В дверь постучали. Вошел Мурад с большим подносом в руках. Расстелив на столе скатерть, он разложил на ней хлеб, вареное мясо, сыр и зелень. Вскоре подали в комнату и чай. Айдан только теперь поняла, как сильно проголодалась.

- Никогда у меня не было такого аппетита, - весело сказал Мурад.

- И у меня тоже, - рассмеялась Айдан.

Спустя некоторое время, Мурад встал из-за стола:

- Завтра вы заглянете в больницу?

- Конечно.

- В девять утра буду ждать вас в буфете гостиницы. Доброй ночи. Не забудьте запереть дверь изнутри.

Мурад ушел. Айдан почему-то именно сейчас вспомнила про анонимку в редакцию. В душе усмехнулась над собой.

Привыкшей всегда поздно ложиться и рано вставать, Айдан в эту ночь захотелось как можно раньше забраться в постель и остаться наедине со своими мыслями. Она разделась и легла, но сон как рукой сняло. Всю ночь она ворочалась с боку на бок и задремала только под утро.

... - Ездил, чтобы слюбиться с главным врачом? - взгляд редактора источал ненависть.

- Кто это вам сказал? - спросила удивленно Айдан.

- По глазам читаю, хочешь опозорить редакцию? Нам не нужен такой журналист, как ты, - редактор вонзил ей в сердце нож, который держал в руке.

Ночью ее повезли в больницу. Мурад ужаснулся, увидев истекающую алой кровью Айдан. Он протянул руку к ее груди, вынул оттуда ее сердце и, очистив его от спекшейся крови, вернул на место. Айдан застонала:

- Как больно...

Она проснулась вся в поту. На сердце было так тяжело, что ей стало неважно. Прощла в ванную, горячей воды не было, она, поеживаясь, приняла холодный душ и завернулась в полотенце. Затем надела розовое платье, расчесалась, навела макияж. И с нетерпением стала ждать девяти часов.

После завтрака они вдвоем отправились в больницу.

- Почему вам не спалось? - спросил Мурад, заметив темные круги у нее под глазами.

- Как вы догадались?

- Я ведь врач, как-никак...

- Сама не знаю, отчего не спалось.

Больница поразила Айдан. Кардиологический и урологический кабинеты были оснащены современной аппаратурой. Ей и в голову не могло прийти, что такое можно увидеть в отдаленном районе. Она присматривалась ко всему с пристальным вниманием.

В 11 часов Мурад простился с ней, торопясь на операцию в хирургический кабинет.

- Может, разрешите мне посмотреть? - бросила Айдан вслед.

- Что вы, разве я смогу работать при вас? - ответил Мурад и почему-то покраснел. А затем добавил:

- Буду ждать вас в своем кабинете.

Айдан зашла в кабинет заведующего хирургическим отделением Тофика Салимова. Тот возился с монитором.

- Я вам не помешала? - спросила она.

- Нет, Айдан ханум, заходите. Хотите посмотреть операцию по монитору?

- Конечно, - обрадовалась та.

Вскоре в операционной все были готовы. Айдан внимательно смотрела на экран, следила за движениями рук Мурада.

- Вы впервые видите, как оперируют? - спросил Тофик Салимов.

- Да.

Когда операция была завершена, Айдан поблагодарила заведующего отделением и вышла из больницы. На улице, едва она повернула в сторону гостиницы, около нее притормозила машина:

- Садитесь, я подвезу вас, - открыл дверцу Тофик Салимов.

- Спасибо, не нужно.

Тогда он вышел из машины, подошел к ней и с такой настойчивостью попросил сесть, что пришлось уступить.

Тофик, довольный собой, сел за руль и нажал на газ.

- Вы приехали к нам в район по собственному желанию, или вас командировали? - спросил он.

Вопрос не понравился Айдан:

- Это имеет какое-то значение?

- В эти края мало кто приезжает по своему усмотрению. Наверное, получили сигнал про нашу больницу.

- Да, так оно и есть.

- Так и знал, - он самодовольно улыбнулся. Затем протянул ей бумажный сверток:

- Примите этот скромный подарок от меня, - и добавил, увидев, как вдруг удивилась Айдан, - ничего особенного, просто французские духи "Фиджи". Ко мне в автомобиль впервые садится такая красавица, как вы.

- Остановите! - от повелительного тона Айдан он даже растерялся.

- Обидел вас?

- Я уже доехала, остановите, - сохраняла хладнокровие Айдан.

Когда машина остановилась, она оставила сверток на сиденье и, ничего не сказав, поспешила в гостиницу.

В комнате, не раздеваясь, легла на кровать. Несколько раз звонил телефон. Наверняка, это Мурад ее искал. Трубку она не подняла. А вскоре заснула глубоким спокойным сном.

Проснулась от стука в дверь. Спешно вскочила и открыла, - это был Мурад.

Он залюбовался ее беспорядочно распущенными волосами, заспанными глазами. Засмутившись его взглядом, Айдан отвела глаза.

- Куда это вы запропалились, я повсюду вас искал. Может быть, вы обиделись на меня? - спросил настороженно Мурад.

- Нет, нет, я была уставшей, пришла передохнуть, сон меня одолел.

- А пообедать забыли? Знаете, какое время?

По приезду в район Айдан утратила реальное чувство времени, поэтому очень удивилась, узнав, что уже половина восьмого вечера.

- Видите, пора ужинать. Разрешите...

- Я готова, - ответила она беззаботно.

- Как думаете, поедем на больничной машине, или на моей?

- Какая разница? - Ей действительно было безразлично. Главное, что они поедут вместе. Только бы он был рядом, только бы слышать его голос.

- В вашем распоряжении пятнадцать минут. Одевайтесь и спускайтесь.

Как только Мурад вышел из комнаты, радости Айдан как небывало: "Что я делаю? Что это со мной? Что за легкомыслие? Подобаает ли мне куда-то ехать с чужим мужчиной?" Но более сильное чувство внутри говорило ей совсем другое. Повинуясь этому чувству, она приделась и закинула сумку на плечо.

Внизу ее ждали белые "Жигули". Айдан уселась на заднее сиденье, и машина тронулась с места. Из динамиков зазвучала грустная песня. Айдан заслушалась ею. Глядя на растрепанные ветром волосы Мурада, вдруг у нее возникло странное и непонятное желание: коснуться руками его шеи. Именно в это время их взгляды встретились в зеркале перед ним.

- О чем вы задумались? - спросил Мурад.

- Я думаю, какая красивая песня.

- Да?

- Когда слушаешь такие песни, хочется в музыке раствориться.

- Странно, - обернулся к ней Мурад, - откуда вам приходят такие печальные мысли?

- Наоборот, эти мысли от жизнелюбия.

- Почему вы не спрашиваете, куда я вас везу? - он заглянул ей в глаза в зеркальце. Айдан вздрогнула от этого взгляда и ответила:

- Наверняка в хорошее место, на ужин.

Оба засмеялись.

Некоторое время они молчали, размышляя каждый о своем.

- Знаете, о чем я подумал? - нарушил молчание Мурад.

- Нет, - ответила Айдан, будто провинившись перед ним.

- Мне подумалось, что если у женщины красота сочетается с умом, то она становится недоступной.

Она не ответила.

- Впервые встречаю такую девушку, как вы.

- Наверное, думаете, как я согласилась ночью выйти куда-то, считай, с незнакомцем?

- Такова уж ваша работа.

В зоне отдыха звучала веселая музыка. Было много людей.

- В общем зале посидим, или отдельно? - спросил Мурад.

- Отдельно, пусть не узнают ни вас, ни меня, все-таки маленький район.

Устроившись в лесочке за столом под зеленым навесом, Айдан чувствовала себя будто на седьмом небе от счастья. Казалось, что она знакома с Мурадом очень давно.

- Что закажете? - обратился официант к Айдан.

- А что вы можете предложить?

- Шашлык из курицы, из ягненка, люля-кябаб, отварное мясо.

- А рыба есть?

- Какая?

- Та, что плывет против течения.

- Нет у нас такой.

- Тогда подайте, что есть.

Когда вскоре официант появился с жареной рыбой, Айдан радостно сказала:

- А говорили, что у вас нет рыбы, плывущей против течения?

- Сестра, это форель.

- Форель и плывет против течения.... Вообще, почти все рыбы так плывут, - Айдан отчего-то охватила странная радость.

- Приятного аппетита, - сказал раздосадованный официант и отошел от стола. Мурад раскупорил шампанское и разлил по бокалам. Поставил один из них перед Айдан, а другой - перед собой.

- Айдан*, вы для меня как дар небес. Мы знакомы всего два дня, но я будто знаю вас долгие годы. Поднимем эти бокалы за наше знакомство и идеальную пропорцию между вашей красотой и умом.

- Не перехвалите.

- Нет, я не хвалю, не утверждаю, что вы ангел, наверняка, и у вас есть свои недостатки.

- Про это есть хорошая песня. Нармина Мамедова поет, - сказала Айдан и пропела вполголоса:

*Не говорю, что ты цветок,
Слов не найду о том,
Но знай одно, что расцвела
Лишь в сердце ты моем.*

- Вы еще и поете прекрасно, - сказал, полушутя, Мурад.

- Мурад, вы со вчерашнего дня, наверное, обратили внимание, что мы, журналисты встречаемся с разными людьми, оказываемся в различной обстановке. Труднее всех бывает женщинам. Не все их понимают. Но, мне кажется, что лично вы понимаете человека с первого взгляда. Поэтому мне спокойно рядом с вами.

- Вы очень любите свою профессию?

- Конечно. Но только сегодня я позавидовала вам. Пожала о том, что не стала врачом.

* Айдан - букв. перевод "с луны"

- Почему же?
 - Потому что провести столь сложную операцию, вернуть к жизни обреченного на смерть пациента - это очень доброе дело.
 - Как вы узнали, что операция была сложной? - заинтересовался Мурад.
 - Я видела все по монитору из комнаты Тофика Салимова.
 - Что вы говорите? - Мурад поразился так, что вилка выпала из его руки, звонко ударившись об тарелку.
 - Да, ровно два часа я наблюдала за вами.
 - Это вас не утомило?
 - Вовсе нет. Мне было очень интересно видеть вас за работой.
 - Почему же вы ушли, не дождавшись меня?
 - Не знаю, вдруг зло взяло, я подумала, вот какими важными делами занимаются люди.
 - Все вам завидуют, а вы - другим, - усмехнулся Мурад.
- Они стали говорить о пустяках, но это развлекало их обоих. Им достаточно было малейшего повода, чтобы дружно рассмеяться.
- Может, встанем? - спохватилась, наконец, Айдан, - глядишь, еще вход в гостиницу закроют, останусь на улице.
 - Вам решать... - медленно поднялся Мурад.
- Была тихая майская ночь. Странные чувства одолевали Айдан. Она не могла в них разобраться. В глазах у нее появился обволакивающий блеск. Интересно, замечал ли все это Мурад? Сердце сжалось, как представила, что вскоре вернется в гостиницу, проведет длинную ночь в четырех стенах. Мурад словно прочитал ее мысли:
- Такая чудесная ночь, что и домой не хочется.
 - Вы как в сердце мне заглянули, - ответила Айдан.
 - Так давайте, я оставлю машину в сторонке, прогуляемся немного. Согласны?
- Мурад с мальчишеской резвостью вскочил за руль. Он это проделал так радостно, что Айдан залилась веселым смехом.

- Почему вы смеетесь?
- Вы так резво сели за руль, будто солдат по приказу.
- Каждое слово красивой женщины, как приказ командира для мужчины, - ответил Мурад.
- Если бы вы знали, как мне претит, когда меня называют красивой женщиной, - состроила обиду Айдан.

Мурад ничего не ответил и включил магнитофон. Вновь зазвучала та же грустная песня. Оба прислушивались к ее словам:

*Немало девушек, прости меня,
Встречал я в жизни, проводил.
Но даже самую красивую
Все ж, как тебя, не полюбил...*

- За эти два дня я к вам так привык, чего у меня в жизни ни с кем не бывало. Когда задумываюсь, что этой встрече придет конец, чуть с ума не схожу, - заговорил Мурад почти шепотом.

- Вам так кажется потому, что я пока здесь. А после того, как уеду, возможно, вспомните про меня и погрустите пару дней, а на третий уже позабудете обо всем. Через неделю из вашей памяти сотрутся черты моего лица. Пройдет еще месяц, и вы не узнаете меня, если вдруг повстречаете в городе.

- Айдан говорила спокойно, размеренно, будто была уверена, что все так и будет. Она и сама вдруг вздрогнула от холода в своем голосе, от безжалостной логики своих суждений. Ей представилось, что случайно встретив Мурада в городе, захотела с ним заговорить, поинтересоваться, как тот живет, но он ее не узнал и прошел мимо. "Да, так оно и будет", - заключила она в душе.

Когда доехали до края леса, Мурад завел автомобиль на тропинку и притормозил.

- Прибыли, - сказал он обернувшись.
- Айдан молчала.
- Отчего вы вдруг так погрустнели?

Она и сама не могла понять, что с ней случилось. Если Мурад вздумал бы повторить свой вопрос, она бы разревелась. Но плакать она не собиралась. Знала, что мужчины не любят женских слез.

Вдруг из глубины леса послышались монотонные звуки: ух-ух, ух-ух, ух-ух... Как и в далеком детстве, это уханье вызвало у нее печаль.

- Слышите, филин ухает, - сказала она шепотом, словно остерегаясь вспугнуть птицу.

- Давайте, выйдем из машины, послушаем его, - добавила она.

Мурад вышел, и распахнув заднюю дверцу, помог Айдан сойти. Теперь птица стала ухать чуть ли не рядом с ними.

- В детстве я всегда плакала, услышав крик этой птицы. Наш дом в селе находился у самого леса. Мальчишки рассказывали такие страшные истории о филинах, что я с наступлением темноты от страха не решалась войти в лес. Както у нас пропала корова. Мы все пошли искать ее. Я заблудилась. Вдруг услышала уханье филина. От страха я заплакала, да так громко, что мама нашла меня по голосу. Она обняла, успокоила меня и сказала, что филин - верная птица. Когда-то он потерял возлюбленную и всюду ищет ее, не переставая, стонет: ух-ух, ух-ух... Я поверила маме, успокоилась. С тех пор я жалею эту птицу и все думаю, найдет ли филин когда-нибудь свою возлюбленную? Если найдет, как будет петь потом?

Мурад внимательно слушал. Они шагали по лесной тропинке, раздвигая руками ветви деревьев перед собой. Приятно пахло землей, свежестью листвы, всюду чувствовалось весеннее пробуждение.

- Я никогда ночью не бывал в лесу, мне всегда казалось, что по ночам здесь должно быть страшно, но, оказывается, что лес и ночью прекрасен, - говорил Мурад, восторгаясь тихой красотой природы, - я это понял благодаря вам, что ж, примите мою признательность.

- Ай!!! - Айдан упала, споткнувшись о пень. Но, вместо того, чтобы застонать от боли, она залилась смехом:

- Если бы я не упала, кто знает, куда бы мы забрели. Лес все же куда страшней, чем вы думаете. Сейчас вокруг так много диких зверей...

Увидев, как внимательно слушает ее Мурад, она рассмеялась:

- Ну что, напугала я вас?

- С вами ничего не страшно, - Мурад присел с ней рядом. Вдруг случайно коснулся лицом ее волос, что одурманило его сознание. Это был сладкий аромат, дразнивший обоняние. Его охватило страстное желание обнять, заласкать, зацеловать эту красивую девушку, сидевшую рядом с ним. Взял было ее руку в ладонь, как она откинула назад свои волосы. Когда они коснулись его лица, он пал навзничь на землю.

- Что с вами?

Мурад не ответил. Айдан встала и зашагала обратно к машине. Девушка переживала странное состояние. Она чувствовала в руках тепло рук Мурада, на губах - тепло его губ. В груди ныло от сладкой боли. Странно, Мурад не коснулся ее. От порыва, что не состоялся, у нее кружилась голова. Потянься он к ней там, где они сидели, она бы не смогла сопротивляться, подчинилась бы ему, забыла бы, где она и с кем.

Услышав за собой шаги, Айдан обернулась, - глаза у Мурада были красноречивее любых слов. Айдан произнесла тихим, умоляющим голосом:

- Поехали, уже поздно...

Мурад ничего не сказал, пошел и завел мотор. Вид у него был опечаленный. Звучала все та же песня:

*Немало девушек, прости меня,
Встречал я в жизни, проводил.
Но даже самую красивую
Все ж, как тебя, не полюбил...*

Мурад за рулем и Айдан на заднем сиденье застыли во власти чарующей мелодии. Никто не решался нарушить воцарившееся между ними грустное безмолвие.

"О чем, он интересно, думает?" - задавалась вопросом Айдан. "О чем так задумалась Айдан?" - мучил Мурада вопрос. Никто из них не думал о том, чтобы уехать отсюда. На самом деле, именно этого больше всего они оба боялись.

Незаметно для Мурада Айдан посмотрела на наручные часы: было три часа ночи. Ей впервые в жизни захотелось не считаться со временем. Время в тот миг для нее не имело никакого значения. Так бы и сидеть рядом с Мурадом, молчать, ни о чем не думать. Она с первой же встречи так угодила в его сети, что высвободиться теперь было и трудно, и поздно. Собственно, ею и не предпринималось для этого никаких попыток, она добровольно запутывалась в его сетях.

- Скоро начнет светать, - нарушила тишину Айдан. Эти слова слетели с ее уст, но в душе она шептала совсем о другом: "Давай не будем возвращаться, а то не увидим, как занимается заря".

- Да, скоро займется заря... - Грусть Мурада словно начала растворяться в чувстве ожидаемой радости перед прекрасным таинством природы. - Если мы уедем, то пропустим восход.

- Ты когда последний раз встречал восход? - спросила Айдан, перейдя с ним на "ты" незаметно и для себя.

- Не помню, очень давно, может быть, в детстве. А ты?

- Я тоже в детстве. Кажется, мне было лет десять.

- Давай, выйдем из машины, - предложил Мурад. Айдан будто этого и ждала.

От ночной духоты не осталось и следа, Айдан поежилась от холода. Поджал плечи и Мурад, почувствовав на лице холодное дуновение утреннего ветерка.

Они стояли по обе стороны автомобиля, залюбовавшись занимающейся зарей.

- Прогуляемся, а то замерзнем, - сказала Айдан.

- Ноги промочишь.

- Ничего страшного, - Айдан разулась. Она вздрогнула, когда ее ноги обдало холодной росой.

- Обуйся, можешь простудиться.

- Зато туфли в сохранности, - пошутила Айдан и пустилась бежать по зеленой лужайке. Теперь ей уже не было холодно, не осталось следа и от ее печали, она бегала, как беззаботное дитя. Ее настроение передалось и Мураду.

Вдруг Айдан задела рукой ветку акации и роса дождем осыпалась ей на голову.

- Так тебе и надо! - расхохотался Мурад.

Она не ответила. Дернула ветку ясеня над головой у Мурада и отбежала в сторону.

Его рубашка промокла насквозь. Увидев это, Айдан расхохоталась. "Ах, ты!" - побежал за нею Мурад, но она убежала так быстро, что не догнать. Вдруг она остановилась:

- Посмотри туда, посмотри туда! - указала рукой на зарю.

Вдалеке над лесом горизонт окрасился нежно розовым цветом. Этот розовый круг начал медленно разрастаться, переходя в ярко красный, который все ширился и ширился, придавая небосводу поразительную красоту. Они восторженно любовались восходом. Затем солнце показало алый край из-за горизонта и стало медленно подниматься, постепенно пронизывая все вокруг золотистыми лучами.

- Ура! - радостно закричала Айдан. - Утро наступило!

Мурад уперся руками в землю, выгнул спину и подпрыгнул, как кошка на четырех лапах. Он повторил это несколько раз.

- Ой, ты и так умеешь? - изумилась Айдан.

- А ты что думала, быть мужчиной - это только папаху носить? - пошутил Мурад.

- Мама моя, я в жизни не видела такой красоты! - Она показала ему на белые дурманы перед собой с раскрывающимися на глазах большими лепестками, обдававшими обоих пьянящим ароматом.

Вскоре все вокруг заполнилось жужжанием пчел и кузнечиков. Весело зачирикали птицы, зазвенели цикады. Прилетевшие вдруг из ниоткуда бабочки стали садиться на белые дурманы.

- Сейчас я нарву тебе цветов, - сказал Мурад.

- Что ты, не нужно.

- Почему?

- Разве не жалко? Зачем покушаться на их и без того короткую жизнь? Лучше просто полюбуемся ими, посмотрим, какие из них лучше пахнут, - она наклонилась над цветами. Присоединился к ней и Мурад.

- Это ни к чему, они все пахнут одинаково.

- Что ты говоришь? Понюхай вот эти два, - не согласилась Айдан. Мурад нагнулся над цветами.

- Ну, как? - спросила она.

- То же самое.

- Нет, это не так, у этого крупного запах резкий, а у маленького - легкий. Цветы ведь тоже, как люди, у каждого свой аромат.

- Ты это серьезно?

- Конечно.

- Чудная ты, - сказал Мурад.

- Давай, подставим спины под солнце, - предложила Айдан.

Они сели на умытой травке, с которой сошла роса, и разговорились о высоких материях и незначительных вещах. Оба были на седьмом небе от счастья.

- У тебя легкая нога! - Мурад показал ей на клубы откуда-то взявшихся облаков, что затягивали небо. Через минуту не осталось и следа от прежней беспечной картины.

- Живо, в машину, - Мурад помог Айдан встать. Они побежали и вмиг вскочили в автомобиль.

- Ой, туфли забыла! - Айдан сошла, захватила их и снова села в машину.

Как только они выехали на дорогу, редкие крупные капли дождя начали падать на лобовое стекло и забарабанили по

капоту автомобиля. Так длилось недолго. Когда отъехали от леса, дождь пошел еще сильнее. Это уже был громкий гул, спасаясь от которого Айдан прикрывала ладонями уши.

По стеклам стекала ручьями вода. Теперь дождь еще больше усилился, будто кто-то в небе открыл шлюз перед гигантским водопадом. Он шел так остервенело, так люто, словно хотел затопить весь мир. Всего за каких-то полчаса все вокруг заполнили бесчисленные большие и малые лужи.

- Видно, дождь ждал меня, не прекращается с того дня, как я сюда приехала, - промолвила Айдан.

- У нас природа такая, не бывает ни дня без дождя, - пояснил Мурад.

Они озирались из машины вокруг. Еще полчаса такого дождя, и тут будет не проехать.

- Дальше двигаться не возможно, - сказал Мурад и выключил мотор, - ничего не видно, боюсь, чего доброго, угодим в топкую лужу и увязнем.

- Может, отъедем в сторону, - сказала Айдан, хотя и понимала, что это опасно.

Дождь будто набирал обороты. Теперь к нему прибавился и ветер. Он изо всех сил раскачивал автомобиль. Вместе с усиливающимся гулом дождя это вызывало ужас.

- Не бойся, - стал успокаивать ее Мурад, - это недолгий весенний дождь, минут через пятнадцать прекратится.

- Откуда ты знаешь?

- Медвежий дождь - вот как его у нас называют.

- Почему медвежий? - Айдан пыталась нарочно разговорить Мурада.

- Говорят, что в такой дождь рождаются медвежата.

- А где же рождает медведица?

- В лесу.

- В каком лесу?

- В том самом, где мы были.

- Может, вернемся, посмотрим на медвежонка?

- Лес ведь большой, да к тому же медвежья берлога обычно скрыта от людских глаз, - ответил в тон ей Мурад. Они забавлялись игрой в вопрос-ответ.

- Если и дальше так пойдет, сель унесет автомобиль, - в голос Мурада вкралась тревога. Он снова завел мотор и медленно повел машину. Они двигались так тяжело, будто сидели не в автомобиле, а на панцире черепахи. Оба напряженно вглядывались в дорогу. Как будто машина могла перевернуться, ослабь они внимание хотя бы на миг.

Дождь прекратился также внезапно, как и начался. Затем стих и ветер, и вскоре его не стало совсем. Вдруг небосвод словно раскололи надвое, выглянуло бледное солнце. Сначала слабое сияние постепенно усиливалось. И вот уже его горячие лучи ударили по стеклам автомобиля, обжигая лица, ослепляя глаза.

Солнце припекало все сильнее, и вода в лужах после дождя начала испаряться, струясь клубами дыма. Айдан, оглядываясь вокруг, вдруг воскликнула с волнением:

- Гляди туда, гляди!

- Что такое? - Мурад посмотрел в ту сторону, куда она указывала.

- Радуга!

Зрелище было такое захватывающее, что они вышли из автомобиля, полюбоваться этой картиной. Розовый, оранжевый, фиолетовый, сиреневый, голубой цвета образовали длинную дугу от края дороги до подножия гор.

- Сейчас пойду и схвачу радугу, - Айдан пустилась бегом вниз, пробежала немного и остановилась, растерянно оглядываясь по сторонам. Она проделала это с такой гримасой на лице, что Мурад расхохотался, а после, сделав серьезное лицо, сказал:

- Говорят, кто увидит радугу пять раз, обязательно встретит свое счастье.

- А сколько раз ты видел?

- Всего два раза.

- А я больше пяти раз, - не без гордости сказала Айдан.
- Значит, будешь самой счастливой.

- Когда я была маленькой, бабушка часто рассказывала мне сказки про радугу, о героях, которые поднимаются по ней на седьмое небо. Но, как она ни старалась описать радугу, я не могла ее представить. А однажды случилось, что бабушка мне показала настоящую радугу. Увидев над головой разноцветную дугу, я сначала ничего не поняла. Только внимательно взглядевшись, я сообразила, что это та самая семицветная радуга, которую я мечтала увидеть и ждала с нетерпением ее появления. Я прыгала от радости, словно наткнулась на клад с драгоценностями.

Айдан умолкла. Радуга по-прежнему неподвижно висела над головой, демонстрируя свою красоту и величие. Зеленая трава, еще более посвежевшая после дождя, пестрые цветы, деревья, - все выглядело особенно красивым. Вокруг царил безмятежная тишина. Не только природу, но и сердце Айдан, все ее существо пронизали легкость и покой. Она впервые чувствовала себя такой беззаботной! Ничто ее не беспокоило - ни городской шум, ни проблемы на работе, ни какие-либо посторонние мысли.

Они вернулись в районный центр после полудня и остановились перед гостиницей.

- Спасибо, Мурад. Не провожай меня, - сказала Айдан.
- Когда встретимся?
- Завтра.
- А сегодня?
- План на сегодня мы уже перевыполнили.

В гостинице, поднимаясь на второй этаж, Айдан заметила на лестничной площадке Тофика Салимова. Он медленно расхаживал из стороны в сторону. В душу к ней вкралась тревога. Отчего-то она невзлюбила этого человека с первой же встречи. В его маленьких бегающих глазках, казалось, словно бы читалась готовность к любой подлости. Сердце у Айдан сжалось, улетучилось веселое настроение. Она попыталась скрыть свой настрой от заместителя главного врача,

шагнувшего навстречу к ней с улыбкой на лице. Он поздоровался с деланной доброжелательностью. Ответив на его приветствие, не размыкая губ, она хотела открыть дверь своей комнаты, когда услышала за собой елеинный голос:

- Айдан ханум, к добру ли? Откуда это вы?

Она смерила его суровым взглядом, но предпочла не отвечать.

- Может, выходили на прогулку с нашим доктором Мурадом?

Его тон не понравился Айдан. Она подавила свой гнев и стала ждать, что он еще скажет. Тот не стал медлить:

- Не будьте таким доверчивым. Этот человек готов использовать любые средства, чтобы его не вывели на чистую воду.

- Что вам нужно? - повысила голос Айдан.

- У меня к вам разговор.

- Ну и время вы выбрали для разговора.

- Я вас с семи часов жду.

- Не пойму, какой у вас может быть ко мне разговор? Кажется, мы только вчера познакомились.

- Айдан ханум, не сердитесь, я хочу поговорить с вами по делу.

- По какому делу? - удивилась Айдан.

- Я имею в виду письмо, которое привело вас сюда.

- Что вы сказали? - она не поверила своим ушам, - откуда вы знаете про письмо?

- Да что стоило про него узнать? - ответил самодовольно Салимов.

Только теперь Айдан стал ясен интерес этого человека к анонимному письму.

- Почему вы не подписали свое письмо? - спросила она прямо.

- Не хотел, чтобы склоняли мое имя.

- Но рано или поздно все узнают об этом.

- Как же они узнают?

- Я напишу, что именно вы оклеветали главного врача.
- Вы были в кабинете психотерапии?
- Буду завтра.
- Вот завтра и поговорим о том, кто клеветник. А пока возьмите вот это.
- Что это?
- Вы вчера забыли духи в машине.
- Послушайте, товарищ, возьмите свои духи и уходите отсюда! - терпение Айдан лопнуло.

Тот спокойно возразил:

- Здесь не только духи. Я оставил еще тысячу манатов.
- Зачем? - ужаснулась Айдан.
- Уважить гостя - наш долг. Вы приехали сюда издалека, взяли на себя ответственную миссию. Хочу, чтобы вы все написали справедливо, учли мнение коллектива.
- Вы и есть коллектив? - разгневалась Айдан.
- Я один из его представителей.
- Знаете что? Как пришли, так и уходите, оставьте меня в покое!

- Не возьмете это, я не уйду! - настаивал на своем Салимов.
- Какой же вы назойливый человек! Не делайте так, чтобы я позвонила в милицию. Вас могут привлечь за дачу взятки. - Айдан отворила ключом замок и вошла в номер, хлопнув за собой дверь. Только теперь она почувствовала, как тревожно бьется ее сердце, как дрожат ноги. Ей все еще представлялось широкое лицо заместителя главного врача с неуместно прямым носом. Было не по себе от того, что этот человек унизил, оскорбил ее.

Поздно вечером зазвонил телефон. Это был Мурад:

- Айдан, я тебя не разбудил? - спросил он тихо, еле слышно.
- В его голосе было что-то странно родное, щемящее, близкое, что отзывалась радостью в сердце. Она могла слушать его часами. Ни один голос до сих пор не имел на нее такого воздействия. Ни в чьем голосе она так не нуждалась. Этот голос ее дурманил.

- Почему ты молчишь, Айдан? - спросил он встревоженно.
- А что говорить?
- Говори, что хочешь, только не молчи.
- Почему ты не спишь?
- Не могу заснуть. Знаю, что и тебе не до сна.
- Ты прав.

- Как подумаю, что через день или два, ты уедешь - с ума схожу. Не могу смириться. Не знаю, что я буду делать без тебя, останется ли смысл в жизни? Как буду спать, выходить на работу, говорить с людьми? - который раз он повторял эти слова.

О том же думала и Айдан. Не хотелось самой себе в этом признаваться. Уже теперь болело сердце от неизбежности расставания через день или два. У нее ни к кому не возникало такой сильной привязанности за столь короткое время. Никто из ее друзей, знакомых, мечтавших о близости с ней, не западал ей в сердце с первой же встречи. Теперь же она испытывала незнакомое ранее странное чувство. Оно было и сладостным и горьким, таким же желанным, как и неожиданным, дарило ей и радость и грусть. Это чувство кружило ей голову, изводило ее, она не могла ему противиться.

- Давай говорить о радостных вещах, в жизни и без того достаточно печали, - сказала Айдан, чувствуя, что от собственных слов у нее защемило на сердце, что-то оборвалось внутри.

- Какие у тебя планы на завтра? - спросил Мурад.
- Я хочу принять участие в твоих сеансах психотерапии.
- Решено.

* * *

Кабинет психотерапии занимал небольшое одноэтажное помещение, располагавшееся в одном из тихих уголков на территории больницы. Своей очереди здесь дожидались семь человек. Айдан присела рядом с женщиной, которая оказалась очень словоохотливой собеседницей.

- Доченька, а у тебя что болит? - спросила она у Айдан.
- Сердце.
- А сколько тебе лет?
- Двадцать пять.
- Милая моя, что это за возраст, чтобы сердце болело? - сказала она сочувственно и после добавила, - посетишь десять сеансов, и всех твоих болей как и не бывало.
- Хотите сказать, что лечение пойдет мне на пользу?
- Конечно, когда я впервые пришла сюда, не могла от боли поясницу разогнуть. Вот уже седьмой день принимаю здесь лечение и чувствую себя такой бодрой, будто никогда и не болела.

Вмешался в разговор и мужчина, сидевший рядом:

- Пятнадцать лет я не мог избавиться от курения. Доктор Мурад на первом же сеансе забрал у меня пачку сигарет и положил в свой шкаф. Сказал, что курить я больше не буду. Я возразил: "Доктор, не смогу". А он сказал, что справлюсь. После первого сеанса я по привычке полез в карман за сигаретами, но тут вспомнил, что доктор оставил их у себя. Рядом со мной затягивался дымом какой-то мужчина. От запаха сигарет мне стало дурно. По сей день не курю, бросил.

- Но ведь говорят, будто лечение доктора Мурада не дает никакого эффекта?

- Эх, сколько на свете завистливых людей! В этой больнице есть несколько ни на что негодных бездарей. Только слухи распускают. Что ни день, пытаются очернить доктора Мурада, - ответила женщина.

- Столько пасквилей о нем пишут, что боюсь, в конце концов, отобьют у него желание работать, - вздохнул сидевший в стороне от них седой аксакал.

К двенадцати часам в приемной не осталось никого, кроме Айдан. Она встала и зашла в кабинет.

- Как договаривались? - улыбнулся Мурад.

- Конечно.

- Тогда начнем, - Мурад включил магнитофон. Комнату за-

полнила тихая мелодия игры на гобое. - Ты находишься на цветущей поляне. Вокруг тишина. Волосы твои ласкает ветерок, навеивая прохладу. У тебя нет никаких забот. Ничто не тревожит. Ты маленькая девочка, лакомишься земляничкой, которую только что набрала в лукошко в лесу.

Айдан и впрямь почувствовала себя на зеленой лужайке среди цветов. Ощутила во рту сладкий вкус лесной земляники. Затем она как беззаботное дитя бегала за бабочками.

- Твои щеки покраснелись от жарких солнечных лучей, ты устала и прилегла на травку. Тебя охватывает легкий сон.

Айдан заснула как младенец в колыбели, которого ничто не беспокоит.

- Ты спокойно и сладко спала, а теперь просыпаешься, размыкаешь ресницы, открываешь глаза.

Айдан была бодра как после хорошего глубокого сна.

- Я спала? - спросила она удивленно.

- Да.

- Сколько часов?

- Всего пять минут.

- Не может быть! - удивилась она еще больше.

- Кажется, ты недооцениваешь психотерапию, - пошутил Мурад. Он разложил перед ней большой альбом в красной обложке, - это отзывы пациентов. Последние три года я устал обивать порог Министерства здравоохранения. Но, так и не смог добиться разрешения практиковать психотерапию в больнице. В конце концов, не дождавшись разрешения, открыл вот этот кабинет. Практикую уже седьмой месяц. Устал предъявлять справки различным комиссиям. Мои пациенты очень довольны результатами лечения, но я никак не могу убедить засевших в Баку чиновников в том, что психотерапия - это важная отрасль медицины. Мне трудно им объяснить, что люди, далекие от медицины, всякие предсказатели, колдуны пользуются методами психотерапии в корыстных целях. Лучший способ борьбы с ними - это открыть в больницах и поликлиниках кабинеты психотерапии. Сейчас ее

уже всюду практикуют, а у нас говорят, что это не укладывается в рамки здравомыслия. Много раз я проводил сеансы для руководителей района, избавлял их от разных болей и все равно никто конкретно не помог мне в получении официального разрешения. Некоторые чиновники чуть не с ума сходят, когда я говорю, что хочу применять эти методы в хирургии.

Мурад сделал паузу и спросил:

- Я не надоел тебе?

- Нет, что ты? Мне очень интересно, - ответила Айдан. От ее искренности у него стало тепло на сердце. Захотелось придвинуться к ней, погладить ей руку, но он не осмелился. В душе посетовав на свою нерешительность, он встал и пошел к окну.

Спокойствие сменилось волнением. Оно мешало говорить. Айдан и безо всяких слов понимала его состояние. Ей казалось смешным, что этот человек, который был старше ее на целых пятнадцать лет, вел себя перед ней как мальчишка.

Это и забавляло, и огорчало ее, почему-то вызывало и жалость к Мураду.

- Ладно, я пойду, - вдруг встала она с места.

- Куда? - забеспокоился Мурад.

- Как это куда? Ты думаешь, у меня нет других дел?

- Тогда я провожу тебя.

- Не нужно, обойдусь.

- Вечером встретимся? - спросил Мурад осторожно, опасаясь, что может обидеть ее.

- Встречаться не хочу.

- Ну что ж... - выражение его лица тут же изменилось. Не ожидавшая такого ответа, Айдан почувствовала себя как человек, случайно потерявший драгоценную вещь. Она простилась и вышла. Ей захотелось заплакать от нахлынувшего чувства печали, от одиночества. Она задалась вопросом как человек, неожиданно для себя потерявший самообладание: "О боже! Еще только час. Как же я проживу весь день?"

Отяжелевшими от внезапного наплыва тоски шагами она невольно направилась прочь от больницы.

Часа два Айдан плутала по улицам районного центра, обошла магазины, наведальась на базар. Она не замечала и не слышала ничего вокруг. Все корила себя за неожиданное расставанье с Мурадом, как и за то, что уклонилась от его предложения встретиться вечером. Однако больше собственного своеволия ее задевало безразличие со стороны Мурада. Ведь он должен был понять, что у нее просто случайно вылетели слова: "Встречаться не хочу". Но он их принял "за чистую монету" и не настоял на своем. Теперь она расценивала это его поведение как высокомерие: "Возомнил о себе..." Тут она рассердилась на себя: "Ты приехала статью писать, а не влюбляться. Лучше бы делом занялась, опросила бы коллектив больницы".

Она вернулась в больницу. Узнав, что Мурад Алиев отлучился по делу, обрадовалась. Впервые со дня приезда в район включила диктофон, записала слова членов коллектива лечебницы.

Завершив работу к шести часам вечера, она торопливо направилась в гостиницу. Ей почему-то казалось, что там ее ждет Мурад. Но, ни в вестибюле, ни на втором этаже никого не оказалось. Нехотя отворила дверь, вошла в свой номер, засела в кресло и стала с нетерпением ждать телефонного звонка. Но телефон упрямо молчал. Айдан даже в ванную не решалась зайти, боялась, что, как только встанет с места, позвонит Мурад, подумает, что ее нет в гостинице, и больше не станет звонить.

Так проходили часы. В начале одиннадцатого вечера у нее уже иссякло терпение, и она прилегла на кровать. Ей было ясно, что обидела Мурада, вот он и не звонит. Как знать, может, провожать даже не придет. От этой мысли стало неуждержимо грустно. С этим чувством она и заснула.

Утром ее разбудил звонок в дверь. Увидев задумчивое выражение на лице у Мурада, она опечалилась.

- Доброе утро, - заглянул он ей в глаза.

- Ты не спал ночью? - Айдан насилу подавила обиду. Она это произнесла так, будто хотела спросить, где тот пропал со вчерашнего дня, отчего не искал ее?

- Нет.

- Напрасно, хороший сон продлевает жизнь.

- Спасибо за совет. А ты, судя по всему, спала хорошо.

- Конечно.

- Молодец. Какие планы на сегодня?

- Возвратиться в Баку.

- Почему? У тебя ведь еще два дня.

- Нужно ехать. У меня много дел.

Мурад вдруг словно обмяк:

- Не уезжай, останься хотя бы на один день. Завтра я провожу тебя.

- Никак не могу, никак! - Айдан проклинала свой язык, прозносивший не то, что у нее на сердце, а то, что диктовало ее самолюбие.

- Значит, ты твердо решила? - спросил безнадежно Мурад.

- Да.

- Во сколько и на чем собралась ехать?

- Самолетом, в полдень.

- Я буду ждать тебя внизу в двенадцать часов. А пока поеду, куплю билет, - он вышел из комнаты.

Айдан хотелось как можно быстрее отдалиться от этого человека, который стал таким родным для нее всего за три дня. Чем раньше она отсюда уедет, тем лучше. Вправду ли лучше? Как случилось, что она сразу влюбилась в этого искреннего человека? Невидимая нить соединила их сердца, как бывает в сказках.

Айдан легла на кровать и уткнулась лицом в подушку. "Только этого мне не хватало. Одной заботой больше". Она хорошо себя знала. Ее сердце еще никогда не занимали преходящие чувства.

В двенадцать часов, закинув за плечо дорожную сумку,

Айдан спустилась к выходу из гостиницы. Мурад ждал ее в машине. Она села сзади. Звучала все та же грустная песня:

*Немало девушек, прости меня,
Встречал я в жизни, проводил.
Но даже самую красивую
Все ж, как тебя, не полюбил...*

Мурад молчал. Айдан тоже не находила слов. Так и доехали до аэропорта. После регистрации она подошла к Мураду - попрощаться:

- Я за эти несколько дней прибавила тебе забот, прости.

- Ты уезжаешь, нарушив мой покой, - грустно проговорил Мурад. Она не ответила.

- Без тебя мне будет очень трудно, я не смогу тебя забыть.

- Тебе кажется, Мурад. Нет ничего вечного.

- Ты серьезней, чем я думал, - вздохнул Мурад.

- Ты тоже, - выразила сожаление Айдан.

Вдруг ее стали душить слезы. Сердце сжалось при мысли о том, что ей придется расстаться с этим человеком, ставшим для нее таким родным, оттого что больше она его не увидит. Ей захотелось утешить Мурада, сказать ему теплые слова. Забыв про женскую стеснительность, она промолвила:

- Мне тоже будет трудно тебя забыть.

Он с нежностью взял и задержал на миг в ладони ее руку, не зная, что сказать.

Пассажиров пригласили на посадку. Айдан вырвала руку из его ладони и поспешила к самолету.

3.

Айдан очень изменилась по возвращении из командировки. Целыми днями ей хотелось лежать и все думать, прикидывать, размышлять. Стоило только закрыть глаза, перед взором представало смуглое лицо, стеснительный, рассеянный взгляд Мурада. Раз за разом вспоминались его слова, движения. Часто звучал в ушах его вопрос: "Не боитесь быть

околдованной?" Она действительно была околдована. Она будто попала в силки, хотя и не думала, не помышляла об этом. Что с нею случилось? Что ее сделало такой нетерпеливой, беспокойной, вселило волнение в ее сердце? Где бы она ни находилась, всюду искала кого-то глазами, звала немым взором. В каждом, с кем встречалась, невольно искала сходства с Мурадом.

Работая над статьей, она оживляла перед собой все то, что произошло за памятные три дня. Теперь ей приходили на помощь самые незначительные события, маленькие эпизоды, связанные с Мурадом. Она писала с чувством, с огнем, пыталась поставить себя на место Мурада, смотрела на жизнь его глазами, относилась к людям как он. Пыталась докопаться до причин появления недоброжелателей у Мурада, завистливых людей, таких типов, как Тофик. Всегда относившаяся с большой требовательностью к своей работе, привыкшая переписывать свои статьи по несколько раз, она, наконец, достала последний лист из машинки, собрала материал, завизировала его у Эльмана, заведующего отделом, после чего направилась к редактору.

- Здравствуйте, Габиль муаллим.

- Здравствуй, Айдан, уже приехала?

- Да, и вот статья, - она положила перед ним свой материал.

- "Зависть против доброжелательности"? Так скоро и статью написала, молодчина!

- Это такая статья, что надо было написать оперативно.

- А говорят, что у тебя не было времени проверять письмо? - редактор испытывающе уставился на нее.

- Не понимаю, о чем это вы?

- Мне каждый день звонили из района.

- Правда? А кто звонил? - удивилась Айдан.

- К сожалению, имени своего он не называл.

- И что он говорил?

- Этот человек каждый день снабжал меня сведениями о

том, где вы бывали с главным врачом и как проводили время.

- И вы все это с интересом выслушивали? - резко спросила Айдан.

- Я ответил ему как следует.

- Что-то не верится. Если бы вы ответили ему как следует, он не стал бы больше звонить.

- Не учи меня, кому и как отвечать, - повысил голос редактор, - посмотрим сначала, что ты написала.

- Что смогла, то и написала, - Айдан, раздосадованная, вышла из кабинета.

Увидев ее такой, Эльман спросил:

- Сказал?

- Что? - удивилась она.

- Про телефонные звонки.

- Значит, и вы знаете?

- Вчера шеф вызывал меня к себе.

- Почему же вы мне сразу не сказали?

- Подумал, что расстроюсь, не сможешь управиться со статьей. В любом случае, разговор об этом зашел бы.

- Так-то оно так, но, во всяком случае, лучше было бы меня предупредить. Я бы пошла к редактору подготовленной.

До вечера Айдан была хмурой. Она просмотрела редакционную почту, почитала письма с жалобами. Но, сосредоточиться на чем-то у нее не получалось. Слова редактора об анонимных звонках не давали покоя.

* * *

Прошла неделя с возвращения Айдан из командировки. За это время ни Эльман, ни редактор ничего ей про статью не говорили. После препирательства с редактором она ни разу не являлась к нему в кабинет. Он также ее не вызывал.

Тахмаз снова сидел в их комнате. Склонившись над Самиром, он по привычке, травил анекдоты, над которыми оба хохотали.

- Один мужчина чесал себе голову над папахой. А другой, стоявший с ним рядом говорит: Что же ты голову через

папаху чешешь? А он отвечает: А ты разве снимаешь брюки, когда чешешь ягодицу?

Тахмаз хлопнул в ладоши, залившись смехом. Присоединилась к ним и Айдан.

- Наконец-то у нашей ханум просветлело лицо, - поддел ее Тахмаз. Он спросил у Айдан:

- Ты расстроена из-за Гейдара?

- Почему из-за Гейдара? - удивилась девушка.

- Разве ты не знаешь, что Гейдара отправили перепроверять порученный тебе вопрос?

- Что? - она застыла от услышанного.

- Кто это тебе сказал? - спросил удивленно и Эльман у Тахмаза.

- Гейдар сам вчера говорил.

- Не может быть. Нет, редактор такого не сделает.

Айдан вскочила с места и стала нервно расхаживать по комнате. Вдруг повернулась лицом к Эльману:

- Скажите правду, редактор ничего не говорил вам в связи с этим?

- Ничего, Айдан. Сейчас пойду к нему и узнаю, в чем дело.

- Нет, не нужно, я сама к нему зайду, - Айдан вышла из комнаты.

Она стояла перед столом редактора, пристально уставившись ему в глаза:

- Габиль муаллим, вы откомандировали Гейдара?

- Откомандировал.

- В связи с письмом, которое я проверяла?

- Да.

- Почему?

- Твоя статья мне не понравилась.

- Но, ведь вы могли бы предупредить меня, указать на мои ошибки. А вместо этого направили в район другого корреспондента. Как вы могли? Что теперь подумают обо мне в этом районе?

- Я лучше знаю, как мне поступать.

- Нет, не знаете, Габиль муаллим. Проигнорировав труд одного корреспондента, по тому же вопросу командируете другого, да к тому же тайком. Никто ни в отделе, ни в редколлегии об этом не знает. За что вы унижаете достоинство своего сотрудника? Не могу понять, почему вы это делаете? Какая у вас цель?

Айдан выпалила свои вопросы на одном дыхании. Она знала, что редактор не ответит ни на один из них. По его мрачному лицу было понятно, что препирательства с ним дорого ей обойдутся.

* * *

- Айдан, тебя вызывают на заседание редколлегии, - сообщила в приоткрытую дверь Ваджиба.

- Меня? В чем дело? - удивилась Айдан. За три года работы в редакции она еще ни разу не принимала участия на таких собраниях. Как правило, в них участвовали члены редколлегии, редактор, его заместитель, ответственный секретарь, да еще заведующие отделами. "Интересно, что случилось?" - забеспокоилась Айдан.

В кабинете у редактора что-то бурно обсуждали. Когда Айдан появилась в дверях, все тут же притихли.

- Проходи, садись, Айдан, - предложил ей стул редактор. Она села рядом с Гейдаром.

Редактор строго посмотрел на нее:

- Думаю, ты знаешь, зачем мы тут собрались.

Айдан пожала плечами и ничего не ответила.

- Товарищи, мы командировали Айдан в район проверить письмо с жалобой. Автор написал о незаконных действиях главного врача больницы, просил прислать корреспондента, чтобы проверить все факты на месте. Пока Айдан находилась в районе, он каждый день звонил по телефону и выражал недовольство ее деятельностью. Я не придавал особого значения этим звонкам. Кому мне больше верить? Своему сотруднику или незнакомому человеку? Но, после прочтения

статьи Айдан озаглавленной "Зависть против доброжелательности" меня стали одолевать сомнения. Она оправдывает действия главного врача, но не может убедить читателей. Пусть не в обиду Айдан, по прочтении материала, хочешь или нет, начинаешь сомневаться: это какую же цель преследует корреспондент, взяв под защиту главного врача? Спустя неделю после возвращения Айдан из командировки, к нам в редакцию пожаловал председатель райисполкома. Он выразил недовольство позицией корреспондента, сказал, что как в районном руководстве, так и в коллективе больницы есть отрицательное мнение о главном враче. Мы оказались в таком положении, что хуже не бывает. Поэтому я решил направить Гейдара на повторную проверку. Он свою статью написал совсем в ином ключе, раскритиковав самовольную деятельность главного врача. Вот и скажите теперь, кому мне верить, журналисту с двадцатипятилетним стажем, или же неопытной корреспондентке, три года назад закончившей вуз? Вы прочитали обе статьи. Прошу высказать свое мнение о каждой из них.

- Вы в курсе дела, вам видней, мы-то что можем сказать?
- моргая маленькими глазками, заговорил с предосторожностью Азиз.

- Почему? Вы тоже являетесь членами редколлегии. Пусть каждый выскажет свою точку зрения.

Никто не осмелился встать и что-то сказать. Поднялся, наконец, Эльман муаллим:

- Айдан написала проблемную статью. Эта статья заставляет читателей задуматься. Прочитав ее, невольно сожалеешь, почему это не ты написал? Чувства, что выразила она, знакомы каждому из нас. Разве, мало мы встречаем в жизни таких людей, что преследуют любую инициативу, выдают за злонамеренность любой добрый порыв? Отчего нам не верить Айдан? Мы и прежде не раз читали ее смелые материалы, обоснованные фактами, почему же теперь мы должны утратить свое доверие к ней? А с тем, чтобы нап-

равить в район на перепроверку Гейдара, мне кажется, вы поторопились, Габиль муаллим.

Эльман все сказал на одном дыханье и сел. По колючему взгляду Габилы он понял, что тому его слова не понравились.

- Кто еще хочет выступить?

Теперь встал Тахмаз:

- Мне кажется, что у этого сложного положения есть один выход - не надо публиковать никакой из двух материалов. Пусть не будет обидно ни Гейдару, ни Айдан. Правда, оба немало потрудились, но правильной будет воздержаться от публикации статей.

Слова Тахмаза вызвали разногласия. Большинство голосов было принято, что материалы не будут опубликованы, что же касается Айдан, то ей было решено вынести предупреждение.

- Может, дадите слово и мне? - недовольно сказала Айдан, - выдвинули обвинение против меня, вынесли приговор, но никому из вас и в голову не приходит, что нужно выслушать и меня.

- Пожалуйста, Айдан, говорите, - сказал редактор.

- Спасибо за великодушие, Габиль муаллим. Я на вас не обижаюсь. Ваша позиция ясна. Не обижаюсь и на коллег. Что им поделать, остаться без работы никому не хотелось бы. Не станут же они портить отношения с начальством из-за какой-то Айдан. Ни у кого из вас, кроме Эльман муаллима, не хватило смелости и решительности встать на мою защиту. Вместе с тем, все вы знаете, что я права, что я все изложила правдиво. Однако вы побоялись это признать. Ничего страшного, вы уже привыкли к такому положению вещей. Каждого из вас допекают по очереди, но для вас это стало обычным явлением. Меня удивила позиция Гейдара. Чего ради он согласился принять на себя ответственность отправиться на задание, которое я уже выполнила? Разве не было больше тем? Хотя бы учел, что наносит ущерб моему авторитету как журналиста. Я бы не обиделась, напиши он

честный, объективный материал. Но он искажил факты, а как же, ведь писал-то, исходя из лживых доносов таких проходивцев, как Салимов. Мне трудно подобрать слова. И что же это за тайна такая, что ни Гейдар, ни Габиль муаллим никому в редакции и словом не обмолвились о дополнительной проверочной командировке в район? Будто опасались, что этому могут воспрепятствовать. Вы пытались запятнать меня, но сами того не замечая, запятнали самих себя. Вы говорили, что я симпатизирую герою, о котором написала. Да, признаюсь, что это так. И вообще, не люби я своих героев, не смогла бы работать. Что же в этом плохого? Габиль муаллим, сколько человек вы оторвали от дел, чтобы собрать их сюда? Стоит ли ограничиваться просто предупреждением? Объявите мне строгий выговор.

Она излила все, что накипело на душе, и вышла из кабинета редактора, громко хлопнув за собой дверь.

4.

Айдан жила в одном из старинных двухэтажных домов, расположенных в центре города. Однокомнатную квартиру с маленькой кухней отец купил, когда дети выросли. "Трое моих детей будут учиться в Баку, уж лучше мне купить квартиру, чем снимать угол и платить за это кучу денег", - говорил он, когда подвернулась квартирка по сходной цене. Этибар и Вафа, закончив институты, возвратились в родной район, обзавелись семьями. Айдан, поначалу тосковавшая по селу, задыхавшаяся в атмосфере города, с трудом привыкавшая к суете и шуму, теперь вполне освоилась в Баку. Иного места для жизни она уже и представить себе не могла. Когда ездила в отпуск в село, считала дни, с нетерпением ожидая возвращения в город. Ей казалось, что за короткое время без нее в городе могут произойти важные, значительные события, в которых она обязательно должна была принимать участие.

О профессии журналиста она мечтала с детства. Все темы, на которые писала, пропускала через свое сердце.

Поэтому все ее статьи получались убедительными и надолго откладывались в памяти. Но редактор отчего-то ее невзлюбил. Она почувствовала это с первого дня своего появления в редакции. Когда она впервые вошла в кабинет Габиль муаллима, тот сердито заметил:

- Дорогая, редакции требуются мужчины, нет у меня работы для таких неженков.

- Для начала запомните мое имя. Меня зовут Айдан. Вторых, я не поняла, вам нужен мужчина или журналист?

Ее резкий ответ удивил редактора, он и рассердился, и в то же время почувствовал симпатию к ней за смелость:

- Иди в отдел Эльман муаллима. Напишешь два-три материала. Справишься, возьмем тебя на работу.

Испытательный срок длился три месяца. Ее не раз направляли в отдаленные районы, поручали трудные темы. Она своевременно сдавала все материалы. Несмотря на это, Габиль муаллим не спешил с приказом о ее назначении. Эльман муаллим хорошо понимал, что у девушки, существующей только за счет гонорара, нелегкое материальное положение. По сравнению с пожилым Гусейном и бездарным Самиром, она была настоящей находкой для отдела, ее материалы нуждались только в незначительной корректировке. Он опасался, что Айдан разочаруется в новой работе и перейдет в другую редакцию. Убедившись в грамотности и в трудолюбии молодой журналистки, редактор, наконец, подписал приказ, и ее приняли на работу.

Габиль муаллим ожидал, что она запрыгает от радости, выразит ему благодарность, но девушка ограничилась только лаконичным "спасибо". За все время, что он работал редактором, никто не позволял себе не считаться с ним. При мыслях об этом у него портилось настроение, возникала неприязнь к Айдан.

Ему доставляло удовольствие по малейшему поводу придираться к ее материалам. Каждый раз при виде этой стройной девушки со светлым лицом, с ниспадающими на плечи

темно-каштановыми волосами, черными глазами в обрамлении длинных ресниц, со странным, испытующим взглядом, он почему-то расстраивался. Именно ей он поручал как "штрафнику" заменить корректора, не выходявшего отчего-то на работу, отдежурить за журналиста, находящегося в отпуске, доставить письмо в министерство... Она беспрекословно выполняла все поручения. Делала это не потому, что остерегалась рассердить редактора, а просто из трудолюбия. Ей не нравилось бездельничать.

Айдан стала дочитывать книгу "Проступок Аббата Мура". Как и все другие произведения Эмиля Золя, она перечитывала этот роман вот уже в третий, или четвертый раз. Вновь ее тронула до слез странная любовь молодого Аббата. Он предстал перед ней уже в образе Мурада. Будто именно Мурад и жил своей любовью, страдал, радовался и грустил, изнывая от мук. Все это время она не могла ни на миг забыть человека, за несколько дней изменившего ее жизнь. Каждую секунду она мысленно продолжала с ним общаться.

Между тем ни единого своего материала Айдан не ждала так, как очерка о Мураде. Все прежние материалы казались ей написанными наспех, лишь бы отделаться. А сейчас она была полностью удовлетворена статьей. Она не могла найти себе места от радости, думая, с каким интересом воспримет Мурад ее публикацию. Но произошло нечто неожиданное, что ей и в голову не могло придти. Мало того, что статья не была одобрена, так еще автор получил взыскание за пристрастную позицию по отношению к своему герою.

В коллективе никто не поддержал ее кроме Эльман муаллима. Все это очень расстраивало Айдан. У нее пропал аппетит, хотя с утра во рту и маковой росинки не было. Да еще эта головная боль. "Вот бы встретиться с Мурадом, поделиться с ним". Но за эти пятнадцать дней от него не было никаких вестей. "Интересно, почему он не дает о себе знать, не ищет меня? А ведь говорил, что я перевернула ему жизнь! Может, он уехал куда? А вдруг приехал за мной в Баку?" Пос-

леднее предположение вселило в сердце хоть какую-то надежду.

Вдруг, подумав о чем-то, она начала набирать по межгороду номер Мурада. В трубке послышался знакомый голос:

- Алло.

Это был Мурад. Айдан будто током ударило. Она не знала, как быть.

- Алло. Кто это?

Голос у Мурада был ровный. Его не удивил междугородный звонок. Айдан, расстроенная, повесила трубку. В это мгновение для нее ничто в жизни не представляло никакого интереса. В горле стоял горький комок, но заплакать она не смогла.

Ночь снова обрекла на одиночество, сея вокруг печаль, гнетущую сердце. "Подходящие условия для творчества," - дрогнули ее губы. В такие часы она всегда садилась за письменный стол. Что-то писала, перечеркивала, занимались мысли, забывались горести, время проходило для нее незаметно. Вот и теперь, вооружившись ручкой, она разложила листы бумаги.

Вдруг улыбнулась, вспомнив про свой зарок за три-четыре дня до этой ночи. Тогда она в тысячный раз пообещала себе, что больше не будет писать стихов, но снова нарушала клятву. Она не могла не писать, это было ее болезнью. Все, что хотела сказать Мураду, все связанные с ним раздумья превращались в стихи. Поэзия была для нее своего рода подготовкой к тому, чтобы перейти на публицистику. Это уже вошло в привычку.

Вот и теперь, отложив в сторонку написанные стихи, она начала работать над очерком, который давно задумала, и который никак не получался. Когда родился Сахиб, его родители и четыре сестры кружились над ним, словно мотыльки. Они внимали каждому его слову, не отказывали ни в чем. Исполняли его малейшие прихоти, делали даже невозможное. Ведь он был единственным в семье мальчиком, ко-

торый родился после четырех девочек, был светом надежды для отца и матери, опорой для сестер, о которой они так долго мечтали. Сахиб рос, а вместе с ним росло его безразличие к родным, отчужденность и даже непочтение, ему будто доставляло удовольствие их мучить.

Так прошли годы. Когда Сахиб достиг совершеннолетия, сестры выстроили ему дом. И четыре зятя сделали для него все, что могли. Всем селом справили ему свадьбу. После женитьбы он стал неузнаваем. Ко всем стал ревновать свою красавицу жену. Однажды прогнал из дому на этой почве старшего зятя. Аслан был чистосердечным, трудолюбивым человеком, и не сразу понял, чем разгневал шурина, когда же понял, то пришел в ужас. К Сахибу пришла старшая сестра Хумар, чтобы сказать ему, как он ошибается, но тот вынес свой приговор, резко сказав:

- Отныне нет у меня такой сестры, как нет и зятя. Убирайся!

Сестра пустилась в слезы, стала его умолять, но все без толку. Затем Сахиб выгнал из своего дома младшую сестру Чимназ. Он обижал и среднюю сестру, но, веселая по нраву Гюляр не придавала этому особого значения. Вернее, она притворялась, что ничего не случилось. Но, каждый раз уходила из дома брата со слезами на глазах. А вот вторая сестра, Халида с ее серьезным характером, пока от Сахиба не слышала колючих слов. Терпеливая, несловоохотливая, она вся пошла в мать. После смерти родителей Сахиб время от времени испытывал потребность в ее советах.

У него уже подрастали свои дети, он и сам изменился с годами, его резкость сменили рассеянность и печаль. Двое сыновей и дочь прибавляли ему забот. Они росли грубыми, неотесанными, ленивыми.

Однажды Сахиб зашел домой к Халиде. Он впервые переступал ее порог. Поседевшая Халида расстроилась, но ничего не сказала. Сахиб заговорил о своих детях, с душевной болью посетовал на их безразличие, беспечность. Наконец, прорвало и Халиду. Она выложила ему, каким рос он сам,

как получал удовольствие, мучая родных, как запретил сестрам и зятям входить в свой дом. Она высказала ему все. Просила за все ответа. Сахиб сидел, опустив голову. Мгновенье оба молчали. Затем она осторожно и тихо спросила:

- Я тебя не обидела?

Тот молчал. Халида нагнулась и заглянула ему в лицо и, вся в слезах, дрогнувшим голосом сказала:

- Ответь же, брат...

Айдан разорвала черновые записи. Соединила скрепкой листы беловика и забросила в сумку. Она была довольна, развеялась печаль, улучшилось настроение. Вот так каждый раз, закончив что-то писать, она, словно взлетала на седьмое небо. И теперь ей стало легче! Тихонько напевая, она прошла в кухню, заварила чай. Было четыре часа утра.

* * *

В понедельник, перед началом работы, она просмотрела свежий номер газеты и не смогла поверить своим глазам. Вышла статья Гейдара "Дешевая слава". Материал изобиловал необоснованными выпадами против Мурада. Это обескуражило Айдан, она обратилась к Эльману и Гусейну, притихшими в стороне:

- Скажите, что мне делать? Подскажите мне выход, вы ведь умные люди.

- Возьми себя в руки, Айдан, почему ты все воспринимаешь так близко к сердцу? - Гусейн пересел на стул перед ней. - С нами столько раз такое было, что и не счесть. Ты еще молодая, зеленая. Придет время, привыкнешь, перестанешь обижаться, если редактор возвращает или переделывает материал.

Она никак не могла успокоиться. Каждое предложение "Дешевой славы" колючкой вонзалось ей в тело. Это была низкопробная статья вне всякого жанра, написанная явно по заказу, враз опорочить имя инициативного главного врача районной больницы. Утерев прослезившиеся глаза, она

спросила у Гусейна:

- Скажите правду, какое впечатление произвел на вас материал Гейдара? Интересно узнать ваше мнение как читателя.

- Если бы я не читал твоей статьи, то затруднился бы что-то ответить. Я прочел ее после того, как услышал о ней разнотолки девушек в машбюро. Гейдару до нее далеко. Не поймешь, кому он служит.

Эльман привычно писал, склонившись над столом. Но, было видно, что он явно расстроен. Айдан забеспокоилась: "Может, что-то произошло?" Хотя он и не пытался утешить ее, как другие, она знала, что его вывел из себя материал Гейдара.

Вскоре, когда Гусейн муаллим вышел из комнаты, Эльман сел перед Айдан.

- Председатель райисполкома оказался близким человеком Салимова. Вот уже несколько лет они на пару пытаются состряпать подвох, чтобы снять Мурада с должности. Вполне возможно, что теперь они все же добьются своего, не без помощи нашей газеты. Салимов именно для этого и просил командировать к ним корреспондента. Габиль муаллим не случайно остановил свой выбор на тебе, он полагал, что Салимов сумеет найти с тобой общий язык. А тот, поняв, что ты не из сговорчивых журналистов, попросил тебя заменить.

- Вот и я так думаю, - глубоко вздохнула Айдан и грустно добавила, - как трудно, оказывается, жить. На глазах у тебя творится несправедливость, растаптывают правду и прикрывают ложь, а тебе приходится помалкивать.

- Мы с редактором разругались, ему не понравилось, что я встал на твою защиту.

- Может, подыскать другую работу? Чувствую, что здесь мне будет трудно.

- Думаешь, в других газетах работать легче?

- Что же мне делать?

- То же, что и остальные, - отрезал Эльман и встал. Айдан

задумалась подперев подбородок руками. Ей представилось, как чувствует себя Мурад после прочтения статьи в газете. "Наверное, смеется над моим бессилием. Думает, я ничего не умею, что вовсе писать не могу, и в коллективе вовсе меня не уважают", - пронеслось у нее в мыслях.

Неделя показалась Айдан целым месяцем. Она ни на миг не переставала думать о злополучной статье. Всю неделю ее, всегда веселую, общительную и разговорчивую, было не слышать.

- Айдан, ну хватит... подними голову... - напрасно пытался разговорить ее Гусейн муаллим. Через каждые два часа к ней по очереди заходили машинистки Ваджиба, Севиль, Тамилла, пытаясь растормошить ее:

- Хватит вешать нос, мы без тебя скучаем!

Но Айдан было не до смеха.

Севиль, увидев, что она не придает значения попыткам отвлечь ее от раздумий, все время что-то пишет, выхватила лист, лежавший перед ней на столе, и стала вслух читать написанное:

*Смысл дней моих зависит от одного звонка,
Душе в нем утешенья я жду наверняка.
Но телефон молчит упрямо, не знает он,
Заветный ключ от счастья в звонке том заключен...*

- Ого! Наша девочка, оказывается, влюбилась, а мы и не заметили, - стала подшучивать Севиль.

Ваджиба усмехнулась:

- Признайся, кто этот счастливчик?

- Не горюй, красавица, увидишь, сейчас телефон зазвонит, - поддела девушку Севиль.

Как только она это сказала, прозвенел звонок. Подруги расхохотались. У Айдан замерло сердце. Это был тот самый звонок, которого она ждала, сомнений быть не могло. Этого звонка она ждала со дня возвращения из командировки. Все это время при каждом звонке у нее вздрагивало сердце. Она

с беспокойством поднимала трубку, а, поняв, что это не тот голос, по которому она так тосковала, сильно расстраивалась. Но, ни один из тех звонков на этот не походил. Этот звучал по-другому. Айдан поняла это по тому, как забилося сердце, по-другому, в странном ритме. Интуиция никогда не обманывала ее. Звонок повторился три раза, после чего Айдан сняла трубку.

- Алло, алло... - от знакомого голоса в трубке она вздрогнула всем своим существом, у нее задрожали руки. Как же она истосковалась по этому голосу!

- Алло.

- Привет, Айдан! Это я, Мурад.

- Алло, - она не могла произнести ничего кроме этого слова. Девушки заметили ее тревогу и растерянность. Севиль кивнула подругам, и все они вышли из комнаты.

- Почему ты молчишь, Айдан?

- Привет М... - она хотела произнести его имя, но раздумала, что-то прикинув в уме.

Гусейн муаллим внимательно смотрел на нее. Эльман все что-то писал по привычке.

- Как ты, Айдан? Я так хочу тебя видеть...

- ...

- Скажи хоть слово, не молчи.

- Откуда ты звонишь? - спросила она еле слышным голосом.

- Из гостиницы.

- Скажи мне свой телефонный номер.

- У тебя много работы?

- Да.

Мурад продиктовал свой номер и попрощался.

У Айдан горела пламя в глазах. Она засмушалась и не могла поднять головы, посмотреть на мужчин, сидевших в комнате, как будто ее поймали с поличным. Ей казалось, что мужчины догадались о ее чувствах, но, увидев, что они увлечены своей беседой, немного успокоилась.

Лишь в обеденный перерыв, наконец, оставшись в комнате

одна, она набрала номер Мурада:

- Алло.

- Да, Айдан, это я.

- Как дела, Мурад, когда ты приехал?

- Сегодня утром. Как мне хочется увидеться с тобой...

- ...

- Может, встретимся?

- Я выйду с работы в пять часов. Жди меня перед станцией метро "Низами".

- Буду ждать, - Мурад положил трубку. Айдан посмотрела на часы: было пятнадцать минут третьего. "О, Боже, еще три часа. Как медленно идет время. Как прожить все это время?"

- подумала она.

Мурад был в белых брюках и черной сорочке. Ему очень шло. При виде Айдан, он сжал ее руки в своих ладонях и прикоснулся к ним губами. От его теплого дыхания у нее закружилась голова. В нем чувствовалось что-то родное, успокаивающее.

- Ты стала еще красивей.

- Пошли, Мурад, здесь много народу.

Они вышли из шумной толчеи людских потоков и направились в небольшой сквер расположенный поблизости.

- Присядем?

- Как хочешь...

Они сидели бок обок. Мурад старался поймать взгляд Айдан. А она тут же отводила от него глаза. Вдруг их взгляды столкнулись. У Айдан запылала щеки.

Мурад тоже был не в себе.

- Сегодня уже месяц прошел, - заговорил он с трудом.

- После чего?

- С того дня, как я увидел тебя впервые.

- Ты считал дни?

- Не то, что дни, я даже часы считал, - Мурад сказал это так, что невозможно было усомниться в его искренности. Его признание наполнило светом и радостью сердце Айдан.

- А почему же ты ни разу не позвонил? - она хотела сказать это так, будто ничего и не случилось, но голос у нее дрогнул.

- По сто раз в день я поднимал трубку, набирал твой номер, но передумывал.

- Почему?

- Хотел проверить свои чувства.

- Месяц - не такой уж и большой срок для проверки чувств.

- Смотри для кого. Лично для меня этот месяц длился дольше года. Мне казалось, что он бесконечен, конца ему никогда не будет.

- Почему же месяц, почему не меньше, и не больше?

- Признаться, я собирался приехать несколько позже. Через три, может быть, пять месяцев, не знаю, может еще позже.

- Правда? - Айдан содрогнулась от услышанных слов. - Значит, мог и не приехать?

- Да, на силу воли я не жалею.

- Почему же ты все-таки приехал?

- Меня обеспокоила статья. Подумал, что ты будешь переживать, нервничать, вот, и приехал, чтобы тебя успокоить.

Айдан была признательна Мураду за то, что он первым заговорил о статье, помог ей сбросить с плеч тяжелый для нее груз. Она пожала двумя руками локоть его левой руки, оказавшейся с ее стороны:

- Прости меня, Мурад, я хотела выступить с интересным очерком о тебе, но мне помешали. Я сдалась. Опубликовали статью Гейдара. Я никогда и ничем не была так потрясена. До сих пор не могу найти себе место. Не могу простить себя за то, что раньше не догадалась о тайном сговоре редактора с Гейдаром, не то я свой очерк опубликовала бы в другой газете.

- Не расстраивайся из-за подобных мелочей. Я в жизни немало таких людей встречал. Но, думаю, хорошо, что они есть, а то жизнь стала бы неинтересной, мы бы не смогли це-

нить по достоинству хороших людей.

- Как там встретили статью? Обсуждали ли ее?

- Да, по представлению районного руководства министерство здравоохранения меня освободило от должности главврача.

- Значит, Эльман муаллим был прав, - у нее в голосе просквозило сожаление, - мой заведомо говорил, что председатель райисполкома и Салимов близкие люди. Они давно искали повода снять тебя с должности. Помогла наша газета. Знай это, я бы не приехала в район.

- Почему ты воспринимаешь все так близко к сердцу, не ты, так кто-то другой. Это был заранее распланированный план.

- Почему ты меня не предупредил?

- Думаешь, я мог думать о чем-то, пока ты находилась рядом? Я даже такие повседневные дела, как поесть, или одеться, совершал механически. Для меня ничего на свете не имело значения, кроме тебя. Ты ведь сама пришла и нашла меня, раскрылась передо мной, словно цветок судьбы, обдала меня своим ароматом, о чем же еще мне было мечтать?

Они гуляли по городу до темноты. Все говорили и говорили, как старинные друзья. Дойдя до своего дома, Айдан сказала:

- Жаль, время быстро пролетело.

- А что стоит его продлить? Пригласи меня домой, завари крепкий чай, вместе посидим.

Мурад сказал это так, что она не смогла не согласиться с ним:

- Ладно, идем.

Очутившись в ее квартире, Мурад изумился:

- Да здесь настоящий ботанический сад!

На кусте китайской розы в большом поддоне, поставленном слева от входной двери, красовались десять-пятнадцать пурпурных цветков. Справа висел вьюн, занимавший всю стену. А перед окном Мурад заметил мини-клумбу. Он

снял обувь, подошел ближе и стал любоваться растениями усыпанными белыми, розовыми, голубыми и синими цветками.

- Это фиалки, - подошла к нему Айдан, - пока расцвели только четырех цветов. У меня в коллекции фиалки всех семи цветов. Это мои самые любимые цветы.

- А как называется этот? - Мурад показал на растение на книжном шкафу с ветвями, свисавшими чуть ли не до пола, с кистями розовых цветов между широких листьев.

- Бегония.

Все растения в комнате разрослись в причудливой, непривычной для взора Мурада форме. Ветви растения, напоминавшего куст граната с густой листвой, были аккуратно переплетены в подобие соломенной корзинки. А побеги цветка с вишнево-бархатными листьями в светлую крапинку, росшего из поддонов, были закреплены на стене над диваном и соединялись над ним в красивую арку. Над этой аркой висела картина. В тени дуба на переднем плане сидела девушка, вглядывавшаяся в лесную даль.

- Работа Шишкина, - сказала Айдан, - знакомый пейзаж?

- Нет, впервые вижу.

- Шишкин был художником, влюбленным в лес. Всю жизнь только лес и писал. Да еще как! Сейчас покажу тебе другие его работы. У меня богатая коллекция репродукций. Давно собираю.

- Правда?

- Да. У меня есть репродукции почти всех художников писавших на тему природы. Можешь взглянуть, если хочешь.

Она достала целую кипу альбомов из нижнего отсека книжного шкафа и выложила на стол.

- Вот, посмотри, а я пойду, заварю чай.

Он стал внимательно вглядываться в убранство комнаты. Стену напротив дивана снизу вверх занимали книжные полки. "Все деньги тратит на книги", - подумал Мурад.

Эта большая комната располагала к покою. Все вокруг казалось чем-то до боли родным - от цветастого халата, брошенного на стул в углу, до беспорядочно разбросанных на столе листов бумаги. Все это было для него таким же родным, как и бархатно черные глаза Айдан, аккуратный носик, губы, словно лепестки розы, стройная шея... Месяц назад он с первой же встречи влюбился в эту девушку, влюбился до сумасшествия. Мурад листал альбомы и ничего перед собой не видел. Его мысли целиком были заняты ею. Перед ним оживала только одна картина - образ Айдан.

- Ты там не скучаешь? - спросила она из кухни.

- Нет, нет, чего мне скучать?

- Хочешь, включи телевизор.

- Не хочу.

- Как знаешь...

Через несколько минут Айдан постелила на стол белую скатерть и принесла свежесваренный чай.

Когда запахло жареной картошкой, Мурад не выдержал и прошел в кухню:

- Что ты здесь делаешь? Запах картошки меня убивает. Это мое любимое блюдо.

- И мое, - улыбнулась Айдан. Она вывалила дымившуюся картошку из сковороды в блюдо:

- Отнеси, пожалуйста, в комнату.

И сама, прихватив хлеб, тарелки и вилки, прошла вслед за ним. Они принялись за ужин.

- Никогда не ел такой вкусной картошки, - признался Мурад.

- Знаешь, у кого я научилась готовить?

- У мамы, наверное.

- Нет.

- Может быть, у старшей сестры.

- Не угадал.

- У подруги.

- А вот и нет. У нашего завождем Эльман муаллима.

- Правда?

- Валлах*. Он как никто лучше жарит картошку. Представь, в обеденный перерыв по всей редакции разносится дразнящий запах жареной картошки. К тому же, наш Эльман муаллим только день или два в неделю ест что-то другое. Как он жарит картошку, просто загляденье! Каждая долька у него покрывается хрустящей корочкой, а внутри такие мягкие, что тают во рту. Я в редакции и научилась жарить картошку. До этого она то прилипала ко дну сковородки, то подгорала. Вот я и попросила Эльман муаллима поделиться со мной своим секретом. С тех пор и стала мастерицей.

- Пожалуйста, научи и меня.

- Шутишь?

- Нет, я серьезно.

- Тогда слушай. Положи в сковородку кусок масла, пусть растопится, после чего высыпь очищенную и нарезанную картошку. Как только она поджарится с одной стороны, нужно ее перевернуть. После того, как все дольки поджарятся равномерно, посоли, перемешай, накрой крышкой и оставь томиться на медленном огне.

Мурад слушал так внимательно, будто разговор шел о чем-то жизненно важном. Это рассмешило Айдан. Расхохотался и он сам.

- А ты над чем смеешься?

- Уж очень глубокий интерес ты проявил к науке приготовления картофеля.

- Ну, ты так подробно мне все разъясняла...

Они смотрели друг на друга, заливаясь веселым смехом. Такой искренний и веселый смех по пустяковому поводу, бывает только у счастливых людей.

- А теперь я принесу тебе эликсир молодости моего отца, - Айдан прошла в кухню. Она принесла графинчик и два бокала,

* *Валлах - клянусь Богом (аз.)*

- наша собственная продукция. Папа - знаток в виноделии. Он говорит, что вино повышает жизненный тонус.

Она разлила вино по бокалам:

- Выпьем за наше знакомство.

Мурад последовал ее примеру.

- Ну, как? - спросила с любопытством Айдан.

- Вот это ты и нахваливала? Я пока не разобрался. Налейка еще!

Она наполнила ему стакан. Осушив бокал, он застыл, забавно вздернув подбородок. Вспомнив, что Айдан ждет его оценки, произнес:

- Ничего, - и добавил, - отлично!

Обоих снова разобрал смех. Лица у них покраснелись от вина. Мурад чувствовал себя самым счастливым человеком на свете. Он все не мог налюбоваться розовыми щеками Айдан.

Вдруг Мурад беспокойно закачал головой.

- Что случилось? - насторожилась она.

- Ты знаешь, какое сейчас время? - Настенные часы показывали двенадцать минут первого ночи.

- Ну и ну, как быстро летит время, - сказала она, не скрывая сожаления.

- Надо идти, - Мурад встал. Настроение у них упало. Мурад обулся, но никак не мог уйти. Ей тоже не хотелось, чтобы он уходил. Но, никто из них не решался признаться в этом.

- Когда едешь в район? - первой нарушила неловкое молчание Айдан.

- Рано утром.

- Правда? - Ей почудилось, будто что-то внутри у нее оборвалось. - Может, останешься еще на денек?

- Нет, Айдан, мне нужно быть в районе.

- Жаль...

Она невольно схватила Мурада за руку, когда тот потянулся к двери. Он взял ее руку в ладони и нежно коснулся губами. Потом порывистым движением привлек Айдан к себе. В кольце сильных объятий девушка приникла к его груди, не

осмеливаясь поднять голову и заглянуть ему в лицо. Оба застыли в замешательстве от неожиданной развязки взаимного влечения. Наконец, Айдан освободилась из объятий Мурада и, приводя в порядок волосы, сказала:

- Не уходи, Мурад, уже поздно, до гостиницы далеко, а такси в это время поймать трудно.

Он в ответ промолчал и, покорно разувшись, вернулся в комнату. Но от его прежней уверенности, веселого настроения не осталось и следа. Было отчего-то беспокойно, будто на иголках сидел. Странно чувствовала себя и Айдан. Она корила себя за то, что не дала Мураду уйти, задержала его, но, с другой стороны, не видела ничего зазорного в том, что у нее переночует человек, ставший для нее таким родным.

- Постелю тебе в комнате, а сама лягу в кухне, - сказала она виновато.

- Разве тебе хочется спать? - осторожно спросил Мурад.

- Мне - нет, я подумала, может, ты хочешь выспаться, тебе ведь с утра в дорогу.

- Присядь рядом, поболтаем, - он доверительно взял ее за руку.

- Я только включу телевизор, - ответила Айдан, - в ночной программе должен быть хороший фильм.

Показывали остросюжетный французский фильм. Они, молча, досмотрели его. Сразу за ним начался другой фильм. Айдан не почувствовала как заснула.

Проснувшись утром, с удивлением обнаружила, что спала, укрытая одеялом. Поняв, что Мурад ушел, она расстроилась. На столе была оставлена записка:

"Айдан, дорогая, ты так сладко спала, что я не решился тебя будить. Прости, что уехал не простившись. Но, так даже лучше. Для меня мука и видеть тебя, и не видеть. До свиданья. Любящий тебя Мурад".

5.

На работе Эльман ей сказал:

- Редактор хочет тебя видеть.

Она неохотно зашла в кабинет шефа, поздоровалась, почти не разомкнув губ, и стала ждать, чего же тот скажет.

- Твоя обида еще не прошла? - спросил Габиль муаллим, улыбнувшись, не без издевки.

- Работа не место для обид или недовольства, - ответила в тон ему Айдан.

- Почему же тогда не заходишь, не сообщаем, чем ты занята?

- Без приглашения куда-то ходить не принято, - сердито отпарировала она. От ее резкого ответа редактор нахмурился.

- Ладно, садись, я хочу поговорить по поводу твоей статьи "Ответь, брат". Ты ее написала сентиментально, находясь во власти чувств.

- Писать на такие темы невозможно, не находясь во власти чувств. Нужно писать, почувствовав сердцем всю эту боль, - отрезала она.

- Во всяком случае, теперь не время для сентиментальных статей. Нам нужны куда более серьезные материалы на злободневные темы.

- Я и написала серьезно. На воспитательные темы нельзя писать иначе.

- Айдан, материалы на воспитательную тематику пристало бы писать людям с опытом в годах, а у тебя нет морального права поучать людей. Завтра читатели мне могут возразить как редактору, почему я доверил их воспитание неопытной журналистке.

- Во-первых, вы и сами отлично знаете, что в редакции этой темой никто кроме меня не интересуется. А во-вторых, журналист и есть воспитатель. Независимо от своего возраста, он может направлять на путь истинный любого человека. Да и не нужно особых полномочий и прав, чтобы

писать на эту тему.

- Девчонка! - он вышел из себя, - тебе доставляет удовольствие препираться со старшими, как я вижу.

- Я вам не девчонка, прошу проявлять уважение, - она встала с места, - вместо того, чтобы тянуть резину, прямо скажите, что моя статья не отвечает вашим высоким требованиям, и верните ее.

- Конечно, не отвечает. Или ты думаешь, что написала гениальное произведение?

- Может и не гениальное произведение, но, во всяком случае, не черновые записи для корзины.

Айдан стояла и ждала, когда он вернет ей материал. Помолчав какое-то время, редактор выложил статью на стол перед ней.

- Прошу отметить на ней причину возврата...

Редактор смерил Айдан суровым взглядом, что-то надписал на первой странице ее материала и отдал ей. Выходя из кабинета, она успела прочесть отметку редактора: "Сентиментальная статья Айдан Омаровой не отвечает требованиям".

У двери она лицом к лицу столкнулась с бывшим однокурсником Фазилем. Он спросил:

- Чем ты так расстроена, может, поругалась с редактором?

- Угадал.

- Вернул твою статью?

- Так оно и есть.

- Случайно, твоя статья не на воспитательную тему?

- Да.

- Дай мне, опубликуем в нашей газете.

- А вдруг и твоему редактору не понравится?

- Пусть радуется, что ему предлагают статью такого журналиста, как ты. - Фазиль вырвал у нее из рук материал и ушел.

Когда Айдан вошла в рабочую комнату, Эльман обеспокоенно спросил:

- Ну, что там?
- Он вернул мой материал, что же еще.
- Не может быть!
- Почему нет? Он сказал, что нам не нужны сентиментальные статьи.
- А не сказал, что все мы воспитанные, что не нуждаемся в нравственности?

- Сказал, много чего сказал.
- Не расстраивайся.
- Наоборот, Эльман муаллим, я в последнее время открыла для себя интересную вещь. Редактор возвращает только мои хорошие материалы, а слабые подписывает к печати. Это меня и утешает.

- Поздравляю тебя с таким открытием, - Эльман обрадовался, что она не пала духом.

Взяв свой стул, он сел прямо напротив нее и многозначительно посмотрел ей в глаза:

- Что-то с тобой случилось, ты не вчерашняя Айдан.
- Да, Эльман муаллим, вы правы, я другая Айдан, - загадочная улыбка мелькнула у нее на лице.
- Я очень рад за тебя, желаю, чтобы ты всегда такой и оставалась.

Айдан с давно забытой тщательностью принялась за разбор редакционной почты. Она спокойно вздохнула только после того, как аккуратно сложила все письма, накопившиеся за две недели. Затем вскипятила чайник, заварила индийский чай, добавила мяты.

- Эльман муаллим, готовьтесь к чаепитию, - сказала она. В это время открылась дверь - появилась лысая голова Азиза.

- А я? - смешно спросил он.
- Какое же чаепитие без тебя? Живо бери стакан и присоединяйся к нам... - сказал Эльман, улыбнувшись.

Вскоре пришел Гусейн муаллим, а за ним Самир. Замешкавшись, вошел и Тахмаз:

- Ах, ах! Да здесь собрались все сливки редакции! - и добавил, указав на Айдан, - вот, наконец, и рассеялся туман, небо прояснилось.

- Меньше ненужных слов, - сказала Айдан, не боясь обидеть его, - неси свой стакан.

Тахмаз вышел и тут же вернулся, налил себе чаю, устроился в кресле и заговорил:

- Ребята, послушайте, я расскажу вам про один случай. Мой друг-журналист как-то поехал в командировку в район. Он должен был написать про доярок. На ферме спросил у пожилой женщины, сколько та надаивает молока с коровы, что стоит рядом. В ответ все доярки дружно расхохотались... Друг мой расстроился, не понимая, над чем они смеются. Хотел разобрал и ту пожилую женщину. Когда он спросил, почему они смеются, та ему ответила:

- Святая невинность, это бык, а не корова.

Бедный мой друг, вернулся оттуда таким поникшим...

Все в комнате взорвались от смеха.

- Последний месяц в творчестве у Гусейн муаллима наметился застой, ты не знаешь причины? - подмигнул Тахмаз в сторону Айдан.

- Хватит, все эти твои колкости мне уже надоели! - вспылал Гусейн муаллим.

- Не расстраивайся, в жизни у всех известных журналистов бывают периоды застоя, но это проходит. И у тебя так будет, - миролюбиво продолжал шутить Тахмаз. - Ребята, вчера дома я перебирал старые номера нашей газеты. В номере пятнадцатилетней давности мне попала на глаза статья Гусейн муаллима. Заголовок показался мне знакомым, и я с большим интересом ее прочитал. Потому что на днях выходила точно такая же его статья. Кроме названия района, хозяйства, имен и цифр, все было один к одному, от запятых и до точек.

- Перестань врать! - сердито хлопнул по столу кулаком Гусейн муаллим.

- Не веришь? Тогда посмотри сам, - Тахмаз вытащил из кармана два разных номера газеты. Самир выхватил их у него из рук и, внимательно просмотрев, сказал удивленно:

- Да, действительно.

- Мое исследование этим не ограничивается. Оказывается, Гусейн муаллим широко использует этот прекрасный метод, - Тахмаз вынул из кармана и показал всем исписанный листок.

- Бедняга, на что он расходует свое драгоценное время. Будь я на твоём месте, занялся бы настоящими научными исследованиями, а не такими бессмысленными вещами, - Гусейн муаллим напрасно пытался скрыть, что расстроен. Вид у него был при этом столь жалким и безнадежным, что это не укрылось ни от чьих глаз. - Дай мне этот листок, - он хотел выхватить листок из рук Тахмаза.

- Придется тебе раскошелиться, - хитро улыбнулся Тахмаз.

Гусейн муаллим, хорошо его зная, пошел на попятную, и серьезно спросил:

- Ладно, скажи, что с меня причитается?

- Одно застолье.

- Только на тебя?

- Нет, на всех свидетелей, присутствующих здесь.

- Когда?

- На сегодняшний вечер закажешь кябаб и прочее, да и выпивку в придачу! Вот и посидим, обмоем твоё творчество, - предложил Тахмаз.

- Ладно, но, если завтра об этом распустишь слух по редакции, пеняй на себя.

- Слово мужчины, - Тахмаз незаметно подмигнул находившимся в комнате.

В пять часов вечера Гусейн муаллим явился с большой корзиной. Эльман удивился:

- Ты и вправду даешь застолье?

- А что мне делать? Ты же знаешь Тахмаза. Если не будет угощения, завтра же обо всем раструбит на весь мир, еще и редактору доложит, - Гусейн муаллим был очень расстроен.

Айдан было закинула сумку за плечо, собравшись уйти, но Гусейн муаллим схватил ее за руку:

- Ради Бога, не уходи, помоги мне накрыть на стол. Через полчаса, час уйдем все вместе. Да и зачем тебе спешить домой?

- Что мне одной делать в компании шестерых мужчин?

- Милая, ты же не чужая, ты нам почти как брат, - стал уговаривать ее и Эльман.

Они соединили два стола, Айдан расстелила на них листы белой бумаги. Затем достала провиант из корзины и разложила на семь персон. Вкусно запахло шашлыком, свежей зеленью, сыром и хлебом. Последними пришли Азиз и Тахмаз. Все расселись, заперев дверь изнутри. Гусейн муаллим подсуетился и достал припрятанную водку, разлил по стаканам, после чего обратился к Айдан:

- Посмотри, что я купил для тебя, - он налил ей в стакан шипучего лимонада.

Встал Тахмаз:

- Что ж, ребята, выпьем за здоровье нашего Гусейн муаллима, за его несравненное творчество. Спасибо ему, что он есть, что его творчество привлекло мое внимание как исследователя. Без Гусейн муаллима не было бы и сегодняшнего прекрасного застолья.

- Здоровья, Гусейн муаллим! - произнесли все хором и выпили.

Тахмаз по обыкновению начал рассказывать анекдоты. Вдруг в дверь постучали.

- Кто это может быть, ведь в редакции никого не оставалось, - обеспокоенно сказал Гусейн муаллим. Самир встал и открыл дверь. Когда вошел Габиль муаллим, все сконфузились. Тот заговорил как бы в свое оправдание:

- Приятного аппетита. Не хотел мешать. Вышел в коридор, направляясь домой, но услышал шум и подумал, может, что случилось? Да и дверь вы заперли, - он бросил странный взгляд на Айдан, - вижу, содержательно проводите время.

- Мы отмечаем день рождения Гусейн муаллима, - решил разрядить обстановку Эльман.

- Поздравляю, - редактор пожал руку Гусейн муаллиму, затем пошел к двери. При выходе он обернулся:

- Пьянствовать на работе нехорошо, ребята!

Дверь за ним захлопнулась и в комнате воцарилась тишина.

- Уже поздно, я пойду, продолжайте без меня, - Айдан попрощалась и вышла из комнаты.

- Мы тоже тронемся, - Гусейн муаллим был сильно подавлен.

Небо над городом потемнело. На улицах стихло движение. В такие часы Айдан любила прогуливаться одна-одинешенька. Под стук своих каблучков, ступая знакомой дорогой, она уходила в мир глубоких раздумий, ничего не замечая вокруг.

Вот и теперь, выйдя из девятиэтажного здания издательства, она зашагала вниз по тротуару широкого проспекта. В сердце запало зыбкое тревожное чувство. Перед глазами стоял строгий взгляд Габиль муаллима. Она его недолюбливала. За три года ни разу он не проявил расположения к ней, ни разу доброго слова не сказал. Что это за редактор, если все время ищет повода задеть ее за живое? Почему это доставляет ему такое удовольствие?

Ей вдруг до слез захотелось увидеть Мурада. Сердце затрепетало при мысли о том, чтобы услышать его голос, почувствовать прикосновение его рук, его теплое дыхание. Как было бы хорошо пройти под руку с ним по безлюдным улицам, болтая о разных пустяках. Она затосковала по Мураду. Думая о нем, замедлила шаг.

До ее слуха донеслась очень знакомая мелодия. Айдан вздрогнула. Проходя перед студией звукозаписи, она явственно услышала слова песни:

*Немало девушек, прости меня,
Я в этой жизни проводил.
Но даже самую красивую
Все ж, как тебя, не любил...*

Эта была их с Мурадом песня. Она врезалась в память после знакомства с ним. Никакая музыка не отзывалась так в сердце. Заслушавшись, она остановилась у студии.

- Что вам нужно? - спросил парень за прилавком.

- Эта песня.

- Заплатите один манат.

- За что?

- Вы не хотите кассету?

- Конечно, - обрадовалась Айдан.

Она протянула деньги продавцу и тот, выключив магнитофон, вынул кассету. Взяв ее как драгоценность, Айдан, радостная, вышла на улицу.

Дома она сразу же включила магнитофон. Села на диване, обняв колени, закрыла глаза и забылась, околдованная чарами музыки. Прослушав обе стороны кассеты, вышла на застекленную веранду. Мысленно заговорила с Мурадом: "Теперь уже ночь, дорогой, одна из миллионов ночей. С того дня, как мы осознаем этот мир, мы встречаем и прощаем множество таких ночей. Жизнь устроена так, что дни сменяют ночи, а ночи снова приходят вслед за днями. Так будет и завтра, и послезавтра. Не знаю, как у других, но я становлюсь ранимой по ночам. Становлюсь более восприимчивой ко всему. Сердце переполняется необъяснимыми чувствами. Истинная причина моего состояния - это ты. Ты делаешь меня другой, ты меня обессиливаешь. Да еще и ночь - долгая, бесконечная, тоскливая ночь. Знаю, что наступит утро, и я стану прежней, обычной. Печальные раздумья оставят меня, время будет проходить незаметно в повседневных заботах. Я забуду про ночь до поры, посмеюсь над своими печалью, спущусь с небес на землю. Затем снова сгустится темень. Вот так, встречая и провожая ночи, вдруг увижу, что стала сгорбленной старушкой... Пока же вокруг меня сквозит печаль, обычная для ночи. Безмолвие в моей комнате, как и луна, завешанная серой грядой облаков, да и песня, которую я слушала

с удовольствием, доставляют мне только печаль. Она настояща на твоём дыханье, Мурад".

* * *

- Поздравляю, статья твоя вышла, - Эльман положил перед ней свежий номер молодежной газеты.

Айдан радостно просмотрела свой материал "Ответь, брат". Он занимал половину четвертой страницы, привлекая внимание прекрасным оформлением.

- По-твоему, Габиль муаллим видел? - не скрыла она своего любопытства.

- Не мог не увидеть. Наверное, локти кусает от злости, - сказал Гусейн муаллим.

- Правильно сделала, что отдала статью в другую газету. Впредь наш редактор будет внимательнее относиться к материалам своих сотрудников, - добавил Самир.

Айдан заметно оживилась. К ней вернулся оптимизм. Девушки в машбюро это заметили с первого же взгляда. Севиль с Тамиллой с ней радостно поздоровались. Только Ваджиба оставалась сдержанной и продолжала заниматься своей "халтурой".

- Ваджиба, дай Бог тебе упасть с "древа халтуры" и найти под ним столько денег, сколько тебе не сосчитать, - бросила ей Айдан.

- Аминь, аминь, - Ваджиба посмотрела на нее краешком глаза, не переставая стучать на машинке.

- Умереть мне на месте, не представляешь, как я по тебе соскучилась! - Севиль ущипнула Айдан за локоть. Та обратилась ко всем:

- Кого загрызла тоска по работе со мной?

- Какая там тоска, мы просто умираем от желания поработать именно с тобой, - отозвалась на шутку Севиль.

- Как же мне быть, чтобы никого из вас не обидеть? - ответила в тон ей Айдан. В тот же момент дверь открыл Тахмаз.

- Что тут происходит? Кудахтанье прямо как на птицеферме,

- сказал он с очень серьезной миной на лице. Девушки рассмеялись. Тут объявился и Октай. Увидев Айдан, он сцепил руки под подбородком и опустился перед ней на колени:

- С тех пор, как вы провели перпендикуляр любви к плоскости моего сердца, логарифмическая линейка не в состоянии вымерить частоту его биения. Как все подвластно земному тяготению, так и я подвластен только вам. Наши сердца всегда будут биться в унисон. Эх, формула жизни моей, любовь моя, невидимая, как радиоактивные лучи!

Когда он закончил свои излияния, в комнате разразился хохот. Айдан приложила руку к его лбу и тут же отдернула, покачав головой:

- Это дитя заразилось болезнью любви. Заболевание, ведущее свой генезис со времен первобытнообщинного строя, приняло наследственный характер и передается из поколения в поколение. Часто оно проявляется в резкой форме. Возможен и летальный исход.

Айдан надела очки Тамиллы и стала рассказывать по комнате:

- Возбудитель болезни - палочки любви. Они распространяются повсюду, где могут найти благоприятную среду для обитания, - в земле, воде и воздухе. Вирус передается через глаза, в редких случаях - через уши. Они проникают в пищеварительную систему, где вызывают воспаление слизистых оболочек. Воспалительные процессы охватывают вскоре и нервную систему, после чего зараза проникает прямо в сердце. Характерно, что больной бывает безразличен к окружающему миру, поскольку часто устремляет взгляд лишь в одну точку. Организм слабеет, бывает, что может наступить и умственная слабость, как, например, в случае с нашим пациентом.

Севиля, Тахмаз, Ваджиба и Тамилла разом глянули на Октай, который все еще стоял на коленях, и залились дружным смехом. А тот, не подав и виду, встал с колен и запел:

Как увидел, я влюбился...

- Айдан, ну, прими же меры, пока этот несчастный действительно не помешался, - сказал Тахмаз, давась от смеха.

- Двух возлюбленных ты в сердце не вместишь,

Двоедушен, если ты обеим льстишь... - Знаешь, кто это написал? - Айдан посмотрела прямо в глаза Октаю и вышла из комнаты.

Спустя пару минут Октай зашел к Айдан. Увидев, что она одна в комнате, он, осмелев, подсел к ней лицом к лицу:

- Айдан, ты каждый раз обращаешь мои слова в шутку. А ведь у меня серьезные намерения.

- Правда? - она сделала вид, будто слышит об этом впервые. Не придав значения ее шутливому тону, он продолжил:

- Я потерял покой с того дня, как ты появилась в редакции.

- Скажи, где именно ты его потерял, постараюсь найти и вернуть.

- Перестань шутить, Айдан, я говорю серьезно.

- Ладно, если ты действительно такой уж серьезный человек, то почему никак не поймешь моего безразличия к тебе? Разве это так трудно? - разозлилась она, но, почувствовав, что резкостью задела его за живое, искренне добавила, - я люблю другого, Октай, не обижайся.

- Ты меня не разыгрываешь?

- Нет.

- Ну, что мне сказать? Будь счастлива, - сказал и быстро вышел из комнаты. Он пытался скрыть, как сильно расстроен.

- Всем на собрание, в актовый зал! - голосила Севиль в коридоре.

- Что там еще? - выглянула в дверь Айдан.

- Не знаю, но собирают только творческих работников.

Все уже были в сборе. Айдан села рядом с Эльманом и спросила у него обеспокоенно:

- Ничего не случилось?

- Вчера дежурили Самир с Гусейном, в газете прошла ошибка.

- Что за ошибка?

- Возьми, посмотри, - Эльман показал ей сообщение ТАСС на первой странице, где три строки слились так, что ничего невозможно было разобрать.

- Интересно, что им за это будет?

- Сейчас увидишь, - многозначительно ответил Эльман.

В комнату вошел Габиль муаллим с мрачным лицом. Поздоровавшись, он тут же перешел к делу:

- Мне звонили из Центрального Комитета, там тоже знают про ошибку. С утра мне звонили человек десять со своими "поздравлениями". Но дежурным нашим все это нипочем. Разве Самир работает у нас первый день и не знает правил? А что думает об этом Гусейн муаллим? Больше сорока лет он работает в редакции. Вместо того, чтобы он поучал нас, мы вынуждены говорить ему об ответственности. Если ты дежурный, то почему не просматриваешь внимательно все материалы? Если не можешь работать, напиши заявление и сиди у себя дома. Зачем нас-то подставлять? Если работа стала для тебя обременительной, уходи на пенсию. Я не буду тягивать вопрос и доведу до вашего сведения решение редколлегии. Гусейн муаллим уже в третий раз безответственно относится к обязанностям дежурного по выпуску газеты. Его прежние ошибки мы покрывали, в надежде, что он сделает нужные выводы, будет внимательнее впредь, но, видимо, безнаказанностью желаемых результатов не достичь. Поэтому мы решили освободить Гусейн муаллима от работы.

Лицо у Гусейн муаллима побледнело так, что слилось с цветом стен. Казалось, что он уже и не дышит.

Затем выступил Сабир, ответственный секретарь. Он тоже говорил об упущениях Гусейн муаллима, о частых нарушениях им установлений секретариата и добавил, что

поддерживает решение редактора. Присоединился к ним и Шаиг муаллим, заместитель редактора.

Айдан задала с места вопрос:

- Кто более ответственен за газету, рядовой дежурный или ответственный?

- Оба, - ответил Салим.

- А кто подписывает проверенные полосы?

- Ответственный дежурный.

- Тогда почему вы наказываете рядового дежурного, а не ответственного? - Айдан обратилась к редактору.

- Ответственного дежурного мы назначаем для контроля над рядовым дежурным. И вся ответственность ложится на рядового дежурного, - отрезал редактор, затем сердито посмотрел на Айдан и добавил, - мы собрали вас для того, чтобы ознакомить с решением редколлегии, а не для обсуждений.

В зале повисло тяжкое молчание. Никто не осмеливался что-то сказать.

Октай бросил подсказку с места:

- А как относится ко всему этому Самир?

Тот заерзал на месте, но отвечать не стал.

- Почему не отвечаешь, Самир? - раздался громкий голос Эльман муаллима.

Самир упорно молчал. В зале снова наступила тишина.

- Ладно, раз сказать больше нечего, можете расходиться, - вышел редактор, а следом за ним Шаик муаллим и Салим.

Когда зал опустел, Айдан подошла к Гусейн муаллиму. На нем лица не было. В глазах этого вечно молодого, несмотря на свои семьдесят с лишним лет, оптимистичного, любившего пошутить и посмеяться человека, теперь застыла одна печаль.

- Гусейн муаллим, возьмите себя в руки, - Айдан слегка коснулась его плеча.

- Доченька, Айдан, я хочу остаться один.

- Не уйду.

- Прошу тебя, оставь меня одного, - в глазах у него была мольба. Ничего не сказав, Айдан вышла из актового зала.

Эльман муаллим и Самир молча сидели на местах, занятые своими делами. Айдан тоже решила последовать их примеру, но состояние Гусейн муаллима никак не выходило у нее из головы. Она не знала, куда деться от злости, глядя на Самира, который сидел, как ни в чем не бывало. Наконец, она не выдержала и заговорила:

- Три года мы работаем вместе, но я так и не поняла, чего ты добиваешься.

- Что ты хочешь сказать?

- Почему ты подставил Гусейн муаллима? Ведь это не его ошибка, а твоя. Почему он должен нести наказание вместо тебя?

- За ошибку отвечает он, а мне надо было только подписать газету.

- Нет, ответственный дежурный за все в ответе, это даже детям известно. Просто твою вину взвалили на Гусейн муаллима. А почему, ты прекрасно знаешь сам. Ты, видишь ли, сын замминистра, а Гусейн муаллим, как он сам о себе говорит, человек, у которого так или сяк ли, силы иссякли. Что от него толку редактору?

Самир опустил голову и ничего не сказал. Заметив это, Айдан распалилась еще больше:

- Самир, ведь Гусейн муаллим пострадал из-за тебя, ты должен был признать свою вину. Ты отлично знаешь, что редактор в любом случае не стал бы тебя наказывать, ограничился бы только устным замечанием. Он искал повода освободить от работы Гусейн муаллима.

Самир опять ничего не ответил. Но, вскоре резко вскочив с места, вышел, хлопнув за собой дверь.

- Напрасно сказала, все равно не поймет, - решил разрядить напряженность Эльман муаллим.

- Вас тоже не понять. Вы даже не возразили, что Гусейн муаллим не виноват, что за ошибку ответственен Самир, - те-

перь Айдан выступила против заведующего отделом.

- С чего ты взяла, что я не возражал? До собрания заседала редколлегия. Как бы я ни заступался за Гусейна, толку не было. Вынесли на голосование. Я остался в меньшинстве.

- Выходит, редактор может сделать все, что ему вздумается? Ему дозволено выносить любые несправедливые решения? Какой же мы коллектив журналистов? А еще воспитываем общественность. Разве нам не скажут, грош цена вашей писанине, если не способны навести порядок в собственном коллективе, не в состоянии решить по справедливости внутренние вопросы?

В комнату вошел Азиз.

- Ну, как вам вероломство Габиль муаллима? - он хотел было вмешаться в разговор, но Айдан прервала его:

- Хватит, ради Бога, за спиной вы все говорите про справедливость, но никто из вас не решился встать на собрании, защитить пожилого человека.

- Можно подумать, твоя защита помогла?

- Во всяком случае, редактор понял, что есть и недовольные его решением, - обиделась она, но предпочла больше не спорить.

Айдан, обеспокоенная тем, что Гусейн муаллим так и не явился в комнату, пошла за ним, но не нашла его и в актовом зале. Она никак не могла забыть убитого вида этого бедняги.

Ему вообще была присуща покорность перед обстоятельствами, за что Айдан, бывало, не раз его упрекала. Между ними установились удивительные отношения. Несмотря на то, что Гусейн был намного старше нее, он, как правило, следовал ее советам в работе, только с ней и делился своими заботами. Она умела заглядывать в его сердце, умела почувствовать. После разговоров с ней старику всегда становилось легче на душе.

Это был человек нелегкой судьбы. С юных лет Гусейн познал все тревоженья и тяготы жизни. В год окончания шко-

лы, неожиданно, один за другим скончались отец и мать. Оставшись один с четырьмя младшими сестрами и братом, он был вынужден взвалить на свои плечи бремя семейных забот. Он дал образование детям, устроил их, поженил, только после этого поступил на исторический факультет в университете, учился заочно. Создал семью, когда ему стукнуло тридцать восемь. С женой Хейва жили душа в душу.

После того, как они вдвоем обустроили своих детей, жену разбил паралич. Вот уже десять лет, как она прикована к постели. Поэтому все заботы по дому были на нем. На помощь дочерей полагаться не приходилось, потому что они были замужем и жили в разных районах. А сестры и брат, для которых он в свое время не пожалел лучших лет жизни, изредка навещали его. Айдан знала про все это. Он не раз рассказывал ей о своей жизни. Знала Айдан и то, что Гусейн муаллим считал, будто бы только на работе горит зеленый свет на его жизненном пути. Ничего он не боялся так, как выхода на пенсию. Да, она все это знала. Так почему же не выразила протест в более резкой форме против решения редактора, не выступила на собрании против освобождения Гусейн муаллима от работы? Размышляя обо всем этом, она не знала, куда деться от стыда.

Ни завтра, ни в последующий день Гусейн муаллим не вышел на работу. Позвонить по телефону было как-то неуместно. Поэтому, после работы она направилась к нему домой.

Пройдя по неухоженным улицам поселка имени Мусабеева она очутилась в квартале самостроек. В конце узкого тупика находилось маленькое перекошенное строение. Это был дом Гусейн муаллима. Внутри в лицо ей ударил резкий запах лекарств. Сердце ее сжалось при виде больных, лежащих рядышком на старых железных кроватях. Она включила свет и поздоровалась с Хейва хала и Гусейн муаллимом.

Оба были взволнованы ее приходом. Гусейн муаллим достал из-под подушки скомканный носовой платок и утер глаза.

Айдан огляделась вокруг. В углу на столе стоял старенький телевизор, а на полу был разостлан выцветший палас.

В большом желтом шифоньере, дверцы которого были открыты, виднелись две вешалки. На одной висел коричневый костюм, в котором все эти годы Айдан привыкла видеть Гусейн муаллима. На другой платье - Хейва хала. Кто знает, когда она его в последний раз надевала.

- Как вы, Гусейн муаллим? - Айдан не смогла проглотить подступивший к горлу комок. Она не выдержала и заплакала.

- Не надо так... Наше, стариков, дело - болеть. Пора привыкать к таким вещам, - ответил он виновато.

- Что с вами вдруг стало? - она не могла без боли смотреть на этого старика, который так сильно исхудал за несколько дней. У него выступили скулы на лице, запали глаза.

- Левая нога у меня будто отнялась. Я в тот день еле доплелся до дома. Вот уже третий день встать не могу.

- А как вы себя чувствуете, Хейва хала? - она погладила худющую руку старушки.

- Как видишь, доченька. За что только Бог меня наказывает? Лучше бы дал мне умереть, избавил от мук и меня, и бедного Гусейна.

Айдан было трудно совладать с навалившейся на нее тяжестью. Ее глубоко взволновали ужасающий вид больных, тяжелая атмосфера неприкрытой бедности в доме. Ей никогда и в голову не могло прийти, что при всем кажущемся благополучии, царившем вокруг, доведется столкнуться с такой вопиющей бедностью в доме у журналиста с сорокалетним стажем.

- Когда вы ели в последний раз? - спросила как бы в шутку Айдан.

- Вчера, - ответил серьезно Гусейн муаллим. Он сказал это так доверительно, что Хейва хала посмотрела на него с удивлением. Обычно Гусейн муаллим ни с кем никогда не откровенничал.

Айдан прошла в кухню и заглянула в холодильник. Кроме яиц там не было ничего. Была пуста и хлебница с заплесневелыми крохами, неизвестно, сколько там пролежавшими.

Она захватила сумку, вышла из дому и отправилась на базар, где приобрела всякой всячины, купила в магазине свежего хлеба. Придя домой, вымыла овощи, зелень, поджарила помидоры, залила яйцами, достала сыр, нарезала хлеба. Все это она аккуратно выложила на маленький круглый столик и пододвинула к Хейва хала. Принесла стулья.

- Зачем ты себя утруждаешь, - изумлялся Гусейн муаллим.

- Ешьте, приятного аппетита! - сказала Айдан. Старики приступили к еде. Настроение у них улучшилось, лица посветлели. Айдан заварила чай, разлила по стаканам. Затем она стала наводить в доме порядок.

Грязную одежду незаметно сложила в сумку. Было девять часов, когда она, попрощавшись, ушла.

Дома у себя она выстирала грязную одежду стариков, развесила на веревке на веранде. Сил больше ни на что не оставалось.

Утром на работе Айдан поделилась увиденным с Самиром. Рассказала ему про состояние Гусейн муаллима, что он заболел и слег.

- Самир, напиши заявление редактору, признай свою ошибку, пусть он изменит решение.

Но уговорить Самира ей не удалось. Она решила на последний шаг. Зашла к редактору:

- Здравствуйте, Габиль муаллим.

Редактор обрадовался ее приходу и пригласил сесть:

- Здравствуй, Айдан, рад тебя видеть. Как себя чувствуешь?

- Спасибо.

- Наверное, принесла статью.

- Нет, я по другому поводу.

- Слушаю.

- Вчера я навещала Гусейн муаллима. После того

собрания у него отнялась левая нога. Он слег. На одной кровати лежит он, а на другой - жена. Им даже стакан чая подать некому. - Айдан стала подробно рассказывать о том, что увидела вчера.

- Что этот человек нашел в работе? Пусть сидит себе дома, ухаживает за больной... - От этих слов редактора Айдан встрепенулась, у нее аж мурашки пробежали по телу.

"Почему я обратилась к этому человеку с каменным сердцем?" - стала она казнить себя. Но, отступить было уже поздно и она, продолжила.

- Работа для Гусейн муаллима, как лекарство для больного. Если он выйдет на пенсию и останется дома, то и двух месяцев не протянет, - сказала с болью Айдан.

- А тебе зачем это? Ступай, опусти голову и пиши свои статьи. Ты еще молодая, у тебя еще все впереди! Заладила, видишь ли, Гусейн так, Гусейн сяк. - Габиль муаллим выговорил эти слова, улыбаясь, но они стрелой вонзились в сердце Айдан. Она, поникшая, попрощалась с редактором.

Выйдя из кабинета, Айдан обошла одну за другой все комнаты с сообщением, пропустив только Самира:

- Товарищи, прошу вас на пять минут зайти к нам в отдел, состоится собрание.

Вскоре комната была переполнена. Пришли даже два фотографа, корректоры и машинистки. Айдан перешла к делу:

- Прошу извинить меня за то, что я отняла ваше драгоценное время и собрала всех сюда. Вопрос очень важный. Знаю, для многих это будет неожиданной новостью. Вот уже десять лет жена Гусейн муаллима прикована к постели. Дочери живут далеко, от них старикам пользы никакой. Нет у них и другой близкой родни, чтобы помочь. Единственное место, с которым связывал свои надежды Гусейн муаллим, это редакция. Этот человек, сорок лет прослуживший газете, отдал ей все силы и здоровье. А теперь его хотят уволить с работы. Было бы несправедливым закрыть перед человеком, не знающим каких-либо иных радостей в жизни, двери пос-

ледней надежды. Хочу, чтобы вы поверили в мою искренность, мне никак не забыть увиденного вчера дома у Гусейн муаллима. Вообразите себе, каково приходится человеку со ста двадцатью манатами зарплаты. Пока я не побывала у него дома, мне трудно было представить, что среди нас могут быть настолько бедные и беспомощные люди. Оттого, что он умел выглядеть оптимистичным, никто из нас и не догадывался о тяжелых условиях его жизни. Вы только подумайте, что половина заработка у него уходит на лекарства. Чего уж там, не стану надоедать вам своим многословием, но, давайте все вместе повлияем на редактора, чтобы он изменил свое решение. Нельзя допустить, чтобы лишили уважения одного из членов нашего коллектива в его почтенном возрасте. Ведь так может случиться с каждым из нас.

Слова Айдан подействовали на всех. Начались прения. Слово взял Тахмаз:

- Какие же мы бессердечные, жестокие люди. Рядом с нами решается судьба человека, а нам хоть бы хны. Много всего пришлось перенести Гусейн муаллиму, сиротой он вырастил брата и сестер. А они, после того, как обзавелись уютом семейной жизни, зарабатывают себе на хлеб насущный благодаря именно его стараниям, теперь о нем вспоминают лишь по праздникам.

- Нам должно быть стыдно, что мы ни разу не поинтересовались бытом нашего товарища, - заговорил Азиз.

- Конкретней, что нам делать? - поставил вопрос ребром Октай.

- Если разрешите, у меня есть предложение, - осмелела Айдан.

- Давай, выкладывай, - заголосили с мест.

- Во всех редакциях, кроме нашей, существует совет коллектива. Будем считать, что он у нас тоже есть. Давайте подготовим и коллективно подпишем официальное письмо от имени совета, чтобы ввести его в законную силу, и представим редактору.

- Тогда ты и будь председателем совета, подготовь и отнеси письмо, - мысль Азиза поддержали все. На месте же, сообща, составили текст и дали Севиль, чтобы она напечатала.

- Все это хорошо, товарищи, но у меня к вам просьба. Каждый из вас, по дружбе, хотя бы раз навестите Гусейн муаллима. Поддержите его, отвлеките, - сказала Айдан и почувствовала, что ей стало легче, будто тяжелый груз упал с плеч.

Вскоре она зашла с письмом в кабинет редактора.

- Что за дела? Собрание проводишь... - он встретил ее недружелюбно. Оставив его слова без ответа, Айдан положила перед ним письмо:

- Я должна передать вам решение коллектива.

Редактор внимательно прочитал письмо. По его насупленным бровям, по проступившей морщине на лбу было заметно, что он не в восторге от прочитанного.

- А что будет, если я не придам значения этому письму? - редактор уставился на нее испытующим взглядом.

- Для начала, будет принято к сведению, что вы злоупотребляете своим служебным положением.

От неожиданно озвученного обвинения в свой адрес у него нахмурился взгляд, исказилось лицо. Но, он сделал усилие над собой, пытаясь не выдать эмоций:

- А дальше?

- Дальше коллектив может подать на вас в суд.

- Это твое мнение или коллектива?

- Пока только мое, но уверена, что коллектив поддержит меня.

- Я вижу, ты очень довольна собой. Кто научил тебя так распускать язык? Разве я для этого принимал тебя на работу?

- Габиль муаллим, если бы вы отказали мне, как того и желали, я устроилась бы в другую газету, рабочих мест хватает.

- Ладно, не разглагольствуй, иди, делом займись.
 - Что же мне сказать моим коллегам?
 - Скажи, что Габиль муаллим не так черств, как они думают. Я принял такое решение, чтобы Гусейна призвать к ответственности.
 - В следующий раз напомните ему об этом так, чтобы его не хватил инфаркт, - отпарировала Айдан и вышла из кабинета.
- Коллеги ждали Айдан с нетерпением.
- Победа! - объявила она.
 - Ура! - вырвалось у Октяя.
 - Ура! - все в комнате присоединились к его возгласу.
 - Айдан, да поможет тебе Бог, мы сегодня впервые ощутили, что у нас есть коллектив, - сказал Азиз.

Гусейн муаллим выздоровел через месяц. Все это время товарищи по работе по очереди навещали его. Айдан же, можно сказать, бывала у него каждый день.

Однажды она заметила, что Гусейн муаллим чем-то озабочен.

- Что-то случилось? - обеспокоилась Айдан.
- Ничего.
- Ну пожалуйста, скажите, что стряслось?
- Вот уже неделю все думаю о младшем брате Акифе. Когда мы потеряли родителей, ему было только четыре года. Я вырастил его на своих руках. Он был таким слабеньким... неделями болел. Часто я отпрашивался с работы, чтобы вылечить его. Так привязался к нему, будто это мой сын, а не брат. Я сходил с ума, когда думал о том, что когда-нибудь он женится, и будет жить отдельно от меня. Когда он уже подрос и, бывало, задержится где-то, я и есть не мог, не дождав-шись его. Он и сам был впечатлительным... А вот после жень-тибы его словно подменили. Вот уже три месяца не заходит к нам. Не звонит, не справляется.

- А чем он занимается?
- Он художник. Вчера показывали его выставку.
- Это его выставка проходит в Художественной галерее?
Значит, хваленый художник Акиф Самедов ваш брат?

- Так оно и есть.
- А где он живет?
- В девятиэтажке над галереей.

После работы Айдан и не заметила, как доехала в центр города. Опомнилась, уже во дворе здания над галереей. Она обошла все подъезды, но нигде не было указателя фамилий жильцов.

- Извините, вы не подскажете, в каком из подъездов проживает художник Акиф Самедов? - спросила она у пожилой женщины, сидевшей на скамейке во дворе.

- Вот в этом подъезде, поднимитесь на третий этаж, средняя дверь.

Айдан вмиг одолела ступени наверх, не дожидаясь лифта. На звонок дверь сразу же отворилась. На нее смотрел симпатичный, высокого роста мужчина средних лет:

- Вам кого? - смерил он ее взглядом.
- Вас.
- Меня?

- Да, я журналистка, хочу ознакомиться с творчеством художника Акифа Самедова. Вот мое удостоверение, - она протянула ему книжку с надписью "Пресса", но тот даже не взглянул на документ и пригласил ее зайти.

Айдан будто попала в музей. Комнаты были обставлены дорогой мебелью, по стенам были развешаны ковры, ослепительно сверкали люстры, декоративный хрусталь, - все это разительно диссонировало с бедным убранством в домике у Гусейн муаллима.

Акиф пригласил Айдан в мастерскую. Она стала осматривать картины на стенах, но ничего перед собой не замечала.

- У вас необыкновенное лицо, особенно глаза. Осанка тоже красивая. Если разрешите, я напишу ваш портрет, са-

дитесь вот в это кресло, - сказал художник.

- Обнаженной, или полубнаженной? - она напустила на себя игривость мещанки.

- Вы и в платье хорошо смотрите.

- Я хочу предложить вам более интересную тему. Как насчет одинокого старика, ухаживающего за своей безнадежно больной женой. По-моему, вам хорошо удастся портрет несчастного, который остался ни с чем, отдав все состояние во благо благополучия сестер и брата. Ну, как, нравится тема? - Айдан заглянула ему в глаза, - не обижайтесь, я порой поражаюсь, почему людям с каменным сердцем достается все, а сердобольные остаются ни с чем?

- Что-то стряслось с моим братом? - кровь хлынула в лицо Акифу. Он был не на шутку встревожен.

- Вы у меня спрашиваете? Целых три месяца вы не заглядывали к нему. Даже не подумали о том, что с ним может случиться беда.

Айдан из зала прошла в прихожую, обернулась и с ненавистью посмотрела на роскошное убранство:

- Я знаю, что не имею права на это, но все равно скажу вам. Не могу поверить, что вы братья. Не должно быть такого ужасающего различия между двумя братьями. Когда будете ступать по коврам в вашем роскошном доме, подумайте о том, что в доме у человека, посвятившего вам свою жизнь, ничего кроме старого паласа нет. Такой человек как вы не может быть настоящим художником. Все, что вы написали, не стоит и ломаного гроша.

Она выпалила все это на одном дыханье, повернулась и сбежала вниз по ступеням.

По щекам у нее текли слезы. Айдан плакала беззвучно, как беззащитное дитя.

* * *

- Поглядите, Гусейн муаллим идет! - радостно воскликнула Севиль. Потягивая ногу, старик вошел в комнату. Айдан бро-

силась ему на шею. Тепло поздоровался с ним и Эльман муаллим. Тут же явились Тахмаз, Октай, Азиз, Тамилла и Ваджиба.

- Нога еще беспокоит? - озабоченно спросил Азиз.

- Да, кажется, это уже на всю жизнь, - вздохнул Гусейн муаллим.

- Мы очень соскучились, Гусейн муаллим, нам так вас не хватало. Дай Бог, чтобы вы больше не болели, - заговорила Севиль.

Дверь все открывалась и закрывалась. Сотрудники, окружив Гусейн муаллима, расспрашивали о его самочувствии. Вскоре подошел и редактор. Он протянул Гусейну руку и поздоровался, как ни в чем не бывало:

- Как себя чувствуешь?

- Спасибо, хорошо.

- А как сестра Хейва?

- Неплохо.

- Эльман, поручи два-три материала Гусейну, пусть хоть какой-никакой гонорар заработает, - проявил неожиданную заботливость редактор.

- Бог да будет вами доволен, я очень благодарен вам. - Ответил Гусейн муаллим. Редактор так и не понял, от души это было сказано или в насмешку.

Наконец, все разошлись. Эльман уехал на объект, Самир был в отпуске. Гусейн муаллим посмотрел на Айдан испытующим взглядом:

- Акиф приходил.

Она придумалась, что не придает особого значения его словам:

- Правда?

- Ты ему очень понравилась. Сказал, что ты смелая девушка.

- Да, мы познакомились в Художественной галерее. У него интересные работы, - сказала Айдан с безразличием.

- Знаю, он мне рассказал, - Гусейн муаллим сделал паузу

и после добавил, - во всяком случае, он стал очень внимательным. Чуть ли не каждый день заходит ко мне.

- Я очень рада, поздравляю.

- Айдан, доченька, Акиф неплохой парень, это жена его так изменила. Прежде он был очень внимательным и заботливым. После женитьбы он вдруг охладел к нам. У его жены Алимы тяжелый характер, мы ей не нравимся из-за нашей бедности.

- Гусейн муаллим, не понимаю, кто в доме хозяин - муж или жена? Что он за мужчина, если не может заставить жену почитать вас? Вы ведь были ему как отец. Извините, но любая женщина беспрекословно подчиняется слову умного, умелого мужчины. Я считаю, что тут вина вашего брата.

- Ну, что мне сказать...

6.

Когда вечером Айдан вышла с работы, небо в мгновение потемнело. Вдруг дождь полил как из ведра. В придачу подул еще и ветер. На обочинах улиц, у тротуаров скопились опавшие с деревьев листья, и ветер порывами швырял их на стены зданий и в лица прохожим. Шумные улицы вмиг опустели.

Айдан, промокшая до нитки, никуда не торопилась, а до автобусной остановки было не так уж близко. Она замедлила шаг. Дождь разом поднял ей настроение. Ей вспомнилось, как в детстве она бегала под дождем, босиком, шлепая по лужам. Мать ей как-то сказала, что от дождевой воды волосы быстрее растут. С того дня при каждой возможности она подставляла волосы дождю: пусть растут. Вот и сейчас с удовольствием шлепала по лужам, хотя и было жалко туфель. Осенью у нее пробуждалась удивительная охота к работе. Лучше всего ей работалось именно в это время года. Сейчас, под шум дождя, она стала обдумывать начало нового материала: "Дороги, как геометрические линии, параллельные, перпендикулярные, кривые, прямые... Как похожа на эти дороги жизнь человека. При первом знакомстве его жизнен-

ный путь кажется гладким, четким и прямым. Думаешь, что он живет, как все. Как и всех, его греет солнце, поливает дождь. Но, заговоришь с ним, пообщаешься немного и поражаешься, что за странная судьба. Коришь себя, что не сразу раскрыл для себя этого человека. Почему так поздно узнал про его взлеты и падения? И только по воле случая ты узнаешь его ближе".

- Красавица, ты же промокла, садись в машину, - возле нее остановился белый "Жигули". Бесовски смотрел на нее и ждал ответа черноглазый, чернобровый юнец. Она промолчала.

- Пожалей себя, ты же можешь простыть, иди, садись в машину, - медленно, под ее шаги, он вел автомобиль.

- Когда другим выпадает на долю арбуз, мне достается только чеснок, - разозлилась Айдан.

Юноша громко рассмеялся. Затем остановил машину прямо перед ней:

- Будь у меня такая возлюбленная, не знал бы печали.

- Послушай, счастливцев, разбрасывающий камни, для этого есть свое время, как и для того, чтобы собирать их, - проговорила Айдан.

- Как знаешь. Еще припомнишь мои слова, когда насквозь промокнешь и заболеешь, - сказал он смеясь, и уехал.

"Вот бы сейчас Мурад подъехал на машине", - пронеслось у нее в голове. Ей вспомнилось, как они с Мурадом попали в сель. У нее возникло безумное желание тут же увидеть его.

Вдруг кто-то взял ее под руку. Она обернулась, и у нее затрепетало сердце: это был Мурад.

- Ты? Мурад, это ты? - она не смогла скрыть своей радости. Он, как прежде, молча, коснулся губами ее левой руки и крепко сжал в своих ладонях. Это было так неожиданно, что губы Айдан разбежались в счастливой улыбке.

- Я уже полчаса хожу за тобой.

- Правда? А почему не подошел?

- Мне было интересно наблюдать издали, - рассмеялся Мурад.

- Наверное, со стороны я произвожу впечатление ветреной, да?

- Просто сразу можно понять, что ты необыкновенный человек, не похожий на других.

- Как это?

- Хотя бы потому, что разгуливаешь под дождем. Все торопятся домой, а ты вышла на прогулку.

- Ты видел, как передо мной остановил машину этот юнец?

- Да.

- Тогда, почему ты не врезал ему? - в шутку поддела его Айдан.

- Будь я на его месте, тоже бы остановил машину.

Они пытались поймать такси, но все машины пронеслись мимо них.

- Еще немного, и мы оба продрогнем. Отойди-ка в сторонку, смотри и учись, как надо останавливать машину. Потом сядешь рядом, - сказала Айдан, отходя от него.

Как только она подняла руку, остановилась одна из проезжавших машин. Когда она села, тут же подбежал Мурад и устроился рядом. Увидев недовольное выражение на лице молодого водителя в зеркальце, Айдан еле подавила смех и сжала Мураду руку.

- Куда едем? - хмуро спросил таксист. Она назвала свой адрес.

Когда доехали, Айдан достала ключ из сумки и отворила дверь. Они вошли, разулись. Мурад вдохнул полной грудью. Айдан удивилась:

- Что случилось?

- У твоей квартиры удивительный аромат. Второй раз я это ощущаю.

- А запах жареной картошки ты ощущаешь? - улыбнулась Айдан.

- Ты задела меня за живое, - шутливо вздохнул Мурад.

- Не хочешь высушиться?

- Нет, не хочу, моя одежда сухая.

- Вижу, - она выжала рукав его сорочки и на пол закала вода, - пройди в ванную, там висит халат, переоденься.

Вскоре она и сама переделась, обвязала волосы полотенцем, надела шерстяные носки.

- Тебе не холодно? - она посмотрела на Мурада. Вместо ответа он прижал ее к себе и стал осыпать поцелуями лицо и шею. Затем прижался губами к ее губам. Это произошло так неожиданно и мгновенно, что ей не удалось воспротивиться. Все существо Айдан пронизало незнакомое чувство, не испытанное до сих пор, которое отозвалось у нее на сердце каким-то сладким желанием. Она, опьяненная, сомкнула глаза, покоряясь воле Мурада. Руки и ноги у нее стали ватными. Айдан, чувствуя себя словно в невесомости, не могла оторваться от его губ. Ее лицо озарило светом счастья, от впервые вкушаемой сладости подлинной взаимной любви. Мурад, наконец, оторвался от нее и, видя, что та растеряна и не знает, как быть, взял ее в объятия и уложил на диван. Айдан головой прижалась к его груди, спрятав лицо. Она стеснялась встретиться с ним взглядом. Мурад уже осыпал поцелуями ее грудь. Она не сопротивлялась, не было сил, чувствовала приятное дыханье Мурада, слышала биение его сердца.

Привычное спокойствие Мурада сменило странное волнение. У него обмякло лицо, изменилось выражение глаз.

- Мурад, любимый, возьми себя в руки, - тихо шепнула Айдан ему в ухо.

Он, кажется, пришел в себя, и присел на диване, отодвинувшись от нее.

Молча, они посидели какое-то время. Айдан все еще чувствовала, как губы Мурада жгли ее угольным жаром. Она еще не опомнилась от его поцелуев.

- Обиделась?

- Что ты, мой хороший, обидеться на тебя?

Мурад привлек ее к себе и поцеловал в глаза:

- Мне и в голову не могло прийти, что мы станем столь близки. Ты своей красотой и умом сумеешь покорить, кого

захочешь. Кто я для тебя? Обычный провинциальный врач.

- Молчи, - Айдан прижала пальцы к его губам. Затем положила голову ему на колени и тихо сказала:

- Быть бы мне твоей рабыней, а после умереть.

- Что? Что ты говоришь? - не поверил Мурад своим ушам, - ты меня любишь? Вправду ли любишь? Я не ослышался? - повторял он робко. Она ничего не ответила.

Ей нравилось быть рядом с Мурадом, слышать его голос, чувствовать его дыхание.

- До встречи с тобой я и не представляла, что можно влюбиться в кого-то с первого взгляда.

- Спасибо, что не утаиваешь от меня своих чувств.

- У меня такое ощущение, будто мы знакомы уже давно. Сейчас мы находимся вдвоем у меня дома. Кто знает, что могут подумать обо мне соседи. Но у меня свое мнение: люблю, и все тут. Почему-то я тебе очень доверяю. Знаю, что ты никогда не позволишь себе лишнего, - последние слова она произнесла шепотом.

Мурад склонился лицом к ее лицу:

- Я никогда не злоупотреблю твоим доверием, знай это.

- Не воспользуешься моей слабостью, правда?

- Правда, любимая.

* * *

Мурад уехал также неожиданно, как и приехал. С собой он унес ее радость и бодрость. Как на горную вершину вдруг опускается туман, так и в ее сердце запала тоска. Она все старалась рассеять грустный туман одиночества, но не могла.

Ни завтра, ни в последующие дни опомниться ей не удалось. В душе у нее звучали полные неизбывной печали и горечи слова известного бейта Низами Гянджеви:

*Возлюбленный явился в ночь и в ночь ушел,
Так век мой, бега дней не превозмочь, ушел.*

Как гром среди ясного неба, своими внезапными приезда-

ми Мурад словно переворачивал вверх дном ее, казалось бы, размеренную, спокойную жизнь. Она при этом изменилась, будто стала другим человеком. Она чувствовала себя, как лодка без весел, заплывавшая в безбрежном океане и выброшенная на берег.

- Кто он? - как-то спросил у нее Гусейн муаллим, когда они были в комнате одни.

- Вы о ком?

- О том, кого ты полюбила.

- Откуда вы знаете, что я кого-то полюбила?

- Я бы может и не догадался, но мне сказала Хейва.

- Откуда же она про это может знать? - удивилась Айдан.

- Хейва говорит, что девушку, которая любит, и любима, можно узнать издалека.

- Как?

- По глазам.

- Что вы говорите? - застеснялась Айдан.

В комнату вошел Тахмаз, и они прервали разговор. Но, Айдан еще долго не могла забыть слова Гусейн муаллима. Рядом с коллегами она старалась казаться беспечной и беззаботной, все шутила, смеялась, чтобы скрыть свое душевное состояние. Но она осозновала, что Мурад оставил ей больше грусти, чем радости.

Спустя три дня она позвонила в район Мураду, на работу. Пожилая женщина ей ответила спокойно:

- Мурад еще не вернулся из Баку. - Она ушам своим не поверила. Положила трубку и схватилась за голову. Весть была столь неожиданной для нее, что Айдан никак не могла взять себя в руки. Не могло быть такого, чтобы Мурад находился в Баку и не справлялся о ней. Значит, есть какое-то важное дело, если он не может встретиться с нею. Но, что это за важное дело? Что ему мешает выкроить немного времени, чтобы зайти к ней?

Через два дня она позвонила опять. На этот раз трубку снял Мурад. Услышав его голос, Айдан повесила трубку, ни-

чего не сказав. Она не знала, что делать, непонятная тяжесть давила на сердце. Никогда еще она не чувствовала себя такой слабой и беззащитной.

Прошло две недели. Как-то вечером, выйдя с работы, вместо того, чтобы поехать к себе домой, она направилась в противоположную сторону. В последнее время ей бывало невыносимо одиноко дома. Медленными шагами она прогуливалась по парку перед зданием Академии наук.

Силуэт мужчины, который шел впереди и что-то объяснял женщине, семенившей с ним рядом, показался ей знакомым. Он вдруг обернулся... Это был Мурад.

Айдан остановилась, как вкопанная. Она растерялась и не знала, как быть. К счастью, Мурад ее не заметил. Айдан спряталась за деревьями у края тротуара и стала наблюдать за парой. Женщине, миловидной и стройной, было на вид 35-37 лет.

Они с Мурадом вышли из парка и направились к троллейбусной остановке.

Чтобы не вызывать подозрений, Айдан, пройдя незаметно вперед, спряталась теперь за газетным киоском. Пара села на "восьмой" троллейбус. Айдан успела прошмыгнуть следом, протиснувшись через задние двери. На площади "Азнефть" Мурад и женщина сошли с троллейбуса и продолжили путь пешком. Немного пройдя, они зашли во двор трехэтажного дома.

Только после этого Айдан с ноющим сердцем ушла оттуда. Случилось то, о чем она и подумать не могла, что ей и в голову не могло прийти.

Наутро, придя на работу, она зашла к редактору и передала ему заявление с просьбой предоставить ей отпуск.

- Может ты повременишь с этим, в Алма-Ате должен пройти семинар молодых журналистов, я хочу направить тебя туда, - предложил ей Габиль муаллим.

- Как сочтете нужным, - ответила она неохотно, но предложение пришлось ей по душе и, потому спросила, - когда

начинается семинар?

- Послезавтра. Вылет завтра, в девять вечера. Позвони в Союз журналистов, получишь более подробную информацию. А в отпуск уйдешь по возвращении из командировки.

* * *

Вернувшись из Алма-Аты, Айдан взяла отпуск и уехала в район. В ее жизни никогда еще не было таких тяжелых, изматывающих дней. Она впервые грустила в родительском доме, где выросла, провела самую веселую пору жизни, среди своих родных. Асият не знала, что и делать, видя поникшее лицо, грусть в глазах дочери.

- Ешь, Айдан, знаю, в городе у тебя не бывает времени, чтобы как следует поесть. Глянь, как ты исхудала. Ешь, как следует, хотя бы во время отпуска, - увещевала ее мать.

Айдан с детства не любила заниматься домашней работой, наведением порядка. Ей нравилось возиться во дворе, в саду. Ребенком она взвалила на себя все хлопоты по уходу за приусадебным участком. Разыскивала всевозможные саженцы цветов, аккуратно высаживала их в землю, ухаживала за ними, как за детьми.

- Мама, кто-нибудь очищал у нас двор от камней? - спросила она на второй день отпуска.

- Нет, родная, кто, кроме тебя, это сделает?

- Ладно, кажется, для меня нашлась работа, - сказала радостно Айдан и спустилась во двор.

Почва их сада, как и приусадебные участки других соседей, была каменистой. Поэтому обычно по несколько дней весной и осенью дети тем и занимались, что собирали камни. Отец даже установил дневную норму.

- Каждому из вас нужно собрать по четыре ведра камней, - говорил он.

- А премия? - голосили дети.

- Когда закончите работу, дам по двадцать копеек каждо-

му, - подбадривал их отец.

Для них двадцать копеек что-то да значили. На них можно было сходить в выходные в клуб на дневной сеанс двухсерийного индийского фильма. Все трое ребятшек с усердием принимались за работу. Айдан справлялась, как правило, раньше других и отчитывалась перед отцом:

- Если дашь еще двадцать копеек, соберу лишних четыре ведра.

Отец, соглашаясь, улыбался. Он был к Айдан особенно благосклонен. Вместо ожидаемых двадцати копеек девочка порой получала даже манат. Она расходовала эти деньги на детские радости. В кино ходила, набив карман семечками. Управившись с припасенными вафельными трубочками с шоколадным кремом, тут же принималась за семечки.

Теперь, окинув взглядом черную землю, будто усыпанную камнями, она удивилась: "Откуда только эти камни берутся?" За все истекшие годы с их двора было вывезено самое малое десять-двадцать машин с камнями, груженными доверху. А осталось как будто столько же. В душе она впервые радовалась своему отпуску. Ее ждала работа, в которой можно забыть, которая займет немало времени. Уйдя в свои мысли, Айдан и не заметила, что отец наблюдает за ней со стороны. Обернувшись, она вдруг увидела его и сказала шутя:

- Папа, приготовь двадцать копеек, я соберу четыре ведра камней.

Отец обнял и поцеловал ее:

- Больше не соглашусь, чтобы ты собирала камни. Не допущу, чтобы пальцы моей дочери-журналистки огрубели.

- Что ты говоришь? - возразила Айдан, - ты хочешь лишить меня моего любимого занятия?

- Ладно, ладно, - отец направился в дом. Оставшись одна, она опорожнила полное ведро на горку камней у ворот и вернулась во двор.

Из-за кустов ежевики, разросшихся в соседнем дворе, до-

носился смех. Глянув туда, она увидела Руслана, соседского парня, наблюдавшего за ней.

- Здравствуй, соседка, - поздоровался он улыбаясь.

- Приятно тебя снова увидеть, сосед, - ответила ему в такт Айдан.

- Тебя не узнать, ты стала красавицей.

- Любая похорошеет, избежав твоего плена. Ты же мне в детстве покоя не давал.

Руслан, ухватившись за ветку яблони, перепрыгнул к ней через ограду. Он поздоровался с ней за руку. Тут Айдан разобрал смех:

- Как же изменился мир, что сам Руслан пожимает мне руку.

- Я тебе еще и камни собрать помогу, - он нагнулся и начал наполнять ведро, - а помнишь, как ты бросала камни к нам во двор?

- А помнишь ли ты, как я полчаса тебя умоляла, но ты так и не помог мне вынести на улицу тяжелое ведро? - улыбнулась Айдан.

- Как поживаешь, Айдан? Я слышал, ты стала журналистом.

- Спасибо, работа меня вполне устраивает. А ты живешь в Москве?

- Да.

Вдоволь наговорившись, Руслан перепрыгнул за ограду к себе во двор. Айдан же продолжила работать, начала складывать поленья, разбросанные как попало в углу двора.

В ее памяти ожил один эпизод из детства. В то время ей было лет десять, а может, двенадцать. Как-то из дома пропали двадцать пять манатов. Мать у нее спросила:

- Айдан, ты их не брала?

- Клянусь, нет, - ответила она. Но, мать ей, кажется, не поверила. Айдан это поняла по недоверчивому выражению ее лица. Вечером она случайно услышала, как мать говорит отцу:

- Абдулла, мне кажется, что деньги все-таки взяла Айдан.

Ее потрясло ничем необоснованное обвинение. Ночью, когда все уже спали, она написала записку, указав на свою невиновность. Затем в тонкой ночной рубашке спустилась во двор и стала босиком ходить по снегу. Ей хотелось замерзнуть и умереть. Она представляла себе трагическую картину: мать, прочитав ее записку, встревоженно спускается во двор, и тут обнаруживает замерзшую в снегу дочь, и начинает плакать навзрыд. Отец выходит на плач матери и прикрикивает на нее:

- Если бы не твоя напраслина на ребенка, такого бы не случилось.

Соседи, родственники собираются на траур. Руслан с черешневого дерева в их дворе смотрит на гробик посередине веранды и плачет тайком. Признаться, ее больше интересовало, как будет горевать Руслан, а не домочадцы. Руслан после ее смерти поймет, что любит Айдан...

Что было дальше, она не помнила. Только проснувшись утром, очень удивилась:

- Я еще не умерла?

- Ты разве хотела умереть? - спросила мать.

- Кто меня сюда притащил? - растерялась Айдан.

- Я. По рассеянности ты вышла на снег босиком, - мать смерила ее строгим взглядом.

Айдан не могла понять, действительно ли мать приняла все за рассеянность или делает вид, что ничего не понимает. Она тогда пролежала всего несколько часов в своей постели. У нее даже температура не поднялась. Мать ни словом не обмолвилась о ее записке, а сама она постеснялась про нее спросить. Вот так и свелась на нет ее попытка к самоубийству.

В детстве ей очень нравился Руслан. Она как-то рассказала об этом подружке Натиге, которая жила по соседству, а та возьми и передай это Руслану. С того дня он стал донимать ее еще больше. Подставлял перед калиткой бревна ей под ноги. Хохотал, когда она, споткнувшись, падала. Незаметно рисовал смешные рожицы у нее на платье. А когда поспевала черешня на дереве перед их воротами, он с ночи собирал все

плоды, чтобы им не досталось.

Однажды ночью отец Айдан вышел на шум и, поймав спрыгнувшего с их дерева соседского мальчугана, хорошенько надрал ему уши. Опять-таки обиду за это Руслан выместил на Айдан. Как-то они вместе с мальчишками и девочками из соседних дворов отправились в лес за хворостом. После сбора сухих веток, оставив свои вязанки, вся детвора лакомялась ежевикой с колючих кустов. Только к вечеру они вспомнили о вязанках.

Хворост, собранный Айдан, куда-то исчез. Она догадалась, что это дело рук Руслана - его некоторое время не было среди ребят. Еще во время сбора хвороста, она видела, как он заигрывает с девочками, развлекая их смешными анекдотами, что выводило ее из себя. Когда же дойдя до дома, она увидела свою вязанку на спине у Руслана, то рванула за ним. Но тот ускорил шаги, зашел к себе во двор и задвинул щеколду калитки изнутри. Айдан, которая всегда приходила домой с вязанкой хвороста больше, чем она сама, в этот раз вернулась ни с чем.

В школе они вместе посещали кружок танцев. Руслан, учившийся на два класса старше нее, не давал ей покоя и здесь. Однажды им поручили на пару станцевать "Лезгинку" в честь праздника 8 марта. Когда на сцене Руслан шутя схватил ее за волосы, одна из накладных кос оторвалась и осталась в его руке. Мальчик растерялся, не ожидая такого последствия. Айдан, разозлившись, тут же подставила ему подножку, и он с грохотом свалился на пол. Зал взорвался от смеха. На том и завершился их танцевальный дуэт.

Лицо Айдан тронула улыбка при воспоминаниях обо всем, что было. Эпизодов далекого детства, связанных с Русланом было не счесть. При мыслях о том, что он когда-то ей нравился, был ее первой любовью, она готова была рассмеяться.

Руслан теперь вырос в представительного молодого человека, но для Айдан, он был всего лишь соседским мальчуганом.

Вечером, услышав, что Гамида хала, мать Руслана, пришла ее сватать за сына, она не поверила своим ушам.

- Вас Руслан прислал? - удивленно спросила Айдан.

- Да.

- Почему же он мне ничего не сказал?

- Постеснялся, дитя мое.

- Он умеет стесняться? - рассмеялась Айдан. Но, заметив, как мать ей делает знаки, она взяла себя в руки и добавила серьезно:

- Разве в детстве он мне мало крови попортил? Теперь хочет жениться, чтобы командовать мною?

- Кошка своих котят поедает от большой любви, доченька, - обняла ее Гамида хала. Затем стала беседовать с матерью. После того, как она ушла, мать сказала:

- Вы нравитесь друг другу, доброе дело затягивать не стоит. Руслан ведь из-за тебя из Москвы приехал. Мы поговорили с твоим отцом, на будущей неделе обручим вас.

- Что? - Айдан уставилась на мать изумленными глазами, - я не хочу выходить за Руслана.

- А кто у тебя спрашивает? Вы еще были детьми, когда мы с Гамидой зареклись, что породнимся, как только вы подрастете.

- Мама, я говорю серьезно. Руслана я очень уважаю, но мне никогда и в голову не приходило, что я могу создать с ним семью.

- Тебе уже двадцать пять лет, три года как университет окончила, в городе живешь одна-одинешенька. Почему ты не подумашь о родителях, о семье? Или, рассчитываешь встретить лучшего парня, чем Руслан? Ничего не хочу слышать об этом. Обручение на будущей неделе, готовься.

- Мама, послушай меня...

Но, мать не ответила и вышла из комнаты.

И наутро Айдан не смогла поговорить с матерью. Как ни старалась переубедить ее, из этого ничего не вышло.

* * *

За десять дней до окончания отпуска Айдан пришлось

вернуться в Баку. Ей впервые не хотелось идти к себе на квартиру. Там ее ждали раздумья о жизни, одиночество, а этого ей вовсе не хотелось. Поймав такси, она направилась к дому Гусейн муаллима.

- К добру ли в столь поздний час? - обеспокоился старик, - что-то случилось?

- Нет, ничего не случилось, я приехала из района. Соскучилась по Хейва хала, давно ее не видела.

- Тридцать семь дней, - донесся из другой комнаты слабый, еле слышный голос старушки.

- Она считала дни, - вздохнул Гусейн муаллим.

Хейва хала от радости не находила себе места. Уж очень она привязалась к этой девушке, с тех пор как познакомилась с ней.

- Если не возражаете, я у вас переночую, - Айдан поцеловала Хейва хала.

- Ты украсишь наш бедный дом, - прослезилась старушка. Айдан погладила ей руку и обратилась к хозяину дома:

- Гусейн муаллим, можно у вас перекусить? Я очень проголодалась.

- Сейчас, - он прошел в кухню, открыл холодильник, достал колбасу, нарезал хлеба и поставил чайник на плиту. Айдан приступила к еде.

- Что стряслось? - Гусейн муаллим сел напротив нее.

- Ничего.

- Нет, что-то случилось, я вижу.

- Любопытно, - она взглянула ему в лицо и опустила голову, не выдержав его взгляда.

- Тебя хотят выдать замуж против воли.

- С чего вы взяли?

- Какая дочь уедет из отчего дома за десять дней до конца отпуска?

- Оставим эту тему.

- Ты поссорилась и со своим героем, да?

Она не ответила. Выпила чаю и убрала со стола. Подсела

затем к Хейва хала, завела с ней разговор, рассеянно глядя на телеэкран. Хотелось отвлечься от мыслей о Мураде, не думать о нем. Но, как ни пыталась, ей это не удавалось. Как наваждение предстала перед глазами сцена, как он идет рядом с той женщиной, увлекшись разговором, не замечая ничего вокруг. Трудно было забыть, как Айдан украдкой наблюдала за ними, преследовала их на троллейбусе. Ошибиться она не могла, - эта женщина не была ему чужой. Со случайной знакомой не беседуют так увлеченно, так доверительно. Именно это и потрясло Айдан, пронизало, будто холодом до костей, рассеивая как по ветру всю ее жизнерадостность.

Она впервые осознала, что ей вообще ничего не известно о личной жизни Мурада. Может быть, она сама и была в этом виновата? Ничего не захотела узнать о человеке, которого полюбила, доверившись ему всем сердцем, впусив его в свою жизнь, приняв как судьбу.

Айдан вдруг опомнилась и как-то неловко нарушила молчание:

- Как дела на работе?

- Все спокойно. Наша комната, как мельница, оставшаяся без воды. Никто дверь не откроет. Недавно спрашиваю у Тахмаза, что с тобой стало? Раньше тебя было не выгнать, а теперь и на пять минут не зайдешь? Не обижайся, говорит, но когда нет Айдан, в ваш отдел и шагу ступить не хочется.

- Вы помирились с Самиром?

- Да, он приходил, извинялся.

- Как поживает редактор?

- Как всегда.

...После завтрака Айдан и Гусейн муаллим вышли из дому вместе. Перед издательством, где размещалась их редакция, она попрощалась и направилась к себе домой. С большой дорожной сумкой на плече она неохотно поднялась по ступеням, открыла дверь, вошла в комнату. Ее встретили холод и тишина. Она бросила сумку в угол и бессильно опустилась на диван. Задумчивый взгляд сосредоточился на невидимой

точке, на стене перед ней. Двигаться совсем не хотелось, так и сидела неподвижно.

Она вздрогнула от неожиданного звонка в дверь. Кого это пронесло с утра пораньше? Открыв дверь, и увидев на пороге Мурада, она оцепенела, не зная, что сказать, как быть. Она постояла немного в нерешительности и, наконец, поздоровалась, стараясь сохранять холодное безразличие. Мурад с радостным волнением протянул к ней руки:

- Наконец-то я нашел тебя! Где ты была, куда так неожиданно исчезла?

- У меня были дела.

- А предупредить не могла?

- Кого предупреждать?

- Меня.

- Не люблю отчитываться, - от ее холодного ответа Мурад растерялся.

- Что это с тобой? - спросил он обиженно.

- Ничего.

- Почему ты так со мной разговариваешь?

Она не ответила.

- Вижу, даже в дом пригласить не хочешь, - сказал Мурад. Айдан пожала плечами и промолчала.

- Ладно, я пойду. Прости, что побеспокоил, - Мурад побежал по лестнице, чтобы не показать, как обижен и расстроен.

* * *

Выйдя на работу после отпуска, Айдан была поражена услышанным: Азиз похитил девушку. Этот маленький щупленький человечек с плешью на макушке решил поиграть в любовь в свои сорок семь лет? Быть отцом двоих детей, иметь прекрасную и порядочную жену, и вот так впасть в юность? Сотрудники редакции горячо обсуждали поступок Азиза.

Вскоре все окружили Октяя. Он рассказывал о том, что в последнее время Азиз подолгу с кем-то разговаривал по те-

лефону, порой нервничая и выходя из себя.

- Я за ним наблюдал целую неделю, - продолжал Октай, - если женатый мужчина так много говорит по телефону, значит, что-то тут нечисто. Да, Азиз прижимал ко рту трубку и что-то шептал в нее так, что я из-за неловкости выходил из комнаты. Выходит, уговаривал девушку.

В разговор вмешался Самед муаллим:

- На прошлой неделе я как-то задержался на работе дольше обычного. Выходя из комнаты, хотел запереть дверь, и тут услышал голос Азиза. Он с кем-то громко спорил по телефону. Остановившись в дверях, спрашиваю, что там у тебя, почему домой не идешь? Говорит, натворил дел себе на голову. Иди, говорит, а мне надо остаться. Откуда мне было знать, про какие беды он говорил? Если бы я спросил, может быть и объяснил.

- Говорят, что девушке от силы двадцать два, - усмехнулся Октай.

- Знал, на что идет, - бросил Тахмаз.

- Иду я в тот день с работы, вижу, что Азиз стоит и беседует на улице с молоденькой девушкой. Прохожу мимо них, а он и ухом не повел, - вспомнила Севиль.

Весть молнией облетела редакцию. Все забыли о своих обязанностях. Новость обсуждали так горячо, будто важнее на свете ничего не было.

Гусейн муаллим, до поры молча слушавший, вдруг сказал:

- Валлах, этого и следовало ожидать от человека с такой манерой смеяться.

Комната наполнилась хохотом.

- Ну, причем тут смех? - Октай утер мокрые от слез глаза.

- Послушай, странный ты человек, как это, причем? У него очень хитрый смех. Кто так хитро смеется, на любую подлость способен, - вышел из себя Гусейн муаллим.

- Девушка, говорят, очень красивая. Неудивительно, что Азиз влюбился в нее. Но как она могла полюбить такого? - этот вопрос не давал покоя Тахмазу.

- А кто сказал, что полюбила? Может, Азиз похитил ее против воли?

- Не те сейчас времена, чтобы девушек похищать против их воли!

Словом, до вечера в редакции царил необычайное оживление. Слухи разрастались, словно снежный ком, и дошли, наконец, и до редактора.

- Не может быть! - сказал Габиль муаллим, швырнув ручку на стол. По резкости его движений можно было понять, что он очень рассержен.

- Какой позор! Кажется, он головой тронулся, на старости лет.

- Домой к нему звонили? - спросил он.

- Нет.

- Разве не могли поинтересоваться, узнать, что же там стряслось? - в его голосе прозвучал укор. Затем он полистал телефонную книжку и нашел домашний номер Азиза:

- Алло, салам-aleyкум, Фатъма ханум. Как поживаете? Как дети? Почему у вас такой голос? Вы плакали? Бросьте, ничего не берите в голову. Все образуется. Азиз еще не пришел? Придет, иншаллах, не переживайте. До свиданья.

Габиль муаллим положил трубку и схватился руками за голову:

- Оказывается, правду говорят. Бедная женщина убита горем. Пусть Азиз только появится на работе, я ему устрою головомку.

Редакция гудела весь день, как пчелиный улей. Азиз оставался героем оживленных дискуссий еще на протяжении нескольких часов. Все другие вопросы ушли на второй план, не было ничего интересней этой темы.

После всех треволнений за истекший месяц, Айдан снова включилась в бурлящую жизнь редакции, все происходившее вокруг затянуло ее, как в водоворот.

Когда к вечеру пришел Азиз, она вместе со всеми не без любопытства уставилась на него.

- Чего вылупились? Впервые видите? - Азиз, улыбаясь, подошел к коллегам.

- Как самочувствие? - сделал попытку завести разговор Тахмаз.

- Чувствую себя как хорошо налаженный бубен, подал заявку на более звучный барабан, - воспользовался тот образным народным выражением. Все переглянулись.

- Так, значит, все правда, - Тахмаз подмигнул стоявшим рядом коллегам, и речитативом напел слова из популярной оперетты "Не та, так эта" композитора Узеира Гаджибекова:

*Свадьбу будет, говорят,
Женится Мешади Ибад.*

Октай подхватил и шутливо предстал перед Азизом:

*Но, скажи, когда и где
Свадьбу будешь ты справлять?*

Айдан, Самед муаллим, Севиль, Гусейн муаллим изобразили хор:

*Когда и где,
Когда и где
Свадьбу будешь ты справлять?*

- Что это за шум? - в дверях появился раздраженный редактор.

- Концерт редакционного кружка художественной самодеятельности, - сострил Азиз.

- Я вижу, все вы в последнее время увлеклись самодеятельностью, - редактор смерил Азиза многозначительным взглядом и вернулся в свой кабинет.

Когда Азиз прошел в комнату, Тахмаз подмигнул остальным и просунул голову в дверь:

- Не хочешь поделиться впечатлениями с нами?

- Дайте мне отдышаться.

- Говорят, девушка очень красивая? - не выдержав, спро-

сила Айдан.

- На тебя очень похожа, статная, нежная, беленькая. Золотистые волосы спадают на плечи, - ответил Азиз.

- Губа не дура у нашего простака! - поддел его Тахмаз.

- А ты сомневался в своем братишке? - Азиз хлопнул кулаком себя в грудь, - а что, мы и девушку выбрать не сможем?

Через некоторое время Габиль муаллим распорядился, чтобы все собрались в актовом зале. По обыкновению, изрядно опоздав, он вошел, наконец, в зал и сразу же обратился к Азизу:

- Как поживаешь, герой? Как себя чувствуешь? Пришел в себя? Да, смелый ты человек, в наше время девушек не так уж легко склонить к побегу. Ну, свадьбу справлять будешь?

- А как же? Разве можно без свадьбы? Что люди скажут?

Зал оживился, все стали переглядываться друг с другом.

Редактор нахмурился и спросил:

- А по-хорошему договориться нельзя было?

- Родители насильно обручили ее с другим.

- А она, оказывается, влюбилась в этого красавца, - бросил Тахмаз, не удержавшись.

- Думай, что говоришь, - огрызнулся Азиз.

- Успокойтесь, не мешайте, - повысил голос редактор, после чего спросил у Азиза, - ты не жалеешь о том, что натворил?

- Отчего жалеть? У меня ведь не было иного выхода.

- А жена, дети? Ты о них подумал?

- Я вас не понимаю, - пожал плечами Азиз.

- И не поймешь. Чего в твои-то годы в любовь играть? - снова поддел его Тахмаз.

Азиз вдруг начал приторно смеяться. Смех перешел в хохот. Он так и стал расходиться.

- Кажется, он сходит с ума, - сказал Октай.

- Возьми себя в руки, Азиз, - предупредил редактор. Тот утер глаза, прослезившиеся от смеха, и выложил на стол пе-

ред собой из кармана пачку пригласительных открыток.

- Пусть Бог вас рассмешит. Да вы человека в посмешище превратите. Завтра в шесть часов вечера приглашаю всех вас на свадьбу.

Ваджиба взяла одно из приглашений и громко прочла:

- Уважаемый Тахмаз! Приглашаю тебя вместе с Розой ханум на свадьбу моего сына Саида. Азиз.

В зале разразился хохот. Азиз давился смехом.

- Вот бы все проблемы решались так легко, - сказал редактор, вставая с места.

Сотрудники, довольные, покидали актовый зал.

Как только Айдан вошла в комнату, зазвонил внутренний телефон. Она услышала голос редактора:

- Зайди ко мне на минутку.

Он пригласил ее сесть и стал расспрашивать про дела, про заботы. Спросил и про личную жизнь и добавил:

- Почему не заходишь ко мне, не делишься печальями?

- Какие же у меня печали?

- Во всяком случае, у девушек хватает забот.

- Спасибо, Габиль муаллим, я вам очень признательна.

- Поздравляю тебя с днем рождения, - редактор встал с места, подошел к ней, наклонился и, обняв за плечо, поцеловал в щеку. Это произошло так быстро, что она, и опомниться не успела. У него хитро заблестели глаза.

- Не ожидала от вас, - Айдан встала, расстроившись.

- Прошу принять это от меня, - он положил перед ней авторучку, - купил для тебя в Японии.

Ей не понравилось его странное поведение и внимание к ней. В его словах сквозил подтекст. Это не трудно было почувствовать. Она стояла растерянная, не зная, что сказать. Ей вдруг подумалось, что в кабинет могли войти, когда Габиль муаллим ее целовал, пусть даже в щеку. Когда Айдан представила, как начнут судачить о ней в редакции, ее затрясло от злости. Наконец, она, найдя в себе силы, пошла к двери, даже не взглянув на подарок. Редактор заградил ей путь:

- Если не возьмешь - обижусь.
- Вы всех сотрудников поздравляете с днем рождения? - спросила она подавленным голосом.

- Нет, одну тебя.

- Больше не поступайте так опрометчиво, - Айдан решительным движением открыла дверь и вышла. Часы в приемной показывали половину шестого. Рабочий день закончился полчаса назад. Тишина царила в коридоре, все уже разошлись по домам. Не было никого и в их отделе. Выходит, редактор нарочно заговорил ее, чтобы остаться в редакции вдвоем, когда все уйдут. От этой мысли ее прошиб холодный пот. Быстро заперев дверь на ключ, она выбежала в коридор, бегом спустилась по лестнице вниз, на улицу. Пришла в себя, только когда в лицо ударил холодный зимний ветер.

Ее охватило странное чувство разочарования. В последнее время ничего у нее не клеилось. Ее преследовали одни неудачи. За что бы она ни бралась, все валялось из рук. А сегодняшнее поведение редактора только подлило масла в огонь. Теперь она уже не сможет быть на работе такой же беззаботной и независимой, как прежде. От подобных мыслей она расстроилась еще больше.

Проходившая мимо женщина показалась ей знакомой. Ниспадавшие из-под белой меховой шапки кудрявые волосы, вздернутый носик кого-то ей напомнили. С каким-то необъяснимым интересом она присмотрелась к ней внимательнее. Женщина, улыбнувшись, ответила на чье-то приветствие. На щеках у нее появились ямочки, по которым Айдан тотчас узнала ее. Это была она. Та самая женщина, что была в тот день с Мурадом.

К ревности Айдан примешалась ненависть - светлолицая женщина привлекала взоры прохожих красотой и статью. Айдан все пыталась найти в ней хоть какой-нибудь изъян, но тщетно. Как же тяжело было думать о ее близости с Мурадом. Она представила их вместе, мысленно оживила сцену, как он обнимает ее крепкими руками и целует. Ей стало не

по себе. Она почувствовала себя обманутой и униженной. Хотела выжать слезы из глаз хлопанием ресниц, но это ей не удалось. Еще раз бросила на женщину взгляд, едва справляясь с ревностью, терзавшей ее сердце, и торопливыми шагами пошла прочь.

* * *

Дни шли своим чередом. Наступало утро, клонилось к полудню, вечерело, и опускалась ночь. Дни складывались в недели, недели в месяцы. Так, незаметно, время брало свое.

Как-то вечером, выйдя с работы, Айдан вздрогнула, увидев Мурада на автобусной остановке. Он беспокойно озирался на вход в издательство. Айдан будто приковало к земле, она не знала, как быть, в какую сторону идти. Сделала вид, что не заметила Мурада. В это время кто-то коснулся ее руки. Она обернулась, и искренне обрадовалась, увидев Руслана:

- Какая приятная неожиданность! Как дела? Каким ветром тебя занесло в Баку? - прошептала она и взяла его под руку. Ободренный ее приветливостью и непосредственностью, Руслан сказал:

- Может, прогуляемся немного?

- Конечно, - ответила Айдан.

- Тогда возьмем такси, - как только он поднял руку, остановилась машина. Они сели.

Айдан улыбнулась, довольная своей мстостью. Лишь теперь она осознала, что все это время она жила этой мыслью, мыслью о мести. На душе стало необыкновенно легко. Потянуло говорить, смеяться, радоваться. Ее настроение заразило и Руслана:

- Куда поедем?

- На бульвар. Сто лет не была у моря.

Когда вышли из машины, Руслан попытался взять ее под руку.

- Эй, тебе нельзя! Только мне можно, - она капризно ударила его по руке, улыбнулась и спросила:

- Для чего ты приехал в Баку?
 - Захотелось тебя повидать. Тогда ты уехала так неожиданно, что я даже забеспокоился.
 - Как же скоро ты спохватился...
 - Отчего-то не решался приехать к тебе.
 - Руслан, я, правда, тебе нравлюсь? - Она обернулась и заглянула ему в глаза.
 - Как будто не знаешь, - обиженно ответил Руслан
 - Откуда же мне было знать? Ты меня столько мучил, обижал своими выходками, что мне и в голову не приходило даже подумать об этом.
 - Мне нравилось тебя злить, - рассмеялся Руслан.
 - А я была в тебя влюблена, с самого первого класса.
 - Правда?
 - Валлах, биллах! * - поклялась Айдан.
 - Ты и в детстве так клялась, - улыбнулся Руслан.
 - Да, ты очень мне нравился. Как-то я раскрыла свою тайну Натиге. А она возьми, да и выложи все тебе. Помнишь?
 - Конечно. Когда она сказала мне об этом, я готов был летать от радости. Но мне доставляло удовольствие злить тебя.
 - Этим ты задевал меня за живое! - припомнила она свои обиды и добавила, - был бы ты в то время со мной деликатней, я бы теперь с удовольствием согласилась бы выйти замуж за тебя. Сам виноват, вот и принимай наказание.
 - Я готов смыть свои грехи.
 - Поздно, Руслан, поздно.
 - Может, ты кого-то уже любишь?..
- Айдан расстроил этот вопрос. Она не знала, что ответить. Поэтому решила сменить разговор. Руслан тоже не подал виду, что понял ее замешательство. Но, от его веселого настроения теперь не осталось и следа.
- Ты обиделся? - осторожно спросила Айдан.
 - А что мне остается? - выразил сожаление Руслан.

* *Валлах, биллах! - Клянусь Богом!*

Дальше они прохаживались в затянувшемся молчании.

- Когда твоя свадьба? - заговорил вдруг Руслан.

- Что? Свадьба? - Айдан вздрогнула от этого неожиданно-го вопроса. У нее заныло сердце. Подумала, что ответить, но не нашла слов. Еле слышным голосом она попросила:

- Давай, не будем об этом говорить, ладно?

- Ладно, - согласился Руслан, а после добавил, - у меня в жизни не было дня грустнее и тяжелее, чем этот. Все эти годы я мечтал об одном, создать с тобой семью, вместе воспитывать детей. Но, как оказалось, напрасно.

- Признаться, я тебе не подхожу. Ты видный, симпатичный парень, а я... - хотела отшутиться Айдан, только Руслану уже было не до шуток.

- Я пойду. Но помни, если когда-нибудь тебе понадобится помощь, я всегда к твоим услугам.

- Спасибо, Руслан, не грусти. Я уже представляю, как москвички воюют из-за тебя. Одна говорит - мой, другая говорит - нет, мой!

- Будь мы детьми, я хорошенько отлупил бы тебя за эти слова, - грустно улыбнулся Руслан. - Прощай, Айдан.

- До свиданья, Руслан, будь счастлив.

Он крепко пожал ей руку и, торопливо зашагал прочь. Айдан же уставилась глазами на мутные пенистые волны Каспия, бьющиеся о берег. Она была признательна Руслану за то, что тот оставил ее наедине с ее мыслями. Пржнее настроение улетучилось, теперь она была охвачена спокойствием, странным чувством умиротворенности. Зло-радство от вымещенной Мураду обиды за все пережитые муки ревности, растворилось, как мыльная пена. На смену пришла горечь. Она не знала, какие чувства пережил Мурад, увидев, как она с улыбкой взяла под руку Руслана. Но, сердце подсказывало, что ее поступок глубоко ранил Мурада. Как знать, может эта встреча станет последней точкой в их отношениях? "Разве эта точка уже не была поставлена?" - спросила она у себя. Разве не все прояснилось после той злос-

частной встречи, а потом и грубого обращения с Мурадом, когда дала ему ясно понять, что не хочет видеться с ним? Тогда, о чем же она жалела, что ее так расстраивало, почему сердце изнывало как расстроенная скрипка?

В ее памяти ожили грустные глаза Мурада. Она подумала о том, какое волнение, какое потрясение он пережил. Ей даже стало жаль Мурада. Но тут вновь вспомнилась та женщина, снова в сердце пробудилась ревность, перечеркнув все сомнения. Это придало ей решимости, вернуло к действительности. "Все кончено!" - шепнула Айдан про себя.

Войдя в подъезд, она тут же попятилась назад, увидев на верхней ступеньке лестницы Мурада. Она не хотела его видеть. Вернулась домой спустя три часа. Мурада уже не было.

7.

"Уважаемая редакция! Хочу рассказать вам о том, что вынуждает меня в мои почтенные годы взяться за перо и написать жалобу. Наше село расположено на окраине района у подножия Шахдага. Из-за того, что село находится в труднодоступном месте, районное руководство не вспоминает про наши нужды. Почти сорок лет я работаю учителем в сельской школе. Каждый год весной вместе с моими учениками мы приводим в порядок сельские дороги. В последнее время из-за обводнения проселочных дорог по ним очень затруднено передвижение.

Не будучи больше в силах терпеть такое положение, я поехал в Сумгайыт, к одному из моих бывших учеников Сабиру Мамедову, который работает там директором завода, и попросил, чтобы он мне помог. Сабир направил в село машину, груженную нестандартными трубами. Через несколько дней с помощью молодежи мы уложили эти трубы на проселочных дорогах и засыпали землей. Ездить по ним стало намного легче. С тех пор прошло семь месяцев. Директор нашей школы Шахбаз Мирзоев обвиняет меня в краже, говорит, что эти трубы я достал нечестным путем. Он про это

написал руководству района, в районное отделение образования, в прокуратуру. После этого стали меня третировать проверками, допрашиваниями. Выходит, что совершив доброе дело, я только нажил проблем. Такие люди, как Шахбаз, которые только и знают, что распускать про меня нелицеприятные слухи, считают себя борцами за справедливость.

Прошу направить к нам корреспондента, пусть прояснит, кто прав, а кто виноват".

Прочитав письмо, Айдан задумалась. В последнее время она часто получала письма подобного содержания. Те, кто на свои кровные деньги делали добрые дела для родного села, для односельчан, вместо благодарности, сталкивались с людской неблагодарностью. Она не раз разбиралась в подобных вопросах.

За строками изложенной жалобы чувствовались обида и боль Амиршах муаллима, о котором Айдан еще ничего не знала. Ей захотелось написать об этом почтенном человеке, о доброжелательности, встречаемой с неблагодарностью.

- Эльман муаллим, это вы оставили письмо у меня на столе? - спросила она.

- Да. Прочла его?

- Прочла.

- Это твоя тема.

- Проблема так и просится на бумагу, по-моему, получится хороший материал.

- Если так, то зайди к редактору, скажи, что думаешь, и собирайся в командировку.

Габиль муаллим куда-то спешил, поэтому, долго не расспрашивая, разрешил Айдан заняться проверкой письма.

Уже на следующий день в одиннадцать часов утра она была в кабинете заведующего районным отделом образования Эльхана Акперова. Когда Айдан сообщила о цели своего визита, у того заметно испортилось настроение:

- На что вы тратите свое драгоценное время? Амиршах кляузный человек. В селе на всех наводит ложь и клевету, и

коллегам немало крови попортил.

От слов чиновника у Айдан почему-то сжалось сердце. Ее задело за живое то, что кто-то порочит имя Амиршах муаллима. Он даже пытался апеллировать емкими, обоснованными, по его мнению, фактами. После долгого разговора Айдан собралась уходить:

- Эльхан муаллим, уже полдень, у меня мало времени. Помогите мне найти машину, иначе не смогу добраться в село.

Завотделом удивился:

- Вы все еще хотите поехать в село?

- Конечно.

- В Гарлы даже летом не добраться, не то, что сейчас.

- Мне обязательно нужно туда попасть, по-другому не могу, - отрезала она. Как ни старался Акперов отговорить девушку, та настояла на своем.

- Что поделаешь? Если вы твердо решили, не стану убеждать. Но, знайте, что можете застрять на полпути. Машина довезет вас до села Гала, а дальше придется добираться пешком. Я позвоню, чтобы вас встретили в конторе сельсовета.

Вскоре старенький "Газ-69" поднимался по заснеженным дорогам в сторону Гарлы. Айдан продрогла, любуясь из машины на засыпанные снегом деревья вдоль дороги. Перед ней оживали воспоминания из детства.

Дом их был расположен на пригорке. Зимой окрестная ребятня сбегалась сюда покататься на санках. С утра и до позднего вечера не умолкали на улице веселые детские голоса. Дорога, проходившая перед их домом, слева скатывалась в пустырь, густо заросший колючими кустами ежевики. Дети, разгоняясь на санках, съезжали с пригорка, и по неосмотрительности иногда их заносило с обочины вниз. Что ни день, кого-нибудь приходилось вызволять оттуда с расцарапанным в кровь лицом.

В тот день на улице было меньше детей, чем обычно. Руслан и Айдан катались на санках наперегонки, поддразнивая друг друга. Руслан очень разозлился, когда девочка нежи-

данно обогнала его. Ее же разобрал веселый смех. В мгновение ока он куда-то исчез.

"Интересно, что у него на уме?" - подумала Айдан. Приближаясь на разогнавшихся санках к овражку с зарослями ежевики, она с ужасом заметила перед собой снежную горку. Ясно было, что это дело рук Руслана. Она постаралась увернуться, но бесполезно, со всего размаху она влетела в колючие кусты. Он громко расхохотался и начал ногами рушить снежную горку. Затем с победным видом подошел к кустарнику, но увидев, что Айдан лежит неподвижно с окровавленным лицом, Руслан не на шутку перепугался:

- Ну, скажи что-нибудь!

Айдан нарочно промолчала. Ей понравилось, что он встревожен и беспокоиться.

Руслан, видя, что она не отвечает, кое-как раздвинув колючие ветви, приблизился к ней. Она лежала, закрыв глаза. Он вскрикнул:

- А может ты умерла?

- Да, я умерла, - она с трудом зашевелила губами.

- Ах ты, обманщица! - успокоился Руслан и начал щекотать ее. Айдан застонала:

- Осторожно, кажется, я подвернула ногу.

Руслан вызволил ее из кустов и, поддерживая под руку, помог пройти к санкам.

- Смотри, чтобы дома ни о чем не узнали! - сказал он, усадив ее.

- Ладно, ладно, вези меня скорей домой, - приказала Айдан. А затем, увидев, что на них глазеет соседская ребятня, громко добавила, словно бы понукая лошадку:

- Ну, поживей!

Руслан сердился, а дети смеялись.

Увидев Айдан с расцарапанным лицом, Мать обеспокоилась,

- Скажи мне правду, что с тобой случилось?

- Ничего не случилось, просто слегка подвернула ногу, -

сказала Айдан, и хотела было подняться, но, застонав, упала на санки.

Она целый месяц пролежала в постели. Сломанную ногу загипсовали. Каждый день Руслан приходил к ним и виновато смотрел на нее. Ради этих мимолетных визитов Айдан тогда была готова месяцами лежать в постели. Тогда...

Теперь в душе она смеялась над собой, вспоминая о тех детских переживаниях.

- Вот и село Гала. Дальше машина не поедет. Я отвезу вас в контору совхоза, - вернул ее к реальности голос молодого шофера, - а там что-нибудь придумают.

Он впервые заговорил за два часа пути.

- Как хорошо, что вы умеете говорить! - пошутила Айдан. Водитель покраснел.

Она взяла сумку и сошла с машины. Попрощавшись, уже хотела уходить, но голос парня остановил ее:

- В первый раз в моей машине сидела такая красивая девушка.

Айдан усмехнулась:

- Счет ничейный?!

Из здания правления совхоза, навстречу ей вышел мужчина в летах. Он поздоровался с нею за руку:

- Айдан ханум, если вы решились ехать сюда в такую снежную погоду, значит, вы отважный человек.

Они вошли в здание. В углу комнаты топилась печь, от которой исходило приятное тепло. От потрескивания горевших поленьев, аромата чая с чабрецом и дымящегося на печке чайника веяло каким-то домашним уютом.

- Я директор этого совхоза, Гадим Теймуров, - представился мужчина.

- Очень рада. У меня к вам просьба, - помогите мне добраться до Гарлы.

- Я к вашим услугам, а пока снимайте пальто, выпейте чаю, а после что-нибудь придумаем.

Вскоре появились две девчонки с порозовевшими от мо-

роза щеками. Они принесли с собой завернутую в скатерть еду. Стол был накрыт - сыр, хлеб, жаркое.

- Вам не стоило так утруждать себя, - неловко сказала Айдан.

- Ну что вы, к тому же, нам и самим надо поесть, - директор пригласил за стол и девочек. После обеда они вышли во двор. Из-за здания появился парнишка верхом на коне, ведя на поводу еще одну лошадь.

- Айдан ханум, вы умеете ездить верхом? - спросил директор.

- Конечно, - улыбнулась Айдан и добавила, - я ведь выросла в селе.

- Будь у меня время, я бы лично вас проводил. Но Шариф - это огонь, он за два часа доставит вас в Гарлы, - оправдывался Гадим Теймуров.

Поначалу дорога была ровная, но затем начались перевалы. Они проходили над глубокими ущельями. Стоило взглянуть вниз, как у Айдан кружилась голова, и темнело в глазах.

- Не боитесь? - Шариф, испытующе посмотрел на нее.

- Чего же бояться? - как ни в чем не бывало, ответила Айдан.

На пути встречалось все больше опасных участков. Вскоре все вокруг окутал такой густой туман, что и на два шага вперед ничего нельзя было разобрать. Лошади шли очень медленно, словно затаив дыхание. Любой неверный шаг, и они легко могли бы сорваться с обрыва в ущелье. Айдан продрогла на морозе, пронизывающем до костей. Она ужаснулась еще больше, когда заметила проступивший на лбу у Шарифа пот.

- Ты часто пользуешься этой дорогой? - спросила она.

- Весной и летом - да, а зимой - изредка.

- Как же сельчане проделывают этот путь?

- Как и мы - верхом на лошадях, а бывает, что и пешком.

Когда тает снег, ходят и машины.

- А как быть, если у тебя важное дело?

- А никак, - спокойно ответил, Шариф, будто с безразли-

чием, а затем обернулся к ней и добавил, - вы у себя в городе и не подозреваете, как трудно приходится здесь людям.

В его словах чувствовался укор. Айдан согласилась с ним, ведь он был прав. Каждый раз, бывая в командировках в различных районах республики, она и сама испытывала такие же чувства, считала и себя в какой-то мере виноватой в происходящем. На сердце стало тяжело от слов Шарифа.

- Я вас не обидел? - Шариф почувствовал, что был резок.

- Нет, чего уж...

- Знаете, отчего больней всего? Столько минуло лет с тех пор, как установили советскую власть, а в села так и не положили удобных дорог. И в помине нет ни больниц, ни домов культуры. Неизвестно, когда все это появится. Бедные люди трудятся с утра и до ночи, идут годы, а жизнь никак не налаживается. Есть здесь и такие Богом забытые деревни, о судьбе которых никто и не задумывается. Одно из них, кстати, Гарлы, куда мы с вами и направляемся. Сами увидите, в каких условиях там проживают люди.

Когда они добрались до села, уже было темно.

- С кем вам нужно встретиться?

- С Амиршах муаллимом.

Оказалось, что они остановились прямо возле его дома.

- Хала, гостей не примите? - спросила Айдан у пожилой женщины в поношенном одеянье, с любопытством взиравшей на них со двора.

- Что за вопрос, конечно, примем, заходите, - пригласила она в дом Айдан и Шарифа.

На земляном полу, отделанном желтой глиной, был разостлан выдавший виды палас. В углу на железной кровати аккуратно были сложены матрацы и одеяла. Все убранство в комнате составляли стол да четыре стула.

Когда гости вошли, в доме началась суета. Две девчушки, на вид почти ровесницы, сидя на полу у кровати, с любопытством поглядывали на них. Две другие сестры, что постарше, без лишних слов накрыли на стол, принесли чаю,

варенья, сахару. Все это они проделали настолько бесшумно и оперативно, словно опасались, что гости вдруг могут передумать и уйти.

- Вы с дороги, дети мои, поешьте немного, - пригласила женщина гостей за стол.

Комната наполнилась ароматом свежее испеченного хлеба из тандыра и сыра. Айдан с аппетитом приступила к еде. Неторопливо ел и Шариф. После завершения трапезы девочки убрали со стола. Айдан начала расспрашивать про Амиршах муаллима.

- Его вызвали в районную прокуратуру, - с обидой сказала женщина.

- Почему, что за срочность в эту зимнюю пору?

- Из-за тех злополучных труб.

- Тех самых, что уложены вдоль дороги?

- Да, директор школы и завуч заявили в прокуратуру, что Амиршах украл эти трубы в Сумгайыте.

- Разве кто-то мог в это поверить?

- Иначе не стали бы что ни день в милицию вызывать.

- Хотите сказать, что против него выдвигают обвинение?

- А как же? Директор школы приходится двоюродным братом заврону, который пляшет под его дудку. А прокурор - его близкий друг.

- Почему же директор не ладит с Амиршах муаллимом?

- Потому что Амиршах слишком уж прямой человек. Все говорит в лицо. Вот это директору и не нравится. Постоянно ищет повода, чтобы уволить Амиршаха с работы.

Немного спустя, Шариф отправился спать в соседнюю комнату, а Айдан продолжила беседу с Рагимат халой.

- После войны в нашем селе был построен детдом, - делилась воспоминаниями хозяйка дома, - там ютились около тридцати беспризорников. Когда Амиршах окончил школу, его направили воспитателем в этот приют. Он должен был и преподавать воспитанникам и следить за тем, чтобы они нормально питались и одевались. Всего за несколько ме-

сяцев Амиршах так привязался к этим сиротам, что не мог без них уже жить. Помню, однажды, один из ребят тяжело заболел. Врача в селе у нас не было. Мальчика необходимо было срочно доставить в медпункт в Гала, где вы побывали. Амиршах понес бредившего от жара ребенка туда на руках. Уже перед медпунктом он споткнулся, упал и серьезно повредил себе ногу. Мальчик вскоре выздоровел, а вот Амиршах остался калекой на всю жизнь. Уж сколько его ни уговаривали поехать в районную больницу или в столицу, чтобы ногу подлечить, но, он все не решался оставить сирот без присмотра.

- А как впоследствии сложилась жизнь тех детей? - поинтересовалась Айдан.

- Теперь все они живут своими семьями. Некоторые из них дослужились до высоких должностей.

- А про Амиршах муаллима вспоминают?

- А как же? Пишут письма, телеграммы шлют. Бывает, что в летние месяцы навестить приезжают. В прошлом году у нас гостило несколько семей. Вот после этого Амиршах и поехал за трубами. Директор школы же, локти кусал от зависти. Уж очень он жалкий человек.

С утра пораньше Айдан направилась в школу. Только что начался первый урок. Она зашла в учительскую и, представившись, назвала цель своего визита.

- Вы проделали такой долгий путь по столь пустяковому делу? - удивился директор.

- Пожилого человека обвиняют в серьезном преступлении, в хищении, вместо того, чтобы выразить ему признательность, и вы это называете пустяковым делом?

- Разве человека следует благодарить за совершенное хищение? - вышел из себя директор.

- Откуда вы знаете, что трубы были похищены?

- Я знаю, о чем говорю.

- Вы того же мнения? - обратилась Айдан к учителям.

- Да, - ответила молодая женщина.

- Но Амиршах муаллим доставил эти трубы не в личных целях, а для того, чтобы отремонтировать сельские дороги.

- Не имеет значения, кража есть кража, - прервал ее директор.

На перемене, с позволения директора, Айдан собрала в комнате учащихся девятого и десятого классов:

- Ребята, я прошу вас рассказать мне про Амиршах муаллима.

Дети будто этого и ждали. Они наперебой стали рассказывать, как помогали Амиршах муаллиму разбить фруктовый сад на пустыре в два гектара, как наводили порядок в школьном дворе, ремонтировали сельские дороги.

- А вы знаете про то, что директор обвиняет Амиршах муаллима в хищении?

После этого вопроса в комнате повисло молчание.

- Разве вы не задумывались над вопросом, обоснованно ли обвиняют вашего учителя или нет?

Снова тишина. Айдан подошла к сидевшей перед ней сероглазой кучерявой девочке:

- По-твоему, мог ли Амиршах муаллим своровать?

- Никогда, - твердо отрезала та.

- А ты как думаешь? - обратилась Айдан к юноше, сидевшему за ней.

- В нашем селе не найдется второго такого честного человека, - ответил он.

- Так почему, зная все это, вы не встали на его защиту?

Никто не проронил ни слова. Айдан поняла, что дети неспроста не хотят отвечать на ее вопрос, вероятно, остерегаются чего-то.

Она решила продолжить беседу в учительской, но из этого тоже ничего не вышло. Педагоги были неразговорчивыми.

В полдень Айдан пришла в правление совхоза. В комнате находилось несколько мужчин. Она поздоровалась, присматриваясь к присутствующим. Директор совхоза был похож на директора школы Шахбаз муаллима, как две капли воды.

Она уже была наслышана, что Аббас и Шахбаз близнецы. Аббас, узнав, что Айдан интересуется Амиршах муаллимом, начал охотно говорить:

- Он аксакал, уважаемый всеми человек, грамотный и добрый учитель. Многим в селе преподавал. Научил писать и меня и Шахбаза. Но есть у него один недостаток - тщеславие. Он любит, когда его расхваливают. Думаете, он для удобства односельчан завез эти трубы? Нет, все для того, чтобы услышать слова лести о себе, увековечить свое имя. Иначе он не стал бы себя утруждать.

Директор смерил Айдан испытующим взглядом:

- Вы ведь вчера сами видели его дом: старый палас один, да он сам господин. Все это для отвода глаз. Думаете, настолько он беден? Да у него самый большой оклад в школе. Глядишь, то фруктовых саженцев закупит, то возведет ограду, то еще чего напридумает. Только бы ему польстили. Другой бы о семье подумал, о детях, которых одевать-обувать нужно, о необустроенном доме. Однако, не таков наш герой! Мало того, прежде чем что-то предпринять, не посоветуется ни с кем в правлении. Пытается создать видимость, что директор совхоза зря штаны просиживает.

Айдан не выдержала:

- За что вы так не любите Амиршах муаллима?

- Вы кого имеете в виду?

- Вас, двух братьев. Почему вы упорно пытаетесь очернить доброе имя этого человека, выдать его благие деяния за корыстную расчетливость? Вместо того, чтобы поддержать его в стремлении благоустроить родное село, вы ставите ему всевозможные препоны. - Говоря об этом, Айдан поставила себя на место пожилого немощного человека, с которым даже не была знакома, и почувствовала глубокую обиду за него.

- Не скажу за брата, но мне с Амиршахом делить нечего. А в их отношения я не вмешиваюсь. Пусть сами разбираются.

- Разве это правильно, что не вмешиваетесь? Ведь он был

вашим учителем. Хотя бы из уважения к этому, вы могли бы воспрепятствовать брату в обращении в прокуратуру.

- У меня и так хлопот хватает, времени ни на что не остается.

После затянувшейся перепалки Айдан вышла во двор. У здания правления молча, стояла старушка и смотрела на нее.

- Бабушка, вы хотите мне что-то сказать? - подошла к ней Айдан,

- Деточка, это ты журналист из Баку?

- Да.

- Тогда пойдем со мной, я что-то тебе покажу.

Айдан, молча, последовала за ней. Наконец, они остановились у дома с покатой крышей. Старушка отворила калитку, пропуская Айдан, и сама вошла следом. Она повела Айдан во двор, показала ей аккуратно уложенные дрова:

- Ты это видишь, доченька? - спросила она, - помог мне Амиршах, - затем обернулась и указала на стог сена в середине двора, - это тоже он привез. Я намозолила ноги, обивая порог конторы, но директор так и не выделил мне машину, чтобы я могла привезти себе сена и дров. Тогда Амиршах собрал из школы ребят и за день управился со всеми этими делами. Силы мои иссякли, доченька. Все было хорошо, пока был жив мой старик, ну, а теперь я осталась одна и стала беспомощной.

- Детей у вас нет? - осторожно поинтересовалась Айдан.

- Бог не миловал, доченька, - глубоко вздохнула старушка, - во время войны мы взяли на воспитание мальчика, оставшегося без родителей, но в пятнадцать лет, он вдруг заболел и за несколько дней угас на глазах. После этого сердце уже не лежало к другим детям.

Старушка всплакнула, но, заметив, что своим рассказом расстроила Айдан, быстро сменила разговор:

- Заходи в дом, дочка.

Айдан стало не по себе в этой маленькой комнатушке. По-

толок, стены, пол - от всего веяло одиночеством и заброшенностью. Сердце у нее сжалось. Ей стало безумно жалко за эту одинокую старушку, захотелось утешить ее, облегчить ей душу добрым словом. Но, не сумев подобрать нужных слов, она обняла ее, простилась и ушла.

Когда Айдан подошла к школе, ее ждала стайка девушек.

- Айдан ханум, мы хотим показать вам кое-что у въезда в село, - это была та самая сероглазая кудрявая девчонка. - Если вы не устали, следуйте за нами.

- Конечно, пойдёмте, разве можно устать в таком красивом месте? - обрадовалась Айдан.

Они стали подниматься вверх по узкой улочке. Когда последние дома остались позади, показалась небольшая рощица.

- Это тутовники. В наших краях трудно выращивать тутовые деревья, во всей зоне и двух-трех тутовников не насчитать. А вот Амиршах муаллим привез и посадил здесь не менее десяти видов этих деревьев. Говорит, пусть детвора лакомится ягодами. Правда, поспевают они у нас позднее, чем в других селах нашего района.

Сиддига, похоже, была разговорчивой девчонкой, она не давала подругам и слова вставить:

- Весной здесь бывает очень красиво. Вот бы вы в ту пору оказались в наших краях! Здесь наперебой поют соловьи, прилетают куропатки и дрофы. Распускаются цветы, каких вы в жизни не видели. У нас самый чистый воздух во всей округе. Знаете, почему? Из-за чудесного родника с вкуснейшей водой, которой никак не напьешься. Вокруг растут мята, чабрец и лилии. Однажды Амиршах муаллим собрал нас и привел сюда. Мы помогли ему застроить этот родник. Ребята и девчонки договорились между собой соорудить надпись "Родник Амиршаха". Видели бы вы, как учитель разозлился, когда узнал про это! Но, люди все равно стали называть источник его именем. Я все это говорю не просто так. После того, как директор нашей школы Шахбаз муаллим и руководитель совхоза прослышали о роднике, Амиршах муаллиму

житья не стало. Что ни день они придумывали повод досадить ему. В то время и возник вопрос о трубах. Сами ни на грош добра не сделают людям, может оттого такие завистливые.

Утопая по колено в снегу, Айдан с ребятами пришла на родник...

Время клонилось за полдень. Айдан успела встретиться и побеседовать со многими односельчанами Амиршах муаллима. Узнала о нем немало интересного. Отобедав, и распрощавшись со всеми, Айдан и Шариф, пустились в обратный путь.

- Очень устали? - спросил ее попутчик.

- Конечно, нет! Даже наоборот - всю усталость как рукой сняло.

- Часто бываете в разъездах?

- Не так уж и часто.

- По своей инициативе ездите или по поручению?

- По-разному бывает. Но, признаться, я командировки люблю, в таких поездках узнаешь о многом. Недаром ведь говорят, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

- Вы что-нибудь напишете об увиденном здесь?

- Разумеется!

- Интересная у вас работа, - искренне заметил Шариф.

- Да, работу свою я люблю. Иногда думаю, что бы я делала, если бы не стала журналистом. А ты чем занимаешься?

- Я механизатор, тракторист, сено кошу, зерно убираю.

- У тебя тоже интересная работа.

До села Гала они добрались затемно. Спускаться вниз было намного легче, чем одолевать горные перевалы. Поэтому Айдан не чувствовала усталости. Несмотря на увещания директора совхоза, вышедшего им навстречу из здания правления, девушка решила сразу же вернуться в Баку.

* * *

По возвращению, все еще находясь под впечатлениями от поездки, Айдан положила на стол редактору очерк, написан-

ный в рубрику "Нравственность". И стала с нетерпением ждать, когда же его опубликуют. Но, прошла неделя, а очерк все еще не напечатали. Попыталась успокоить себя тем, что, наверное, есть более важные материалы. Но неделя перешла в месяц, и по-прежнему тишина... Отчего-то в этот раз она не интересовалась судьбой своего очерка. Ей казалось, что заведи она об этом разговор с редактором, опять нарвется на неприятности.

Как-то Эльман заметил:

- Не могу понять, почему редактор так предвзято относится к твоим материалам? Публикацию столь актуального материала нельзя было откладывать ни на день. Читатель ждет именно таких материалов. Да к тому же, чтобы докопаться до истины, ты преодолела немалый путь.

После этих слов Айдан забеспокоилась, но все же решила не торопить события. Прошло еще немало времени, когда в редакцию вдруг явился аксакал и попросил встречи с Айдан. Она узнала в нем Амиршах муаллима. Радостно встретив гостя, она придвинула ему стул и начала расспрашивать о здоровье, о жене, о детях, об односельчанах.

- Я вижу, вы со всеми успели познакомиться, - улыбнулся тот.

Айдан не знала, как приступить к разговору о своей статье. Ей не хотелось расстраивать человека, приехавшего издалека.

- Я написала обо всем, как только вернулась, и сдала свой очерк редактору, но он еще не опубликован, - сказала Айдан виновато.

- Он и не будет опубликован! - Амиршах муаллим произнес это так уверенно, что девушка вздрогнула.

- Почему вы так думаете?

- Завроно вызвал меня к себе. Он сказал, что "договорился" с Габиль муаллимом. Материал не появится в газете.

- О чем вы говорите, Амиршах муаллим? Габиль муаллим не такой человек, чтобы обсуждать редакционные вопросы с

посторонними людьми. Не верьте всему, что говорят. Вот увидите, на днях моя статья выйдет. - Этими словами Айдан скорее хотела утешить себя, нежели своего собеседника. Ей вдруг вспомнился случай с Мурадом. Ее уверенность сменилась каким-то странным чувством, в котором она и сама не могла разобраться. Это чувство сделало ее такой слабой и беспомощной, что, казалось, она вот-вот расплачется.

- Айдан, доченька, я приехал выразить тебе благодарность, хотя и знаю, что статья не выйдет. Мне достаточно и того, что в поисках правды, ты, в лютую зимнюю пору верхом на лошади добралась в наше село.

Он крепко пожал ей руку. Простился с Эльманом, Гусейн муаллимом и ушел.

Спустя какое-то время, Айдан решила зайти к редактору.

- Я хочу узнать про судьбу своего материала.

- Присаживайся, что нового? - спросил Габиль муаллим. Видя, что та отвечает неохотно, достал из ящика стола какие-то бумаги. Задержал на ней испытывающий взгляд и сказал:

- Что-то ты слабину в последнее время даешь.

- Я вас не понимаю.

- Стала менее требовательной к себе. Прежде выступала с хорошими материалами, а теперь пишешь так, будто желаешь поскорее отделаться.

- Напротив, именно в последнее время я стала писать хорошие материалы. Если раньше я писала по заданию, то теперь больше по зову сердца.

- И поддаешься при этом эмоциям.

- Может быть, - Айдан решила не спорить.

- Статья у тебя слабая, факты собирала на ходу, а героя своего и в лицо не видела когда писала.

- Это такая тема, что надобности видеть героя не было.

- Один факт и вовсе искажила, я имею в виду то, каким образом наш герой повредил себе ногу. Про Амиршаха гово-

рят, что он заглядывался на женщин, из-за чего его и побили. С тех пор он так и волочит свою ногу.

Айдан не могла поверить своим ушам, от неловкости она покраснела и побледнела, будто эти оскорбительные слова были адресованы ей.

- От вас я не ожидала! - сказала она сдавленным от злости голосом.

- Я это говорю не "с потолка". Завроно направил в редакцию официальный документ.

- Значит, Амиршах муаллим был прав. Я не поверила, когда он мне сказал, что материал не опубликуют в газете.

- Почему Амиршах приходил в редакцию? - редактор вышел из себя.

- Как это почему? Разве редакция не открыта для читателей, для тех, у кого имеются жалобы? Он как один из них, интересовался судьбой своего письма.

- Кто дал тебе право раскрывать посторонним внутренние секреты? - редактор пошел в наступление. Это был его излюбленный прием.

- Для начала, и малышу ясно, что это не секрет. Каким образом, жалоба, присланная в редакцию, может быть секретом? Во-вторых, вы сами раскрыли редакционную тайну. Для вас мнение завроно Эльхана Акперова важнее, чем позиция редакции. Я в этом уже убедилась. Прошу вас вернуть мне мой материал.

- Нет, материалы, отданные редактору, обратно не возвращаются.

- Ну что ж, на здоровье, не возвращайте.

Айдан с такой силой хлопнула дверью, что слетел кусок штукатурки со стены. Редактор прокричал ей вслед:

- Осторожней надо закрывать дверь, капризы свои оставишь дома!

Когда Айдан появилась в отделе с поникшим лицом, все уставились на нее. Она, не подавая вида, что расстроена, прошла на свое место, как ни в чем не бывало. Взяла ручку

и начала писать заявление на имя редактора: "Поскольку я не согласна с вашей позицией, прошу освободить меня от занимаемой должности". Затем в шутку изобразила, словно ведет репортаж:

- Да, товарищи. Айдан после длительной борьбы сдалась и отступила, решив уйти с работы.

Все молча смотрели на нее. Никто не осмеливался что-то сказать. Гусейн муаллим нарушил тишину:

- О чем ты говоришь?

- Ухожу с работы, уважаемые коллеги по отделу, ухожу навсегда.

- Что, опять разругались? - спросил Эльман.

- Да, Эльман муаллим, так оно и было, но это в последний раз. Больше не хочу быть марионеткой в руках у редактора.

- Ты твердо решила?

- Конечно, вот мое заявление. Счастливо оставаться, простите, если кого-то обидела.

Эльман встал и хотел что-то сказать, но Айдан опередила его:

- Не нужно, ничего не хочу слышать. Я уже вышла из того возраста, когда нуждаются в наставлениях. Я и сама могу быть советчицей. - Айдан взяла пальто, закинула на плечо сумку и вышла из комнаты.

Она оставила свое заявление секретарше и выбежала на улицу. Никого не хотелось видеть. Сейчас больше всего боялась неожиданной встречи и разговора с кем-то из своих знакомых. У нее не было сил ни говорить, ни слушать. Поэтому не пошла привычным для нее маршрутом от издательства к дому, а направилась через улицу, по дворам пятиэтажек. На сердце была звенящая пустота.

Ни о чем не думалось. Казалось, что вместо сердца у нее в груди был воздушный шар, который мог в любой момент лопнуть. Ее сейчас очень занимал вопрос о том, какую боль может вызвать лопнувший внутри человека шар. Вспомнился Винни Пух. Губы тронула улыбка: "Может быть, на него я и похожа?" Представила себя такой же круглой и неуклюжей,

как тот медвежонок.

Она медленно шагала по тихим улицам, не зная, куда и зачем идет. Ни замедлить шаг, ни остановиться она не могла. Пройдя перед университетом, она завернула в парк возле здания Академии наук. Здесь ощущалась атмосфера совершенно иного мира. Повсюду в Баку царила суровая зима, а тут веяло дыханьем весны. Всюду перекликались птицы, которых она видела впервые и не знала их названий. Айдан очень любила прогуливаться в этом саду. Здесь над каждым кустом и деревом потрудился Насир муаллим, весь парк был обустроен его руками. Вот этот высокий куст "Сибирской красавицы" первым распускается в Баку по весне белыми с розоватым отливом цветочками. Ароматом его цветов невозможно надыхаться. Все знали, что Насир муаллим завез его откуда-то издалека. Айдан улыбнулась, заметив бутоны "Сибирской красавицы" среди вечнозеленых листьев.

"Раскроются через пару дней", - с грустью подумала она. Рядом какое-то растение стелилось по каменной ограде. На нем тоже красовались бутоны. Она вспомнила, как два-три года назад, высаживая эти кустики, Насир муаллим рассказывал:

- У этого цветка трудное название, а я его называю "Каменный цветок". Через год, глядишь, покроет камни, да и как расцветет - залюбуешься.

Насир муаллим оказался прав. Ровно через год со всех сторон народ приходил любоваться красными гроздьями "Каменного цветка".

Айдан прошла за здание. Тут размещался знаменитый фруктовый сад Насира муаллима. Она хорошо помнила историю его появления. Раньше этот участок был завален камнями и прочим строительным мусором. Когда Насир муаллим решил очистить, привести в порядок и превратить в сад этот участок, то нашлись и такие советчики, которые мало того, что отказывались помочь, но и всячески пытались его отвести от этой затеи. Но, тот от своего не отступил, очистил участок, вскопал всю территорию. Затем раздобыл где-то удобре-

ния, посадил первые деревца и стал ухаживать за ними, как за детьми.

В следующем году на столицу налетел ветер невиданной силы. Он сломал двадцать хрупких саженцев. Но это не сломило духа Насир муаллима. На месте прежних деревьев он высадил новые. Спустя несколько лет садик превратился в излюбленный уголок отдыха для работников академии. Садовник часто угощал их персиками, черешней и абрикосами, созревающими здесь. Вскоре все привыкли к маленькому ботаническому саду. И как это часто бывает в жизни, когда деревья подросли и стали приносить хороший урожай, садовника сняли с работы. Когда? Айдан стала вспоминать: "Да, в прошлом году, такие вот дела".

Айдан вдруг стало до боли обидно за него. Ей никогда еще не приходилось видеть этого доброго и общительного человека павшим духом или обозленным. Не знавший, да и не ожидавший никакой благодарности за свой труд старик умудрялся оставаться приветливым при всех невзгодах судьбы. Айдан всегда поражалась его безграничному жизнелюбию. Знала она и то, что при всем этом он был очень чувствительным и ранимым человеком.

Вдруг подумала: " Я напишу статью про Насир муаллима. Это будет необычный материал, я раскрою скрытые черты его характера, расскажу о его стремлениях и мечтах. Обычно при первом знакомстве с людьми кажется, что жизненный путь у них гладок и прост. Думаешь, что и он живет, как все, греясь под солнцем и промокая под дождем. Но, узнаешь поближе, поговоришь по душам и поражаешься, какой необычный человек. Не можешь себе простить, что раскрыл его так поздно. Только случайно ты узнаешь обо всем, и этой случайности должен быть благодарен..."

Айдан так увлеклась обдумыванием своей будущей статьи, что грусть и печаль сами собой незаметно улетучились.

8.

При виде сидевшего на верхней ступеньке лестницы Мурада, она застыла, не зная, что предпринять. Поздороваться с ним или нет? Заговорить или пройти с безразличным видом? Уставшая, она тяжело поднялась по лестнице, печально взглянула на Мурада, проходя мимо, отворила замок и зашла в квартиру, оставив дверь приоткрытой.

За ней вошел и Мурад, не дожидаясь приглашения. Сестр он не решился, чувствовал себя неловко. Айдан же по обыкновению поставила на кухне чайник, включила в комнате телевизор и устроилась на диване. Мурад прошел и сел за столом. Они старались не смотреть друг на друга. Отводили глаза, когда их взгляды вдруг пересекались. Так, ни о чем не говоря, они смотрели телевизор в тяжелом, затянувшемся молчании. Когда засвистел чайник, с плеч Айдан будто свалился тяжелый груз, она неторопливо пошла на кухню, заварить чай.

Медленно и терпеливо, а не второпях, как обычно, она обдала кипятком фарфоровый чайник, всыпала в него сухой чай и залил его горячей водой, поставила завариваться на медленном огне. Затем добавила щепотку гвоздики, подержав немного, сняла чайник с плиты. Достала конфет, варенья, разлила чай по стаканам и положила на поднос. Все это она делала не спеша, чтобы выиграть время, рассудить, принять решение. Но, так ни к чему и не пришла, собраться с мыслями не получалось. Взглянула на часы, - прошло всего 10 минут, как она вышла из комнаты. Время, словно замедлило свой привычный ход.

Она поставила стакан с чаем перед Мурадом и села напротив него за столом. Они пили чай, не глядя друг на друга, не решаясь прервать молчание. Будто того, кто первым заговорит, ждало наказание. Вдруг Мурад поперхнулся чаем, чем нарушил в комнате тишину. Он покраснел, смутившись своей неловкости.

Айдан вспомнила про детские годы. Ее брат Этибар был чаехлебом. Он проглатывал чай так шумно, захлеб, и это

выводило Айдан из себя. Они часто ссорились из-за этого. Как-то Этибар налил себе чаю и стал пить осторожно и тихо, чтобы не разозлить сестру. От чрезмерного усердия он непроизвольно сделал шумный глоток и так из-за этого расстроился, что Айдан весело расхохоталась над ним. К ее смеху присоединился и он сам. Они хохотали так, что на шум вышли отец с матерью.

- Что случилось, почему вы смеетесь? - спросила мать. Айдан хотела объяснить причину, но никак не могла удержаться от смеха. Что-то хотел сказать и Этибар, но и он давился смехом.

- Вам только палец покажи, будете смеяться, - сказала мать и ушла. Брат с сестрой никак не могли успокоиться. До сих пор, вспоминая тот случай, их каждый раз разбирает смех.

Теперь, когда Мурад, поперхнувшись, напомнил ей брата, на лице у нее заиграла улыбка. Он заметил это, но не осмелился что-то сказать. Айдан собрала стаканы на поднос, понесла в кухню и долго не появлялась.

Мурад, обеспокоенный ее затянувшимся отсутствием, пошел за ней. Обняв ее сзади за плечи, притянул к себе. Она не стала сопротивляться. Постояв какое-то время молча, Айдан высвободилась из его рук, прошла в комнату и начала поливать цветы. Мурад, немного погодя, забрал графин у нее из рук, поставил на стол, усадил ее на диване, рядом с собой:

- Видно ты зареклась не говорить со мной.

- ...

- О чем молчишь? Тебе нравится меня мучить?

Айдан уставилась на него печальным взглядом, но ничего не ответила. Мурад сжал ее руки в ладонях и поднес к своим губам. Айдан вдруг расстроилась, но взяла себя в руки, чтобы не расплакаться. Она неловко чувствовала себя рядом с человеком, с которым сблизилась, которого полюбила, и который в мгновение ока стал для нее таким чужим.

Она питала к нему и любовь и ненависть. Ее и радовало и мучило его присутствие. Ей хотелось, чтобы он ушел, но и боялась она этого тоже. Ее злили собственные колебания и нерешительность. Близость Мурада, его взгляд, исполненный сострадания растопили ее напускное безразличие и равнодушие. Айдан хорошо понимала, что побудь она еще немного рядом с Мурадом, от ее самообладания не останется и следа, она растает от его нежности как воск. Вдруг вспыхнуло воспоминание о той красивой женщине. Она представила Мурада рядом с ней.

- Ты обманул меня. Любишь другую, а не меня. Ты играл моими чувствами. Никто бы такого не сделал, но ты...

Айдан все это выпалила с нескрываемой обидой. Мурад хотел было возразить ей, но она не дала ему и слова вставить:

- Молчи, и не пытайся оправдываться. Не нужно меня убеждать в том, что у тебя с ней ничего не было. Мне все известно.

- О чем ты говоришь?

- Я знаю, что вы часто встречаетесь, что любите друг друга.

- Ты лишь можешь знать, что мы видимся, но любви у меня к ней нет.

- Не понимаю, как можно встречаться, если не любишь? Не смей мне лгать, - Айдан вышла из себя.

- Я не обманываю. Я и сейчас поддерживаю с ней отношения, но мы оба знаем, что это обычная привязанность, и не более. Она не замужем, я холост. Не забывай, что я не ребенок, мне уже за сорок.

Мурад говорил громко, чуть ли не срываясь в крик, но вдруг успокоился и, подумав о чем-то, понизил голос.

- Значит, каждый раз, уходя отсюда, ты шел к ней? Ты обнимал ее руками, которыми обнимал и ласкал меня? Касался ее губами, которыми целовал меня? Я не могу представить,

не могу понять, как в одном сердце могут уместиться две любви, - Айдан изливала накопившиеся за все это время в душе обиды и горечь, но это не приносило ей облегчения.

- Успокойся, Айдан, прошу тебя. Возьми себя в руки, дай мне все тебе объяснить.

- Что ты мне будешь объяснять, как вы с ней играли в любовь? - дрожала от злости Айдан. - Прошу тебя, уходи, забудь обо мне навсегда!

- Что ты говоришь? Тебя забыть? Как это могло прийти тебе в голову? Я все сделаю, все что угодно, но только не это.

- Ты не то говоришь, опять обманываешь, я больше тебе не верю. Если бы ты любил меня, ты бы не ходил к ней. Что за колдовские чары, что за сила притяжения тебя к ней влекут? Я почувствовала это сразу же после нашей первой встречи в Баку. Теперь чувствую угрызения совести, вспоминая, как мирилась с этим. Тогда я была словно помешанная, день и ночь думала о тебе, ничто в голову больше не лезло. Через несколько дней после твоего отъезда я позвонила в район, к тебе на работу. Мне сказали, что ты еще не вернулся из Баку. Вот тогда сомненья впервые и запали мне в душу. Но, я была в тебя влюблена, впервые мой мозг затуманила любовь, я и подумать не могла о том, чтобы поссориться с тобой. После второго твоего приезда, когда ты вдруг ушел, у меня сердце сжалось от боли. Все стало ясно в тот день, когда я увидела тебя с той женщиной. Я укрادкой преследовала вас, видела, как вы вместе вошли во двор. Мне казалось, что мое сердце вот-вот разорвется, я не справлюсь с горем. Но, как видишь, я жива, ничего со мной не случилось.

Айдан утерла тыльной стороной ладони, катившиеся по щекам слезы и, хотя в душе корила себя за безволие, радовалась тому, что излила все накипевшее. "Нужно все прояснить, легче расстанемся", - подумалось ей. О расставании она подумала впервые. Как же тяжело было осознавать,

что эта истина находится всего в нескольких шагах от нее. Она пристально посмотрела на Мурада. Ее странный взгляд привел его в недоумение.

- Что ты на меня так смотришь?

Она не ответила. Мурад признался:

- Я виноват только в одном. В тот день я видел, что ты следила за нами, только притворился, что не заметил. Меня даже радовало, что ты видишь нас. Мне хотелось заставить тебя ревновать. Думал, что полюбишь меня сильнее, еще больше привяжешься ко мне. Только потом я понял, что допустил непростительную ошибку.

Когда увидел тебя с тем светловолосым парнем, я готов был расплакаться и просить у тебя прощения. Но так и не решился подойти, заговорить с тобой.

- Так, значит, ты меня видел, да? - не поверила Айдан его словам, - значит, знал, что я иду следом, разрываюсь от боли и сознательно допустил этого? - Она всхлипнула. - Меня еще никто так не унижал.

- Прости, Айдан, прости, если можешь, дай мне загладить свою вину. Я и сам знаю, что провинился.

- Нет, я никогда тебя не прощу, ты это знаешь. Мы расстанемся. Ты забудешь и меня, и мой телефонный номер, и дорогу к моему дому. Как будто и не знал меня никогда.

- Не говори так, Айдан, - Мурад был потрясен и растерян, не знал, что делать, как переубедить Айдан, - ты твердо решила?

- Конечно! - она сказала это так, что Мурад склонил голову на изголовье дивана и закрыл глаза. Он буквально замер. Айдан выключила телевизор и включила магнитофон. В комнате разлилась грустная мелодия.

*Немало девушек, прости меня,
Я в этой жизни проводил,
Но даже самую красивую...*

Айдан тоже закрыла глаза, облокотившись об изголовье дивана, и может, в сотый или тысячный раз оживила в памяти самую дорогую для нее, самую лучшую пору жизни, тот прекрасный вечер, проведенный с Мурадом год назад. Те мгновенья отложились в памяти, как самые счастливые в жизни. Тогда впервые ветер любви пронизал все ее существо, затуманил голову, даря ранее неведомые чувства. Тогда она была счастлива, впервые поверила, что впереди ее ждут дни, полные любви, что находящийся рядом с ней человек подарит ей необыкновенное блаженство, в котором и пройдет ее жизнь. Но, век этого счастья оказался столь же коротким, как порывы любви: "Скоро он уйдет, и все закончится, мы больше никогда не увидимся".

Айдан открыла глаза и взглянула в лицо Мураду, сидевшему в шаге от нее, но такому далекому. Ее растрогало его исхудавшее лицо. Она вздрогнула.

"Ведь я же его люблю, уже никогда, ни к кому не привяжусь так сильно. Почему же я так поступаю?"

От неожиданного чувства вдруг улетучилось ее прежнее настроение, решимость и злость.

*Но даже самую красивую
Все ж, как тебя, не полюбил...*

Голос поющего разьедал сердце пронзительной болью, предупреждая о невыносимости возможного расставания. Злость Айдан сходила на нет, как начинают стихать разыгравшиеся на море волны.

Странное спокойствие Мурада, его хладнокровное молчание растворили последние остатки ее злости. Вдруг она подошла и прижалась к нему.

- Ты единственный, кого я любила, - и добавила шепотом, - я люблю тебя, с ума по тебе схожу, но никогда не прощу. Ты слышишь, никогда!

Оба молчали в тишине, под стук двух сердец, который, казалось, был громче тиканья часов, висевших на стене.

Потом Айдан подняла Мурада за руку с дивана:

- Теперь иди.

- Не могу, ноги не слушаются.

- Уйдешь, нет ничего невозможного.

- Может, передумаешь?

- Никогда!

- Ну, прощай.

Вдруг Мурад крепко сжал ее в объятиях. Айдан не стала сопротивляться, закрыла глаза и отдалась его воле. Горячие губы Мурада обжигали ей лицо. Наконец она вывернулась из его объятий, распахнула дверь и вывела его за руку наружу.

Они стояли лицом к лицу: она по эту сторону двери, он - по ту. Вскоре Мурад спустился по лестнице и ушел. Айдан, обессиленная, опустилась на пол.

9.

Уже больше недели Айдан не выходила из дома. Собственно, ей и некуда было выходить. Она еще не оправилась от последовавших один за другим двух ударов судьбы. Глубокие рубцы оставили в ее душе, с одной стороны расставание с Мурадом, а с другой, уход с работы. Дома она ничем не могла заниматься, душа ни к чему не лежала. Кончился хлеб, купленный еще неделю назад, а сходить в магазин не было сил. От голода и пережитых волнений она исхудала, постоянно кружилась голова.

Целыми днями она лежала на диване и читала книги одну за другой, на что раньше не хватало времени. Это было ее излюбленным занятием, и жизнь предоставила ей возможность возвратиться к нему. Хотя бы на время удавалось забыть свои горести, сопереживая героям произведений. Но, как только дочитывала очередное из них, к ней вновь возвращались боль

и пустота. Один и тот же абзац порой приходилось перечитывать по несколько раз из-за рассеянности мыслей.

Перед глазами оживали воспоминания, связанные с детством. До пятого класса ее невозможно было усадить за учебу. С утра и до вечера она бегала, играла и забавлялась во дворе с детворой, еле выкраивая несколько минут на выполнение школьных заданий. Как-то ночью она проснулась на всхлипыванья старшей сестренки. Та горько плакала, сидя в своей постели.

- Что с тобой? - удивилась Айдан.

Вафа не отвечала, продолжая плакать. Мать, пришедшая на шум, взяла у нее из рук тоненькую книжку, прочла название и спросила:

- Ты расстроилась из-за смерти Туту?

Наутро Айдан из любопытства решила прочесть "Чернушку" Сулеймана Сани Ахундова. Судьба девочки так ее захватила, что оторваться от чтения было невозможно.

Когда Айдан дошла до эпизода смерти Туту, слезы закапали на книжку. Чтобы никого дома не побеспокоить, она спустилась во двор, легла ничком на траву под старым тутовником и заревела. Туту еще долго не выходила из головы Айдан, несчастная Чернушка являлась ей и во сне. Все недоумевали, видя жизнерадостную Айдан, вдруг притихшей и задумчивой.

С тех пор книги стали лучшими друзьями Айдан. Она брала в библиотеке кучу книг и, спешно сделав уроки, погружалась в чтение. Захватив бутерброд с сыром, пару яблок, устраивалась, поджав под себя ноги на подоконнике в маленькой комнате и читала допоздна.

- Нельзя столько читать, испортишь зрение, - ворчали родители.

Впоследствии книги стали неотъемлемой частью ее жизни. Она не расставалась с ними ни на минуту. Лишь когда устроилась на работу в редакцию, занятость уже не позволя-

ла уделять чтению много времени. Служебные задания, просмотр периодики, вдобавок еще и командировки отнимали все время. Порой она шутила, что если ей выдастся хотя бы один свободный месяц, пусть ее нигде не ищут, она закроется дома и будет читать вдоволь. Теперь, наконец, ей представилась такая возможность.

Зазвонил телефон. В трубке зазвучал голос Эльмана:

- Ты что, отключала телефон?

- Да.

- А теперь почему включила?

- Не знаю.

- Почему не приходишь за деньгами?

- Уже можно?

- Давно.

- Тогда я зайду завтра.

- Ждем.

Она повесила трубку и почувствовала, как сердце вновь сжалось. Эльман позвонил, будто для галочки. Ее задела холодность бывшего коллеги. А ведь она привязалась к нему за эти годы, относилась с большим уважением, несмотря на небольшую разницу в возрасте, доверяла ему, прислушиваясь к его советам. Теперь Айдан была вынуждена с досадой признаться себе, что в последнюю неделю она ежечасно, ежеминутно ждала телефонного звонка или стука в дверь. Ей казалось, что ее уход с работы потряс если не всех в редакции, то многих, думала, что будут уговаривать вернуться. Надеялась, что телефонным звонкам не будет отбоя. Собственно, поэтому она и отключила телефон. Нет, нет, вовсе не для того, чтобы ее не беспокоили. Просто не хотелось, чтобы по телефону спрашивали, как она себя чувствует, выражали ей своего рода "соболезнования".

Она с нетерпением ждала, что вот-вот постучатся в ее двери и шумно ворвутся в дом друзья-журналисты. Она очень нуждалась в утешении, в добром слове товарищей. Но,

прошла неделя, началась вторая, никто о ней не справлялся, не вспоминал. Айдан, привыкшей всегда находиться в центре внимания, тяжело было смириться с одиночеством. В такой ситуации она оказалась впервые. Столкнувшись с реальностью, она осознала, что в жизни есть вещи, о которых она и не подозревала.

Захотелось отвлечься от тяжелых мыслей, занять себя чем-то хорошим, но из этого ничего не вышло. Возвращаться к недочитанной книге тоже не хотелось. В голове вертелось: "Что со мной происходит? Неужели я такой плохой человек? Может быть, я действительно в чем-то провинилась, может у меня много грехов? Почему все меня предают? Наверное, я себя не знаю, окружающие знают меня куда лучше".

Посмотрела на часы: 16²⁰. Сегодня уже поздно идти в редакцию. Как же дождаться завтрашнего дня? Какая-то невидимая сила тянула ее в редакцию. Пойти за расчетными деньгами - было лишь поводом. На самом же деле хотелось увидеться с коллегами, узнать, чем они живут, услышать несколько добрых слов, а самое главное - убедиться в том, что они не безразличны к ней. В глубине души ей верилось, что так оно и есть. Хотелось верить в то, что не беспокоили ее лишь для того, чтобы дать ей время одуматься, понять, что такое одиночество, принять верное решение. Утешая себя подобным образом, Айдан стала дожидаться утра.

Утром в 10⁰⁰ она уже была в редакции. В коридоре - никого, в комнатах тихо. Только слышно, как безостановочно стучат пишущие машинки. Все в отделе были на своих местах. Эльман правил чью-то статью, как всегда, опустив очки на кончик носа. Гусейн муаллим и Самир просматривали утренние газеты.

- Доброе утро, бывшие коллеги, - Айдан старалась выглядеть веселой. Все трое приветливо поздоровались с ней. Затем, как водится, начались расспросы.

- Значит, уходишь с работы? - спросил Самир, что прозвучало

чало как обыденная фраза типа "А ты завтракала?"

- Да, ухожу.

- Напрасно уходишь, думаешь, легко найти работу?

Она не ответила. Сняла с плеча дорожную сумку и стала собирать в нее блокноты, книги, папки из ящиков стола.

- После твоего ухода мы не сможем сидеть в этой комнате, - сказал Гусейн муаллим, встал и вышел.

- Он прав, мы к тебе очень привязались.

- Незаменимых у нас нет, - сказала Айдан с укором, но Самир, кажется, этого не понял или сделал вид, что не понял. Вскоре и он вышел из комнаты.

Айдан осталась одна с Эльманом. Она притворялась, что занята, стараясь не смотреть в его сторону. Завотделом так и не проронил ни слова. Это ее выводило из себя. Она будто нечаянно обронила на пол толстый словарь со стола и нагнулась, чтобы поднять его.

Эльман встал с места и начал расхаживать по комнате. Затем он приблизился к ней и сказал:

- Если б ты знала, как я радуюсь, что ты уходишь.

Она не поверила своим ушам.

- Я не шучу.

- Даже так! - она нервно запихнула книгу в свою сумку.

- Не злись, Айдан, выслушай меня, после чего сделаешь выводы. Во-первых, я знаю, что редактор к тебе неравнодушен. Собственно, все в редакции это знают.

- Что? Что вы говорите? - у нее от удивления чуть не отнялся язык.

- Да, все говорят. Никто тебя не осуждает, знают, что ты терпеть его не можешь. Но, во всяком случае, слухи такие есть. Во-вторых, Габиль - мерзкий, недостойный человек. Лучше поискать себе другую работу, чем работать с таким руководителем. Нас ты в расчет не бери, мы провели здесь полжизни, а у тебя все еще впереди, тебя с удовольствием примут на работу.

Он смолк и уселся на стуле перед ней, чтобы видеть, какое впечатление производят на нее его слова. Она слушала, ничего не отвечая.

В комнату вошли Октай с Тахмазом, а за ними Ваджиба, Севиль и Тамилла. Тахмаз опустился на колени перед Айдан и начал петь свою заученную песню, как всегда любил это делать:

*Душу, ты похитила мою,
Присмотрись,
Не уходи, молю тебя,
Остановись,
Знай, суть любви в тебе
Затаена,
Природою ты так прекрасно
Сотворена.
Ты, воркуя горлицей,
Меня лишила языка...*

Последние слова Айдан обычно переиначивала на свой лад:

*Язык у меня острый,
Не забудешь никак.*

Но на этот раз она махнула рукой и вышла из комнаты, вернулась с наполненным водой чайником, и стала поливать растения.

- Не забывайте ухаживать за моими цветами, - она оглянулась на Эльмана.

Игривое настроение Тахмаза улетучилось.

- Айдан, ты напрасно уходишь, - сказал он, - зачем лишаешь себя теплого местечка из-за какого-то идиота?

- Так нужно, Тахмаз бек, - она грустно улыбнулась.

- Эх, подружка, твое место будет пустовать, - всхлипнула Севиль.

- Мы будем скучать по тебе, - обняла ее Тамилла.

Вскоре почти вся редакция собралась в их отделе. Никто не собирался уходить, хотя уже наступило время обеденного перерыва. Говорили о том, о сем, пытались развеселить Ай-дан. Она слушала и с грустью думала: "Вот и воздают мне последние почести". Получив в бухгалтерии на пятом этаже расчетные деньги и приняв у заведующей редакцией свою трудовую книжку вместе с личным делом, Айдан вернулась в комнату. От прежнего шума и веселья не осталось и следа.

Только хотела закинуть за плечо сумку, как Октай тут же подхватил ее за руку.

- Глянь, какой заботливый, - подшутил Тахмаз. Но, в его словах особой радости на этот раз не было.

- Ладно, счастливо всем оставаться, не провожайте меня, - сказала Айдан и вышла.

Рабочее место, ставшее для нее родным за последние три года, больше не грело душу. Захотелось поскорее уйти, убежать отсюда.



ЭПИЛОГ

- Айдан, здравствуй.
- Здравствуйте, Эльман муаллим, приятно слышать ваш голос.
- Как у тебя дела?
- Все нормально.
- Привыкла к новому коллективу?
- Конечно, год - это немалый срок.
- Я очень рад за тебя.
- Эльман муаллим, к добру ли столь ранний звонок?
- Хочу кое-что тебе сказать. Обещай, что не примешь близко к сердцу.
- Обещаю.
- Мурад Алиев умер.
- Что? - она не могла поверить своим ушам, - что вы сказали?
- Возьми себя в руки, Айдан.
- Откуда вы знаете?
- Оказывается, он лежал в больнице в Баку, в отделении у моего друга Махира. От последнего инфаркта скончался сегодня, его увезли в район.
- Давно он болел?
- Да, три месяца пролежал в больнице.

Айдан больше ничего не спросила, положив телефонную трубку, схватилась руками за голову. Она растерялась от этой неожиданной вести и не знала, как поступить. Взяла листы с почти завершенной статьей, разорвала посередине и стала рвать на куски.

Она проделала это машинально, а когда опомнилась, было уже поздно, - клочки бумаги лежали в урне. Затем задела чашку на столе, которая упала на пол и разлетелась вдребезги. На шум обернулись товарищи по отделу Алима ханум и Салман. Айдан виновато улыбнулась и собрала с пола осколки. Хотела набрать чернил в авторучку, но они разлились на стол. Пошла за тряпкой к шкафу в углу, но в глазах у нее по-

темнело, она еле успела добраться до стула.

Айдан словно впала в небытие и кружилась, как воздушный шар на ветру. Как ни пыталась, не могла достать ногами земли. Задышалась от жары и духоты, но не решалась расстегнуть ворот своего платья. Казалось, поменяй она положение рук, пала бы ничком на острые камни. Вдруг ей стало не хватать воздуха, правой рукой она хотела расстегнуть пуговицу платья на груди, но, потеряв равновесие, упала.

- Салман, живо, вызывай скорую! - голос Алимы донесся до нее как из другого измерения. Айдан из последних сил открыла глаза, но ее отяжелевшие веки захлопнулись вновь. Она снова впала в забытие.

В нескольких шагах от нее в землю был вбит железный прут, но, как не пыталась, дотянуться до него рукой не получалось. Взяв себя в руки, притянулась к пруту и изо всех сил ухватила пальцами за него. Наконец, после всего ощутила землю под ногами, обрадовалась, что не висит вниз головой, сделала шаг...

- Пришла в себя, - пожилая женщина в белом халате держала руку на ее пульсе. Айдан почувствовала боль в правой руке, наверное, в месте укола. Алима, стоявшая рядом, обняла ее и поцеловала в макушку:

- Напугала же ты нас.

- Наверняка, пережила тяжелое потрясение, - сказала врач.

- Ничего страшного, все пройдет, отлежишься два-три дня, и тебе полегчает. Только не бойся, ничего серьезного, - врач взяла свою сумку, попрощалась и ушла. Алима ханум и работники других отделов, собравшиеся на шум, стали уговаривать девушку отправиться домой.

- Не беспокойтесь, мне уже лучше, - отказалась Айдан. До конца рабочего дня она пыталась занять себя писаниной. На деле же просто выводила бессвязные слова, чтобы показать, будто занята делом.

Вечером, когда все ушли с работы, она надела плащ и

вышла на улицу. Темнело. Ей было тоскливо. Не заметила, как очутилась на автовокзале.

- Автобус приедет через час, - отчеканила кассирша в окошке, даже не взглянув на нее.

- А когда прибудет на место назначения?

- Завтра днем, к часу.

Айдан прошла в зал ожидания и села на скамейку. Напротив нее на стене висели большие часы. Она стала так внимательно следить за движением часовых стрелок, будто в мире не было ничего более существенного и важного. Ей не думалось ни о чем, в голове была пустота. После неожиданного утреннего звонка Эльмана она словно впала в забытие и делала все неосознанно. Она даже не заметила, как очутилась в этом холодном зале ожидания. Через час ей предстояло сесть в комфортабельный "Икарус" и отправиться в путь.

"В автобусе будет тепло, как сяду на свое место, откину голову на спинку сиденья и засну", - подумалось ей. Глаза слипались, хотя она и выспалась хорошенько за минувшую ночь. Все сидевшие напротив, уставились на нее. В голове пронеслось: "Интересно, почему они так на меня смотрят? Может, что-то привлекает их в моей внешности? Может, кажется странным, что я готова тут заснуть на скамейке?"

Веки так отяжелели, что не разлепить.

- Доченька, автобус трогается, - осторожно поддела ее под локоть женщина, которая сидела напротив и пристально смотрела на нее. И добавила, оправдываясь, - ты крепко заснула.

- Уже объявили посадку? - спросила Айдан.

- Да, иди, займи свое место, не то опоздаешь.

Автобус тронулся в путь. Рядом с ней место пустовало. Она положила сумочку на колени, съежилась в плаще, спрятав руки в карманы. Едва закрыв глаза, она тут же уснула.

Проснулась, когда теплые лучи солнца косались ее глаз. Голова прояснилась после крепкого сна, кажется, прошло вчерашнее состояние. Сердце постепенно стала охватывать глубокая тоска. Айдан только теперь начала осознать маш-

таб неожиданной утраты, о которой боялась даже подумать. Ужас охватывал ее от мысли, что Мурада уже нет в живых, что она больше его не увидит, не услышит его голоса, не почувствует его тепла.

За этот год она пыталась забыть Мурада, приучила себя не вспоминать о нем. Но, в самые горестные, самые радостные мгновенья Мурад незванным гостем стучался ей в сердце, напоминая, что он где-то здесь, поблизости. Хотя она усердно отгоняла отголоски печальной любви, они напоминали о себе вновь и вновь. Почему-то она была уверена, что время все расставит по местам. Придет день, и она забудет Мурада, удивляясь тому, что когда-то была им увлечена. И только после той ужасающей вести впервые призналась себе, что ни дня, ни часа, ни минуты не переставала его любить. Самым мучительным было то, что вместе с той любовью в сердце росла и надежда, что судьба когда-нибудь вновь их сведет. Может быть, с этой мыслью она и жила, радуясь ей втайне от себя. Теперь и она, эта прекрасная надежда исчезнет вместе с Мурадом, уйдет в никуда.

Айдан попыталась представить Мурада мертвым, но, как ни старалась, не сумела ощутить на его лице дыхание смерти. Ей не удавалось даже мысленно приблизить к нему смерть, представить застывшим, недвижимым этого неутомимого человека с его милой приятной улыбкой.

- Приехали, - сказала полная пожилая женщина, сидевшая позади нее.

Айдан сошла с автобуса и пешком направилась к центру города. Она не знала адреса Мурада, поэтому решила спросить в больнице. Уже на подходе к зданию больницы она увидела похоронную процессию. Кто-то впереди нес большой портрет. Это был портрет Мурада. Айдан так и застыла на месте, будто пораженная молнией, в груди заняла ужасающая боль. Чтобы не потерять равновесие, она ухватилась за фанерный столб. Процессия шла, приближаясь к ней. Мурад смотрел с фотографии прямо на нее большими, улыбающи-

мися глазами. Айдан будто пригвоздило к земле, она не могла и шагу ступить.

Вдруг она словно очнулась, растерянно оглянулась, отвернулась от приближавшейся процессии и пошла в противоположную сторону, к саду при районной больнице. Когда открыла калитку и зашла, вздрогнула, увидев кучу камней на месте фонтана, увитого плющом, как было два года назад. Не осталось следов и от аллеи из роз, что вела к зданию больницы. Засыпало землей тропинки с травой, которые она видела тут в свое время. Увяла былая красота в саду. Какой-то старик пас овец. Ограда разрушилась в нескольких местах. Не было и скамеек вдоль аллеи, где раньше росли цветы.

Айдан удивленно озиралась вокруг, пытаясь понять, как мог прийти в столь печальное запустение такой прекрасный сад. Его будто сглазили. Как же легко разрушить, убить красоту. Кто же довел до такого состояния это чудо, над которым так дрожал Мурад? Он ведь не для себя его создавал. Много раз она обошла вдоль и поперек участок бывшего сада.

К чувству сожаления примешался и гнев. Решив покинуть руины на месте бывшего сада, Айдан посмотрела на часы - без малого четыре. Процессия прошла на кладбище два часа назад: "Значит, уже похоронили"... Она направилась на кладбище.

Оно было расположено в конце леса, в старом фруктовом саду. Открыв калитку, Айдан прошла вовнутрь. Теснились один к другому надгробия из черного и белого мрамора, дерева, камня. Здесь тоже все было, как и в жизни: богатые и бедные могилы. Очень скромно смотрелись могилы с надгробиями из простого камня рядом с помпезно высокими памятниками. Одни могилы заросли цветами, другие поросли травой и ветшали под колючим кустарником. Она подумала, что могилы как люди: одни - на виду, их - помнят, а другим суждено забвение.

В сторонке под высоким тутовником увидела свежую могилу и приблизилась к ней. На деревянной дощечке была выведена памятная надпись: "Алиев Мурад Абдулла оглу. 14 мая 1945 года - 25 октября 1986 года". Прижавшись руками к насыпи сырой земли, она попыталась излить горе, душившее ее со вчерашнего дня.

Здесь ей никто не мог помешать. Она плакала во весь голос, и слезы ручьями текли по ее щекам. Она ревела, пока не сел голос, пока не потемнело в глазах. Когда подумала, что надо вставать и уходить, что это последнее расставанье, и сюда ей никогда больше не вернуться, сердце готово было разорваться от боли.

Раскрыв платок, она набрала в него горсточку земли и, завернув, положила в сумку. Нашла камень, чтобы присесть. Вспомнила про свой первый приезд сюда и знакомство с Мурадом, про поездку с ним в село на "уазике" и рассказ о медвежьем дожде, про сель, в который они угодили. Мурад стоял перед глазами, искоса глядя на нее, как расшалившийся мальчишка, босой, с закатанными штанинами и с букетом полевых цветов в руках.

Вспомнилось, как он переводил ее через речку, как от страха она крепко обвила руками его шею, чувствуя при этом приятное волнение. Ей почудилось его дыхание, биенье его сердца. От воспоминаний у нее зарделось лицо. Она заново пережила те сладкие мгновенья.

Вспомнила, как вышли вечером на прогулку, как она упала, споткнувшись в лесу, как с укором на нее смотрел Мурад. Во всех подробностях ожил в ее памяти тот счастливый день, проведенный с ним в Баку. Странно, но Айдан вспоминались только приятные моменты, связанные с Мурадом, мгновенья, исполненные любви. Будто и не было у них в жизни ничего печального, навевавшего тяжелые раздумья, что болью отзывались на сердце. Отчего же так устроена жизнь? Неужели нельзя узнать истинную цену счастья, пока его не потеряешь?

Уже начинало темнеть, небо затягивало черными тучами. Но, ни кладбище, ни его таинственная тишина, ни доносившиеся из ближайшего леса душераздирающие крики совы не наводили на Айдан никакого ужаса. Вспомнила, как в свое время страшилась кладбища, могил. Оказывается, лишь похоронив своих близких можно сродниться с кладбищем. Она в последний раз оглянулась вокруг и ушла той же дорогой, по которой и пришла сюда.

Айдан подумала: "Наведаюсь в последний раз в сад Мурада*." Как это прекрасно звучит. Сад, где проросли, дали всходы его мечты. Но этот сад хотят уничтожить". В памяти у нее всплыло лицо Тофика Салимова. Такие люди на все способны, пойдут на любую подлость из-за тщеславия, чтобы сохранить должность. Они готовы сравнять с землей сад Мурада, стереть память о нем, о его делах, заслугах. На что только не толкает людей черная зависть? Любопытно, что порождает в людях такую завистливость?

Двое пожилых людей прошли мимо нее, переговариваясь между собой.

- Салимов хочет построить аптеку в этом саду, - сказал один.

- Не может быть, - удивился другой, - ведь говорили, что аптеку построят в другом конце города.

- Он так решил, вон, видишь, и строительные материалы уже начали завозить.

- Значит, от сада не останется и следа...

- Он этого и добивается.

Она не услышала продолжения их разговора. Но уже было ясно, что ее догадки оказались верны. Айдан тут же начала обдумывать статью, с которой выступит. Заново стала вспоминать все, что было связано с Мурадом, от анонимного письма в редакцию до похоронной процессии. Стала размышлять о себе, о неразлучности добра и зла, истины и лжи,

* *мурад - заветная мечта*

верности в любви, возможных изменах и расставаниях на века. "Мурада не уберегли, сберегите хотя бы сад Мурада, пусть он живет", - завершила она в душе свою статью фразой, исполненной чувством гнева и сожаления. "Это будет лучший из моих очерков", - подумала Айдан.

1989 г.

